

Воспоминания моего отца Юрия Ашотовича Кочарова.

От автора.

В жизни каждого наступает такой момент, когда хочется оглянуться назад и пролистать страницы прожитого. Об этом я впервые задумался наблюдая за своим ушедшим на пенсию и мающегося от безделья отцом. Не находя себе места, он часто ходил в парк, что на проспекте Ленина у летнего кинотеатра «Вышка», и коротал там время в компании своих сверстников за шахматной доской и бесконечными разговорами. Однако, когда в холодные и ветреные зимние дни ему приходилось оставаться дома, его одолевала тоска. Вот в таком меланхолическом настроении я однажды его застал, забежав в очередной раз к родителям на обеденный перерыв. Я часто это делал, когда работал буквально через квартал от них в проектно институте Совхозпроект.

«Папа ты что скучаешь? Ты прожил такую трудную и интересную жизнь, был свидетелем многих знаменательных событий, у тебя прекрасная память, ты любишь литературу и сам написал несколько пьес, почему бы тебе не записать свои воспоминания на бумаге для твоих потомков. Ты просто обязан это сделать. Принимайся за работу, и поверь мне тебе будет не до скуки», - сказал я ему тогда. «Да сынок, согласился он, давно мечтаю об этом, но боюсь, что у меня ничего не получится. Ведь пьесы я писал на своем родном языке, а на русском не уверен, смогу ли. Одно дело говорить, а другое грамотно писать» - ответил мне отец. Я пообещал ему помочь с корректировкой текста и снабдить бумагой. Прижатый в угол, он согласился и вскоре с большим энтузиазмом принялся за работу.

Я давно уже на пенсии, с 1992 года. Сейчас мне 72 года, столько же было отцу, когда он закончил писать свои воспоминания. Работал он над своей книгой, по его словам, полтора года. Я надеюсь читатель имел возможность её прочесть.

Кто мог тогда подумать, что через четыре года после смерти отца, история повториться и наша семья вновь окажется свидетелем нового межнационального конфликта. Волею судьбы мы были вынуждены вновь покинуть наш родной город и обосноваться здесь, в Ессентуках, где к тому времени уже проживала наша дочь Лиля. Испытывая ту же мотивацию, что и мой отец, я посчитал своим долгом продолжить начатую им инициативу и поделиться со своими потомками моими воспоминаниями прожитых лет.

Такая возможность у меня появилась лишь в ноябре 1999 года, а точнее это было 10 ноября. Я хорошо запомнил этот день, потому что я тогда наконец-то закончил внутреннюю отделку дома. Прощлой ночью в Ессентуках выпал первый снег, было холодно, температура утром была -12С градусов. Я сидел за очень широким письменным столом в маленькой комнате на втором этаже, у окна с видом на железнодорожную платформу станции Белый Уголь. В доме было

тепло, уютно и светло. Жил я тогда один. Вот уже семь месяцев как моя супруга Ира улетела в Америку к Сереже, а возвращение её намечается на апрель 2000. Она полетела туда по очень важному обстоятельству, у нас появилась внучка. Да, да, я не оговорился, именно так. Наша Марина родила девочку, которую Сережа назвал Шагане. Помните стихотворение Сергея Есенина "Шагане ты моя Шагане"? Это случилось 2 апреля 1999 года, родилась полноценная американка. Понимая, как трудно будет Марине в первые месяцы после родов, Ира срочно вылетела в США. Вот в такой хорошей обстановке, и в приподнятом настроении я и решил сесть за мои воспоминания, и тем самым выполнить волю отца, завещанную нам, его потомкам. Это моё решение одобрили мои дети- сын Сергей и дочь Лиля, и наш зять Федор. Это решение приветствовала и моя сестра Ирочка, проживающая в Баку.

Перед тем как приступить к работе над текстом, я сделал дарственную запись на книге Гарри Каспарова «Испытание временем», которую намеревался подарить моему младшему внуку Вове у которого 17 ноября день его рождения. Он неплохо играет в шахматы, и эта книга помогла бы ему изучить стратегию и тактику этой игры, подковать его теоретически. Во всяком случае я тогда на это надеялся. Ещё раньше эту же книгу я подарил старшему внуку Ашоту, выслав её ему в США. Однако, ни тот, ни другой не стали пользоваться ею, решив остаться на уровне любительской игры. Ашотик предпочёл спорт и стал заниматься восточным единоборством по системе Тхеквондо, а Вовчик полюбил гитару и увлекся попсовой музыкой. И это нормально. Судьбы людей не похожи одна на другую, как не схожи и сами люди. У каждого своё лицо, свой характер и своё призвание.

Мемуары моего отца «Через горнило жизни.» - ценнейший документ, летопись нашей семьи Кочаровых. Они позволили мне узнать не только свою родословную, начиная от прадеда Кочара, но и о тех местах где они проживали. Уже только за одно это, я испытываю глубокую благодарность к отцу за его терпеливый труд в создании правдивого и подробного описания эпохи того времени, быта, нравов, обычаев и характера карабахских армян. Отец обладал удивительной памятью, он помнил не только даты событий, но и имена лиц принимавших в них участие. Такой феноменальной памятью я к сожалению не обладаю, и раскаиваюсь в том, что не вёл дневников. По прошествию многих лет трудно вспомнить всё что было прожито. Годы, дела и суета сует берут своё, вычеркивая из памяти многое. В моём случае, как это не странно, это были события относящиеся не к детскому или юношескому возрасту, а к более зрелому периоду жизни. Запомнилось лишь то, что было невозможно забыть. Илья Эренбург, советский писатель и публицист как-то мудро заметил - «Когда очевидцы молчат, рождаются легенды.» Поэтому, я считаю что, если тебе есть что сказать людям, то ты должен это сделать. Мои воспоминания - это рассказы о времени и о себе. Надеюсь читатель найдет их интересными и познавательными.

Глава 1 Рождение. Детские воспоминания. Первые поездки.

Родился я 19 декабря 1931 года в Баку, в бывшей Михайловской больнице, что на улице Басина. Первоначально моё свидетельство о рождении было выписано на имя Кочарян Арцруни¹ Ашотович. Однако, оно не понравилось моим кузинам, дочерям дяди Ерванда, Амалии и Жанне, и они стали называть меня Юриком. В конце концов, им удалось уговорить отца поменять мне метрики, в которых я уже значился как Кочаров Юрий Ашотович. Под этим именем я поступил в начальную школу. Однако позже в них были внесены ещё два изменения, на этот раз мой год рождения был заменён на 1932, а место рождения на село Мартуни НКАО² Азербайджанской ССР. Много лет спустя отец объяснил мне, что он это сделал с целью отсрочки моего призыва в армию.

С самого раннего детства я много путешествовал. Моё первое путешествие я совершил в возрасте 5–6 месяцев, когда мама со мной весной 1932 года поехала в Ереван к отцу. По воспоминаниям отца наше пребывание у него было нелегким. С продуктами питания было тяжело, у матери не хватало для меня молока и ей приходилось иногда подкармливать меня подслащённым чаем. Из-за недоедания я часто плакал и мочился, что дало моей остроумной бабушке Аннушке повод метко присвоить мне прозвище *Кюзи Даи*.³ В Ереване мы пробыли недолго, и уже в августе того же года вернулись в Баку. Следующее путешествие я совершил летом 1933 года. Тогда я с матерью и бабушкой Мястан отправились в Нагорный Карабах в их родное село Доланлар. Добраться до Доланлар тогда можно было двумя путями. По первому, нужно было доехать по железной дороге Баку - Ереван до станции Махмудлы, и далее на фургоне или арбе проехать 18 км по грунтовой дороге через районный центр Джебраил. По второму маршруту нужно было сойти на остановку раньше, на станции Горадиз. Дальше опять же на гужевом или, если повезёт, на автотранспорте проехать 24 км до районного центра Гадрут, и далее по тропам пешком или верхом километров 18–20 до Доланлар. Я конечно не помню по какому маршруту мы тогда добирались, но хорошо помню, что мы на пути то ли туда, то ли обратно останавливались в Гадруте.

В мои неполные полтора года, мне запомнились два эпизода из этой поездки. По приезду в Гадрут нас на какой-то площади встречали наши родственники. От этой площади шла дорога идущая вверх в Доланлар. Уже на подходе к селу, слева от дороги стояло огромное высокое и ветвистое дерево. Помимо огромного размера, это дерево запомнилось мне и тем, что из гущи его ветвей раздавался шум невообразимой возни и щебетания бесчисленного количества, обитающих на

¹ Имя Армянского царя.

² Нагорно Карабахская Автономная Область, входящая в состав Азербайджанской Советской Социалистической Республики (АзССР).

³ Писающий дядя (арм).

нём птиц. Почти под самым деревом начинались каменные ступени лестницы спускающейся к площадке перед родником. Вкусная и очень холодная вода вытекала из большой металлической трубы. Сельчане и странники приходили к роднику напиться, умыться или набрать с собой воды. Кто-то из близких опустил меня на руках к роднику, и умыл мне лицо. Надо признаться, что умывание ледяной водой не доставило мне особенно большого удовольствия, и я усердно отбрыкивался и плакал. Вернувшись к дереву мы встали в его тени, и тут произошло то, что запомнилось мне на всю жизнь. Дядя Ваган, сын Зари Баджи у которой мы в тот день останавливались на ночлег, неожиданно выстрелил вверх по дереву из револьвера. Оглушительный звук выстрела застал всех врасплох. Мама, держащая меня на руках, от испуга чуть меня не выронила. Сотни птиц напуганных громким выстрелом поднялись в воздух, и разлетелись в разные стороны. Только одна, подстреленная, упала нам под ноги. Я страшно испугался и заплакал ещё сильнее. Помню как бабушка сильно отругала дядю Вагана за его необдуманый поступок, а тот оправдывался тем, что хотел так меня успокоить. У самого села мы перешли дорогу и продолжали идти вверх в направлении ближайших домов, первым из которых оказался домом Зари Баджи. Дом стоял на возвышенности, его фасад с дверью и окном смотрел на то самое большое дерево. Зари Баджи носила традиционную наряд карабахских армянок, ярко красное платье с синими вставками, опоясанное широким, обрамлённым серебром поясом. На голове под платком традиционный атрибут армянских женщин, ободок с плотно весящими на нём серебряными, ещё царской чеканки, монетами. Мне очень нравилось играть с ними, и я часто просился на руки к Зари Баджи, которая была очень добра ко мне. Я до сих пор помню как она угощала меня смесью из поджаренных орехов и сушеного тута, доставая её горсти из широких карманов.

Как-то я с каким-то хромым дядей с необычно длинными носом и руками, сидя перед ним на осле, мы возвращался в Доланлар из какой-то поездки. Как я, уже много лет спустя узнал, это был инвалид с детства Армик. Наш путь лежал по тропе через густой лес. Вскоре впереди показалась довольно широкая, метров в 30–40, но обмелевшая речка. Это была одна из тех горных речек, которые на лето мелели и сужались. Берег речки на нашей стороне был пологий, и в половодье вода поднималась до его уровня. Противоположный же берег, напротив представлял собой крутой утёс покрытый редким кустарником. На вершине утёса были

видны верхушки деревьев. Невероятно, но всё это я хорошо помню. Добравшись до речки, Армик сошёл с осла и хромая повёл его в брод. При этом он, не оборачиваясь ко мне о чём-то со мной разговаривал - «Вот сейчас пойдём к твоему дяде, ... он нас уже ждёт...» Осторожно пробираясь по каменистому обмелевшему дну, мы добрались до середины речки, и вступили в воду. Тут осёл остановился, и опустив голову к воде, попытался напиться. Армик же, не видя этого, продолжал идти. Бедное животное, которому никак не удавалось дотянуться до воды, опустилось на оба колена передних ног, и ... я, легко скользнув по его шее, плюхнулся в воду. Ничего страшного тогда со мной не произошло, Армик быстро подхватил меня на руки, и я отделался лишь лёгким испугом и памятью об этом случае на всю жизнь. Перейдя речку, мы ещё долго шли вдоль её берега пока не свернули на крутую тропинку, приведшую нас на вершину утеса, где мы попали в большой сад. Там в тени одного из деревьев лежал на спине человек, и играл на таре⁴ какую-то армянскую мелодию. Это был брат моей мамы, мой дядя Манвел. Увидев нас он быстро вскочил на ноги, поднял меня на руки и крепко целуя и обнимая говорил мне какие-то добрые слова. К окончанию лета мы вернулись домой в Баку.

Из раннего детства мне ещё запомнилась наша первая квартира в Арменикенде. Она находилась на 1-й Нагорной улице в том же доме, где с семьёй проживал старший брат моего отца, дядя Ерванд. Двухкомнатную квартиру на первом этаже этого дома дядя Ерванд получил ещё в 1926 году. Дом был частью нового района города построенного по американскому проекту, который в последствии стал известен в народе как Арменикенд.⁵ Как известно, Баку по отношению к бакинской бухте расположен амфитеатром, а Арменикенд географически начинался на самой его вершине, и условно простирается с юга на север от здания в котором раньше располагался Штаб Армии, до улицы Инглаб. Восточной границей района считалась улица Фабрициуса, а западной улица Самеда Вургуна. До 1920-х годов вся эта территория пустовала, и новая Советская власть застроила её по разработанному общему генеральному плану строительства. Параллельно с плановым строительством, на ещё пустующем пространстве стали возникать, так называемые самостройки, то есть дома построенные частными лицами без получения официального разрешения городских властей. По этой причине, новые кварталы были построены с вкраплениями самостроек, так же известных в народе как нахалстрой. Основными жителями нахалстроев были беженцы-армяне из Нагорного Карабаха прибывшие в Баку ещё в 20-е годы. Типичный квартал представлял из себя комплекс зданий состоящий в основном из прямоугольника двухэтажных жилых домов. В центре внутреннего двора квартала, как правило,

---

⁴ Струнный щипковый музыкальный инструмент распространенный в многих странах востока.

⁵ Армянская деревня (Аз)

располагалось одноэтажное административно-хозяйственное здание, в котором могли находиться домовое управление, красный уголок, общественная прачечная и подсобные помещения. Перед этим зданием обычно располагалась асфальтированная площадка используемая для сушки белья и как детская игровая площадка. Арменикенд это, можно сказать, бакинский аналог Тбилисского Авлабара, большинство населения которого тоже составляли армяне. По этому поводу бывало много шуток, например такая-« Армянскому радио задают вопрос - Где находится город Баку? - на что оно ответило - У подножья Арменикенда.» Будучи крупнейшим промышленным городом на юге Царской России, а позже СССР, богатый запасами нефти Баку быстро разрастался за счёт притока людей прибывающих в поисках работы. В разных частях города появлялись новые районы, значительная доля которых были самостройки. При том, что население города было интернациональным, новые районы заселялись преимущественно представителями определенной национальности. Армяне доминировали в Арменикенде, в Привокзальном (от вокзала до Арменикенда.) и в Завокзальном районах. Азербайджанцы традиционно проживали в районе Крепости, улиц Хребтовой и Советской, в районе Похул Дарья у Центрального рынка итд. Русские проживали в районах Чёрного и Белого городов, посёлках Разин, Баилово, Зых итд. Горские евреи в районе примыкающем к улице Басина.

Глава 2 Кочаровы.

В своих воспоминаниях мой отец подробно описал и представил много информации о Кочаровых. Я лишь кратко напомню моему читателю и дополню его рассказ тем, что вам следует знать в первую очередь, и постараюсь описать нашу семью так как я её знал.

Мой дед Мартирос (Марди) родился в 1875 году в селе Кендхурт (Хагорты) Нагорного Карабаха. Он был поздним ребёнком в бедной и многодетной семье, и осиротел в раннем возрасте. Своих родителей он не помнил. Его взяла к себе на воспитание одинокая родственница, которая через несколько лет скончалась. Молодой Марди в возрасте 18 лет присоединился к группе односельчан, и отправился с ними за Каспий в Туркменистан на заработки, где работал подмастерьем у каменщика. Подучившись ремеслу, и заработав немного денег он вернулся в Карабах. Там ему при помощи свахи засватали девушку из Шуши, мою бабушку Ануш, на которой он в 1905 году женился. Родилась Ануш в Шуши, но даты рождения её я к сожалению не знаю. Вскоре у них родились сын Ерванд, затем мой отец Ашот, дочь Люсик, сыновья Енок и Зармаир. Зармаир умер в детстве. В тяжёлое время Первой мировой войны, Мартиросу несмотря на все его старания и усилия было тяжело сводить концы с концами. Семья голодала. Он снова отправился на заработки за Каспий, и что-то заработав, отправился домой,

обходя территории в которых шли боевые действия. Уже добравшись до Карабаха, он и его спутники были ограблены бандитами. Вернувшись ни с чем, Марди продолжил поиски работы. Сильно истощенный тяжёлым трудом и голодом, он заболел и скоро тихо скончался.

Моему отцу тогда было 14 лет. Вся забота о семье легла на плечи бабушки, которая преодолев немыслимые невзгоды, сумела сохранить семью и вывезти её в 1920 году в Баку. Бабушка была для всей нашей большой семьи, как говорится, и бог и царь. Это была очень энергичная и сильная характером женщина, при этом обладающая хорошим чувством юмора, любящая пошутить, увлекательно и артистично рассказывать различные смешные истории, имитируя голоса, мимику и жесты персонажей. Мец Мама, как стали называть бабушку Ануш, была единоличной хозяйкой дома. Она и только она готовила и выполняла всю работу по дому. Хорошо помню как Мец-мама готовила долму. Сидя на полу, она клала между ног толстую деревянную доску, и разложив на ней баранью мякоть отбивала её молотком. Считалось что долма приготовленная таким образом была вкуснее приготовленной из фарша.

Квартира дяди Ерванда, в которой она жила, была отчим домом для всей нашей большой семьи. Сейчас трудно себе представить, что в этой квартире в разные годы одновременно проживали: Дядя Ерванд, тётя Грачик, Мец Мама, дядя Енок, Куйрик, Амалия, Жанна, Лариса, мой отец, моя мать и я.

Здесь мы собирались на большие семейные застолья по многочисленным дням рождения и праздникам, и весело проводили время за разговорами, бесконечными шутками и играми. В этой квартире всегда были рады друзьям дяди Ерванда и дяди Енока, большинство из которых были музыкантами. Они репетировали, бесконечно шутили, вовлекая в свою компанию всех членов нашей большой семьи. Эти встречи, как правило, заканчивались трапезой. Бабушке, уже при помощи её помощниц в лице моей мамы и тётюшек Грачик, Аракси и Люсик, для этого приходилось много готовить, и накрывать столы. Звучали бесконечные тосты, которые заканчивались только тогда когда было выпито всё спиртное в доме.

Старшая невестка бабушки, жена дяди Ерванда, тётя Грачик была до наивности простой, но очень доброй по натуре женщиной. Приятная на внешность, она была неторопливой как в движениях, так и в разговоре. Я не помню, чтобы она когда-либо говорила на повышенных тонах, или кому-то возражала. Тётя Грачик не умела и не проявляла особенного интереса к готовке, полностью делегировав её бабушке.

Отношения с невестками у Мец Мама были прохладные, она не испытывала к ним близости, но и одновременно не переходила черту, и не устраивала им разборок. Невестки отвечали ей тем же, тогда как её сыновья души в ней не чаяли.

Но всё это было до поры до времени, пока не наступила старость и она стала в тягость семье её старшего сына, с которой она прожила всю жизнь со дня приезда в Баку и до самой её смерти. Младшая дочь дяди Ерванда Лариса, что-то не поделила со своей бабушкой, и у них в доме начались скандалы. Ситуация ещё больше осложнилась, когда Лариса вышла замуж за некоего Эльмира, огромного русского парня с детства усыновленного и воспитанного армянской семьёй выходцев из Карабаха. Любопытно, что Эльмир говорил на карабахском диалекте армянского лучше, чем многие выходцы из Карабаха. Мало того, он был довольно перспективным поэтом, чьи стихи печатались в республиканской армянской газете «Коммунист». И что совсем странно, он недолюбливал русских, и плохо владел их языком. Выйдя замуж за Эльмира, Лариса переехала к нему жить, где вскоре повздорила со своею свекровью, и вернулась со своими детьми Аней⁶ и Арамом в отцовский дом. Какое-то время там же периодически жил и Эльмир, но не желая оставлять одинокую мать одну, вернулся к ней. Последовали новые скандалы, в результате которых вся эта семейная история закончилась разводом. Козлом отпущения для Ларисы стала конечно бабушка.

Дяде Ерванду⁷ пришлось созвать своих братьев, и объявить им, что он очень благодарен им за материальную поддержку содержания Мец Мамы, однако теперь ожидает от них большего участия в её судьбе. Дядя Ерванд предложил братьям поочередное проживание Мец Мамы в их домах. Серьёзно поговорив со своими жёнами, братья пришли к согласию, и приступили к исполнению плана. Люсик к этому соглашению не присоединилась. Прожив по три недели у нас и у дяди Енока, бабушка вернулась к дяде Ерванду, и наотрез отказалась больше покидать свою комнату. Надо признать, что в бабушке было, что-то такое, что мы внуки, с детства особой любви к ней не испытывали.

Шли годы, Мец Маме уже было за 90, и ей становилось все труднее и труднее обслуживать себя. После того как тётя Грачи, сама уже находившаяся в преклонном возрасте, окончательно отказалась обслуживать Мец Маму, братья договорились установить за ней поочередное двухдневное дежурство, и строго его соблюдали. Невестки бабушки тоже принимали участие в её содержании, ограничившись приготовлением ей еды. Мы с Ирой также, при первой возможности её посещали. Мец Мама уже не узнавала меня, плохо слышала, но хорошо видела и никогда не пользовалась очками. За полгода до её кончины,

---

⁶ Я плохо помню Арама, но хорошо запомнил Аню, которую мне довелось видеть раза два-три в моей жизни. Последний раз это было на похоронах моей бабушки Аси в Апреле 1980 году, куда она пришла со своим русским мужем. Аня сама была похожа на русскую. Она тогда обняла и поцеловала меня. Мне запомнилась её красивая улыбка.

⁷ Я долго размышлял прежде чем решился включить эту части главы в книгу. Желания причислить это повествование к категории «Скелет в шкафу» было очень сильным. Однако, я посчитал нужным, оставить его как информацию к размышлению следующим поколениям. Из прошлого надо извлекать уроки.

предварительно отправив бабушку к Куйрик, я работающий тогда прорабом, послал двух маляров с материалами, и они за три дня произвели полный ремонт в её запущенной комнате. К слову сказать, Куйрик к тому времени была серьёзно больна и глубоко несчастна.

Умерла Мец Мама 20 Сентября 1974 года в возрасте около 95 лет. Похоронили её на нашем семейном участке на русско-армянском кладбище предусмотрительно приобретённым отцом. На этом же кладбище рядом с матерью впоследствии был похоронен и он сам.

Глава 3 В тесноте да не в обиде. Свадьба дяди Енока. Единственный мальчик в семье. Мои увлечения. Без вины виноватый.

Женившись в январе 1931 года, мой отец с молодой женой продолжал жить большой семьей в квартире дяди Ерванда. Сейчас даже трудно представить, как в этой небольшой двухкомнатной квартире могло одновременно проживать от 8 до 11 человек. Наша большая семья состояла из Мец Мамы (Аннушки), дяди Ерванда с его супругой Грачик и дочерьми Амалия, Жанна и Лариса, моих родителей и меня, тёти Люсик и дяди Енока. После моего рождения и возвращения отца из Еревана, наша семья занимала остекленную веранду размером 4×2 метра. В октябре 1933 года отцу удалось получить разрешение на вселение в полуподвальное кладовое помещение расположенное в соседнем доме.

Отец в своих мемуарах подробно описал как он и Мец Мама провели там ремонт, по окончании которого наша семья переехала в эту «квартиру». Наше новое жилище состояло из кухни в 4×2 метра и примыкающей к ней комнатёнки в 4×3.5 метра. В кухне и комнате было по одному окну установленному на уровне отместки здания. Квартира была без удобств, то есть в ней отсутствовали водопровод, канализация и газоснабжение. Воду мы набирали из поливочного крана на улице, там же во дворе был и общественный туалет. В то время все жилые кварталы обслуживались дворниками, которые отвечали за порядок и чистоту отведенного им участка. Дворники знали всех жильцов на своём участке, интересовались у незнакомцев о цели их визита в наш квартал, при необходимости указывали им куда идти, их можно было попросить передать кому-то записку или что-то на словах. К сожалению всё это осталось в прошлом.

Вскоре после нашего переселения в новое жильё, в 1934 году дядя Енок женился на тёте Араксе и они поселились в такую же комнатёнку, как и наша, но в соседнем доме. Их свадьбу мы сыграли в квартире дяди Ерванда. Помню, что продукты на свадебный стол хранились у нас и у дяди Енока, и как наши женщины бегали за ними из одного дома в другой. Несмотря на наш переезд, я в дошкольные годы много времени проводил у дяди Ерванда. Мы с его младшей дочерью Ларисой были почти ровесниками, я был на год моложе, и мы часто

играли вместе. Если кратко описать расположение комнат квартиры дяди Ерванда, то это будет выглядеть как-то так- войдя в квартиру вы попадаете в «L» образный коридор в конце которого располагался туалет. Из коридора был вход в большую кухню в которой, как это не странно, стояла ванна, скорее всего установленная дядей Ервандом. В этой ванне какое-то время Мец Мама купала меня и Ларису одновременно, что нам очень нравилось. Но однажды, когда Жанна застала бабушку за этим занятием, нашему совместному купанию пришёл конец. В гостиной, служившей одновременно и столовой, стояла большая достопримечательность квартиры - огромный старинный сервант из красного дерева, инкрустированный барельефами каких-то античных героев и головами рычащих львов. Нижняя часть серванта состояла из двух отсеков, в одном из которых, нам детям, разрешалось хранить игрушки, а их у нас было огромное количество. У Ларисы было множество кукол, набор детской кухни, кровати, стульчики и много ещё чего. Хорошо запомнилась кукла одетая в платье карабахской женщины, которую ей сшила Мец Мама, но почему-то Лариса ею редко играла. У меня игрушек было не меньше: пистолеты, винтовки, сабли, автомобили, и даже трамвай маршрута №5, что ходил только у нас в Арменикенде. В качестве пассажиров я использовал шахматные фигурки позаимствованные у дяди Ерванда. Убрать такое количество игрушек в наш отсек было непростой задачей, часто заканчивающейся шумными спорами и стычками. В один момент, когда дяде Ерванду надоело нас разнимать, он освободив половину шкафа позвал нас с Ларисой, и поцеловав сообщил, что теперь у каждого из нас будет свой собственный отсек. О детское счастье! Как мы были рады прыгая и бегая по комнатам с криками ура. Мы сразу же разделились, каждый сложил игрушки в свой отсек, места было так много, что мы умудрялись в них прятаться, прикрываясь дверцами. Должен отметить, что дядя Ерванд очень любил Ларису, она буквально задыхался от его поцелуев. Да и ко мне он был очень добр, и часто целовал меня тоже. Какой-то период времени я даже называл его папой. Помимо серванта, в комнате из мебели ещё стояли диван, письменный стол и пианино, за которым занимались Амалия и Лариса. Позже, дядя продал его и купил чёрный концертный рояль, от чего в комнате стало заметно теснее. Из гостиной можно было попасть в спальню и в ту самую остеклённую веранду, где проживали я с родителями. Теперь это была комната Мец Мамы.

Передо мной лежат три фотографии тех времен, на одной из них, снятой в 1935 году, я в чёрной черкеске с кинжалом на поясе, в белой папахе и в красных сапогах. Кто сшил мне черкеску, я уже не помню, но хорошо помню, что сапожки мне сшил двоюродный брат отца, дядя Ваган. Он был отличным сапожником, и я помню как мы ходили к нему домой на примерку. Жил он на 9-й Нагорной улице, в типичном Арменикендском дворике, в одноэтажном домике-самостройки, напротив школы #47, которая тогда только строилась и была огорожена

деревянным забором. В этом жилище, состоящем из веранды и одной комнаты без окон, помимо дяди Вагана и его жены с ребенком, жили его родители, дядя Ширин и тётя Гумаш, и его сестра Ася. Дядя Ширин был неплохим портным, и раза два шил мне брюки. Помню его сидящим на веранде за столом со швейной машинкой и просившим свою дочь Асю продеть ему нитку в ушко иглки. Что мне ещё запомнилось, это поразительное сходство Гумаш-баджи со своей сестрой, моей бабушкой Аннушкой.

На двух других фотографиях в овальных картонных рамках, я был снят поочередно с отцом и матерью. Обе фотографии были сделаны в Сентябре 1933 года. Я хорошо помню этот день. Сначала в красной бабочке на рубашке я снялся с мамой и должен был также сняться с отцом, но тут я запротестовал, требуя белую папаху, которую я очень любил. Никакие уговоры родителей на меня не подействовали, и им пришлось пойти мне на уступки заменив бабочку на белый шарф и сфотографировать меня в папахе.

Будучи уже в преклонном возрасте и вспоминая своё детство, я все больше убеждаюсь в том, что отношение ко мне всех ближайших родственников было особенным. Я был желанным и востребованным ребёнком, которого все любили и баловали. Я был всегда по моде и хорошо одет в одежду и обувь сшитую на заказ. Как-то к нам во двор, ещё когда мы жили в 221 квартале, в соседнюю парадную зашёл морской офицер. Мне так понравилась его форма, черный китель с золотыми нашивками на рукавах, золотистый пояс с портупеей и висящим на нём морским кортиком, что я долго не отходил от этой парадной, чтобы ещё раз посмотреть на неё. Дождавшись офицера, и внимательно его рассмотрев, я побежал домой и поделился со всеми моим впечатлением о форме. Видать я сделал это так вдохновенно и эмоционально, что все домашние дружно пообещали обязательно сшить мне такую же форму. Спустя несколько дней, то ли Курик, то ли Амалия, уже не помню точно кто, но скорее всего это была Курик, сказа мне, что хочет взять меня с собой погулять, при этом не сказав куда. Курик любила меня больше всех и часто водила в кино, цирк, зверинец или просто погулять по городу. На этот раз, схитрив, она привела меня в мастерскую по пошиву военной формы, что находилась на проспекте Ленина недалеко от Штаба Армии. Потом мы туда ходили ещё несколько раз на примерку. Так как фуражек моего размера в продаже не было, пришлось заказывать и её. Я был бесконечно рад и очень горд своей морской формой и, как говорится, фикстулил ею перед своими сверстниками и будущими одноклассниками - Павликом Санамовым, Сергеем Борщёвым и Робиком Исраиляном. Наш 221 квартал был разделён тремя внутренними домами на три дворика. Все три были хорошо благоустроены озеленением и игральными площадками. Как и все дети, мы проводили много времени во дворе играя в различные игры: казаки-разбойники, накули, бляшку, прятки и конечно в войнушку. В войну мы «сражались» двор на двор, или даже

квартал на квартал. Наличие в моем гардеробе формы морского офицера и чересчур значительно повысило мой авторитет и статус среди моих друзей. Я был единогласно избран командиром нашего отряда, сместив с этой должности Павлика Санамова, который стал моим начальником штаба. Как самому эрудированному, ему было доверено допрашивать «пленных», которых мы содержали в подвале, периодически обменивая их на своих. В свой отряд мы вовлекали и девчонок, поручая им роли медсестер. Самой красивой из них была моя соседка со второго этажа Вита Московченко. Вита была очень гордой и высокомерной, и держалась как-то обособленно от нашей компании. Однако, в один прекрасный день она подошла ко мне и говорит – «Моя мама разрешила мне дружить с тобой. Ты не против?» Видимо мой гардероб имел успех не только у моих друзей. К сожалению подружиться нам с Витой так и не довелось, так как вскоре меня в очередной раз забрала к себе моя другая и самая любимая и дорогая бабушка, или как я называл её на армянский лад Бабо. Там меня ожидал мой любимый новый двухколёсный велосипед, до которого я катался на четырёхколёсном, подаренным мне дядей Манвелом. Быть «наследным принцем» в армянской семье, означало быть постоянно в центре всеобщего внимания и любви. Только через тринадцать лет после моего рождения, в 1944 году, когда у дяди Енока и тёти Аракси родился первый сын Володя, пальма первенства перешла к нему, а затем через два года к его брату Саше. Но, не боясь показаться нескромным, признаюсь, что я ещё долго оставался «премьером», наверное благодаря моей непоседливости, любознательности и не иссекаемой энергии. Я проводил много времени во дворе в играх со своими друзьями, и меня порою приходилось насильно затаскивать домой поесть. «*Эт инч чар хохая*⁸», «Не по возрасту смекалист», говорили обо мне. Шаловливый и не робкий, я в то же время был осторожен, никогда не начинал драться первым и старался по возможности избегать их. Это не всегда удавалось, и тогда я без промедления давал сдачу обидчику.

Как-то отец, по возвращению с каких-то военных сборов, привёз с собой большой и тяжелый деревянный ящик. Не оглашая его содержимого, он собрал всех у нас в квартире. В маленькой комнате в 14 квадратных метров между двумя кроватями стоял наш обеденный стол, помимо этого у кроватей стояли шифоньер и трельяж. Весело смеясь и в шутку подталкивали друг друга, наши родные протискивались между кроватями и столом и наконец расселись на кроватях, а те кому не хватило на них места, усаживались на стулья. Все с нетерпением жаждали узнать, что же там находится в этом таинственном ящике, и когда отец поставил его на стол, все принялись гадать. В фанерных стенках ящика были проделаны отверстия, и хотя содержимого не было видно, большинство предположило, что там лежат яблоки.

---

⁸ Какой шаловливый мальчик(арм)

Каково же было всеобщее удивление и радость, когда отец открыл коробку и мы увидели в ней аккуратно уложенные в ряд, завернутые в тонкую прозрачную бумагу крупные, все как на подбор одного размера, мандарины. Каждая обёртка была закреплена этикеткой, наверное это были импортные или упакованные на экспорт мандарины. Все весело принялись за дело, доставали мандарины прямо из коробки, освобождали вкусные и спелые фрукты от оберток и шкурок и начали с удовольствием прямо из рук их поедать. Уже за чаем, кто-то из любопытства поинтересовался сколько же мандаринов было в коробке? Тётя Аракся предложила всем вспомнить сколько мандаринов они съели, а затем сложить цифры. Кто-то стал вспоминать, а кто-то не надеясь на память стал считать шкурки съеденных им мандарин. Всё это происходило под шутки и смех присутствующих, особенно отличался известный шутник дядя Ерванд. Однако к общему мнению наши манипуляции не привели. Неожиданно мне пришла идея, которой я тут же поспешил поделиться. А что если мы посчитаем обертки? Тут за столом произошла минутная пауза, после которой все кинулись меня обнимать, целовать и подбрасывать вверх, при этом удивляясь как это им самим не пришло в голову.

Была ещё одна история, которая мне тоже запомнилась навсегда. Как-то, уже зимой следующего года, мама с соседкой тетей Варей с утра, как они это часто делали, отправилась в магазин за продуктами. Так как тётя Араксия была на занятиях в техникуме Учета и Торговли, маме пришлось оставить меня одного. К слову сказать, техникум находился по нашей же улице, там где позже был построен дом Артиста, в котором училась Жанна. Я сидел за столом на кухне и рисовал. Дома было очень холодно и поэтому рядом со мной на столе стоял горящий примус, на котором, как дополнительная тепло излучающая поверхность, стоял большой чугунный утюг. Такой же утюг стоял на керосинке в жилой комнате. В какой-то момент я почувствовал запах гари и оглянувшись увидел шедший из комнаты дым. Я кинулся туда. Из керосинки валил густой с копотью черный дым. Вспомнив, что я дома один, я выбежал из квартиры и пробежав по лестнице вверх выскочил во двор. Там ни души. Я вернулся в квартиру и схватив какую-то тряпку, обхватил ею горячий утюг и перенес его на кухню. Поставив утюг на подставку, я побежал назад за всё ещё дымящейся керосинкой и поставил её на кухонный стол. Помня как родители её разбирали, чтобы зажечь, я с трудом снял горячую стеклянную лампу, чтобы проверить фитиль. В этот момент из керосинки вспыхнуло пламя. Попытка потушить его тряпками была безуспешной. Тут я уже немного запаниковал, начал бегать вверх-вниз по лестнице во двор, в надежде позвать кого-то на помощь. Но там как назло никого не было. Соседи по подъезду, за исключением одного парализованного старика, были на работе. У меня уже опускались руки, думаю всё, не избежать нам пожара. И тут внезапно меня осенила мысль, как потом оказалось довольно

разумная. Открыв дверь в парадную, я обжигая руки с трудом вставил лампу обратно в керосинку, и держа её на вытянутых руках за ручки быстро побежал наверх. Пламя обжигало пальцы и я не выбегая из подъезда из-за всех сил кинул керосинку в сугроб снега. Вернувшись домой, я открыл окна и проветрил квартиру. Скоро пришла мама и узнав о произошедшем принялась меня отчитывать, обвиняя в том, что увлекшись рисованием я наверное вовремя не заметил опасность. Может это и было так, но я посчитал, что она была ко мне несправедлива, и расплакался от обиды. Мама тут же стала меня успокаивать, а потом и сама расплакалась виня себя в том, что оставила меня одного. Теперь пришел мой черед успокаивать её. Мои близкие узнав об этой истории, оценили мои действия по достоинству посчитав, что я поступил и действовал правильно, смело и находчиво.

Глава 4 Мои дни рождения. Подарки дяди Ерванда. Уроки рисования.

Мой день рождения, 19 Декабря, ежегодно отмечался пышно, я бы сказал, с широким размахом. К нему готовились заранее, мама и Бабо всегда пекли в большом количестве хрустящий, слегка поджаренный и обсыпанный сахарной пудрой *якяндж*⁹ и прочую выпечку. Всё это, наряду с цитрусовыми и прочими фруктами, укладывалось в большие и высокие десертные вазы на ножках. Застолье всегда начиналось с холодных закусок и салатов, на горячее традиционно готовили плов и жарили шашлык. Хорошо помню, как дядя Верди (муж Курик), которому по службе часто приходилось ездить по командировкам, планировал их так, чтобы на день моего рождения обязательно быть в Баку. Но самым неизменным гостем на них, конечно был дядя Енок, который меня очень любил. Он приходил всегда, даже тогда, когда многие другие из-за плохой погоды не могли прийти. Декабрь тогда в Баку мог быть очень холодным, с метелями и пронизывающим насквозь ветром. Сейчас, мне кажется, зимы в Баку стали теплее. Гости приносили много ценных подарков (в то время дарить деньги было не принято), в основном это были отрезки тканей на брюки и рубашки, посуда и прочая домашняя утварь. Мне же всегда нравились подарки дяди Ерванда. Они может быть и были не самыми дорогими, но всегда были тем, что мне было нужно: коробки цветных карандашей, акварельные краски, кисти для красок, альбомы для рисования, конструкторы и прочее. Дело в том, что дядя Ерванд заметил во мне интерес к рисованию и живописи. Как-то он обратил внимание на то с каким вниманием я рассматривал написанную им копию знаменитой картины неизвестного художника «На развалинах города Ани», повествующей о трагической судьбе древней столицы Армении. На картине, вешащей в спальне над кроватью, была

---

⁹ армянская кята.

изображена молодая красивая девушка, сидящая на развалинах разрушенного до основания города. Волнительный сюжет, исполненный в нежных полутонах, тогда произвёл на меня большое впечатление. У дяди Енока дома висела такая же картина, написанная им. Выполненная с мастерством в других, более ярких и контрастных тонах, она нравилась мне больше. У дяди Енока была и другая картина, написанная им уже акварелью. Это была копия знаменитой картины Репина «Иван Грозный убивает своего сына». Конечно, я тогда понятия не имел кто такой Репин и Иван Грозный, и почему последний убивает своего сына. Не видел я и оригинал этой картины. Глядя на обе написанные дядей Еноком картины, я впервые понял, что через цвет, свет и тени можно передавать не только физические объекты, но и человеческие чувства, эмоции и их восприятие мира. Дядя Енок привил мне любовь к рисованию, преподав мне несколько уроков по основным навыкам, за что я ему премного благодарен. Рисование стало моим любимым занятием, и бог меня не обидел, одарив способностью к нему. В пятом классе я начал посещать Республиканский дом художественного воспитания детей, находящийся между нынешним концертным залом имени Ленина и кинотеатром Низами. Туда я записался самостоятельно и посещал классы два раза в неделю. Однако, это был не класс рисования и живописи, а класс скульптурного зодчества, куда меня зачислили из-за отсутствия мест в классе изобразительного искусства. В прочем я не очень-то огорчился, так как мне понравилась и лепка, и я с удовольствием этим занимался. К тому же значительное время занятий было уделено и урокам рисования. У меня было сильное желание написать свою копию картины Репина «Иван Грозный убивает своего сына». Я долго не решался, сомневаясь, что получится, но потом все-таки принялся за неё и не ошибся. Моя картина, на мой взгляд, получилась даже лучше, чем у дяди Енока. Она понравилась всем моим близким. Особенно хвалил ее Шура, муж Амалии, который будучи архитектором прекрасно разбирался в живописи. Его поразило как мне удалось передать драматизм ситуации и трагедию в глазах царя-детоубийцы, используя в качестве источника репродукцию с обыкновенной почтовой открытки. Спустя много лет, будучи по работе в командировке в Москве, я посетил Третьяковскую галерею и имел возможность лицезреть и восхищаться оригиналом шедевра Репина. Наверно это будет слишком громко сказано, но я был рад отметить, что написанная мною в детстве копия была близка к оригиналу. Картина долго висела у нас дома, однако после одного из ремонтов бесследно исчезла. Наверное мать, по халатности её выбросила. Мне было очень жаль.

Глава 5 Люсик

Тётя Люсик была моею самой любимой тётёй с которой у меня связаны самые добрые воспоминания. Поэтому я не мог устоять, перед тем, чтобы уделить ей достойное ей место в моих воспоминаниях, при этом не соблюдая последовательности описываемых ниже событий.

Во время происходящих в предыдущей главе событий, Куйрик,¹⁰ как все в кругу семьи звали тётю Люсик, была ещё не замужем. Впрочем, у неё уже был ухажёр, Верды,¹¹ который часто захаживал к нам. Я помню как они под патефон учились танцевать очень модные тогда западные танцы, чем явно раздражали Мец Маму из-за близкого расположения танцующих друг к другу. Сама будучи прекрасным танцором грациозных восточных танцев, она не воспринимала «кривляния» современных танцев. На нарочно заданный ей вопрос, нравятся ли они ей, она отвечала - « Это разве танцы, какие-то *хыты-мыты*¹².» Удивительно, что будучи такой жизнерадостной и общительной она, живя в городе с 1920 года, в котором все говорили исключительно на русском, за всю свою жизнь наверно выучила 2–3 слова, и те выговаривала с трудом. Она ни разу в жизни самостоятельно не ездила на общественном транспорте, не ходила за покупками, хотя жила в ста метрах от проспекта Ленина, где было множество магазинов и базар. Единственными маршрутами которые она совершала самостоятельно, были её почти ежедневные хождения к Куйрик, что жила в метрах ста от неё, и два-три похода в год к нам домой на 5-ю Нагорную улицу, что было в полукилометре от её дома по прямой. Действительно, после того как Куйрик вышла замуж, бабушка всецело переключила своё внимание на них, помогая, между нами говоря, нерасторопной и медлительной дочери по домашнему хозяйству и уходу за детьми.

Люсик была красивой и доброй девушкой, которая с самого детства очень любила поспать и вставала с постели не раньше одиннадцати. Однажды произошёл забавный случай, это было ещё до рождения у неё детей, который нам с ней запомнился на всю жизнь. Мне тогда было 7 лет и я приехал к ней погостить из Мартуни в Агджабеди,¹³ где тогда работал дядя Верди. Сейчас я уже не помню, по какой причине я там оказался, но хорошо помню дом в котором они снимали комнату, и прилегающий к дому двор. Как правило, я просыпался раньше всех, самостоятельно вставал, умывался, одевался и выходил во двор поиграть. Во дворе росло много цветов, в основном розы, которыми я любовался и любил нюхать. Через какое-то время из дому выходил дядя Верды, и немного поболтав со мной уходил на работу. В тот день моё внимание привлекли муравьи, дружно

¹⁰ Сестра (арм). Со временем новое поколение Кочаровых называла её на русский лад тётя Люся.

¹¹ Данный, подаренный (пер, аналог имени Богдан.

¹² Ерунда какая-то. (арм сленг)

¹³ Районный центр одноименного района Азербайджана.

передвигающие по дну канавы дохлую, превратившуюся в мумию жабу. Вооружившись толстой веткой, я расчищал муравьям путь, удаляя камни и всякую ветошь. Проголодавшись, я несколько раз забегал в дом проверить не проснулась ли Куйрик. Но она всё продолжала спать. Наконец, застав её прыснувшей, но всё ещё в постели, я прямо с порога накричал на неё -« Это что ты за Соня такая? Как я не зайду, ты всё дрыхнешь и дрыхнешь. Столько можно спать?» Потом, когда я уже был взрослым, Куйрик долго вспоминала этот случай и став у дверного порога кричала копируя меня.

Агджабединский район был одним из засушливых районов Азербайджана, однако там умудрились выращивать великолепные арбузы и дыни. За неделю, проведённую у Куйрик я вдоволь их наелся. Наелся до такой степени, что по возвращению в Мартуни в первый же день заболел. У меня поднялась температура выше 40°С, которую не могли сбить в течение 3-х дней. Высокая температура сопровождалась рвотой и головокружением. Я тогда пролежал две недели с подозрением на отравление.¹⁴

Тётя Люсик, будучи старше моей мамы и тёти Аракси, вышла замуж намного позже их. Уж слишком долго выбирала она себе бедующего супруга из множества ухажёров. В конце концов она сделала свой выбор, выйдя замуж за своего одноклассника Исраиляна Верди, которого любила всю жизнь. Дядя Верди был на три года моложе Куйрик. Сама красивая, она нашла себе достойную пару, Верди был приятным на внешность, выше среднего возраста мужчиной с прекрасной шевелюрой. Это был очень серьёзный, всесторонне развитый человек, отличающийся многими достоинствами. Он прекрасно играл в шахматы, и я часто составлял ему партию, но не могу похвастаться тем, что счёт всегда был в мою пользу. Верди оказался прекрасным мужем и семьянином. Это была счастливая семья. Вначале они жили вместе с родителями Верди, недалеко от нас по 3-й Нагорной улице, на перекрестке с 5-й Перевальной, рядом с начальной школой №42 которую я посещал. Позже в том же дворе, дядя Верди построил хороший дом со всеми удобствами и они перебрались в него жить. У них родилось четверо детей: сын Феликс и дочери Флора, Фрида и Нелля. Кстати, все роды у тёти Люсик происходили на дому, и принимала их Мец Мама. Дядя Верди неплохо зарабатывал, и Куйрик имела возможность не работать и воспитывать детей. В последние годы он работал старшим агрономом-ревизором в Министерстве Хлопкозаготовок и по долгу службы часто ездил с инспекциями в хлопковые районы Азербайджана. Однажды, вернувшись из одной из таких командировок, тётя Люся показала ему документ вручённый ей под роспись

---

¹⁴ Наверняка это было отравление аммиаком используемым в качестве удобрения при выращивании бахчевых.

посыльным. Документ оказался извещением городского исполнительного комитета о том, что их дом и окружающие дома подлежат сносу, и что ему подлежит явиться в исполком. В исполкоме дядя Верди узнал, что его двор будет сноситься во вторую очередь, и что им будет предоставлена квартира в одном из микрорайонов, в доме, строительство которого ещё не началось. В то время в их дворе оставалась жить только их семья, родители дяди Верди уже умерли, а их младший сын Ваня уехал сначала в Степанакерт, а потом перебрался в Ереван, где вскоре получил квартиру и остался там жить навсегда. Не захотев переезжать в микрорайон, дядя Верди купил очень хорошую 3-комнатную квартиру в 226 квартале, расположенном недалеко от их прежнего дома и дома дяди Ерванда. Кстати, в том же подъезде этажом выше в квартире своего армянского дедушки жил будущий чемпион мира по шахматам 4-летний Гарри Каспаров.

Дядя Верди обратился ко мне с просьбой помочь с ремонтом, я тогда работал в военном строительстве. К сожалению, я не мог тогда помочь ему с мастерами, так как в тот момент они были заняты на отделке хирургического отделения военного госпиталя, очень важного объекта за строительство которого я отвечал. Однако я смог помочь ему со всеми строительными материалами необходимыми ему для ремонта. Дядя Верди остался очень доволен моей помощью.

К сожалению, богу не было угодно, чтобы он прожил в новой квартире долгую и счастливую жизнь. Через два года, в феврале 1969 года, будучи в очередной командировке, он скончался при странных и до конца невыясненных обстоятельствах. По официальной версии милиции, дядя Верди уснул в гостиничном номере с включенной электроплиткой возле своей кровати, и во сне случайно сдвинул одеяло, которое загорелось от соприкосновения с электроплиткой и он задохнулся угарным газом. Однако, были и другие версии. По одной из них он был умерщвлён за то что выявил крупные нарушения финансовой отчётности и хищения государственных средств, и отказ от предложенной руководством инспектированного им совхоза взятки.

Трагическая весть о дяде Верди стала огромным горем для всей нашей большой семьи.¹⁵ Внезапный уход из жизни любимого человека в самом расцвете его лет подкосил Куйрик. В один миг её довольно благополучная семья, с четырьмя ещё не повзрослевшими детьми, оказалась в тяжёлой ситуации. Поддержка семьи, и в особенности брата Верди, Вани, который взял на себя заботу о семье брата, позволила Куйрик достойно воспитать и поставить на ноги детей. От этого удара судьбы она к сожалению так и не оправилась. Последствия перенесённой психологической травмы стали скоро давать о себе знать. Здоровье тёти Люси сильно пошатнулось, появилась заторможенность в её действиях и мыслях.

---

¹⁵ Я хорошо помню тот день. К нам домой пришли дядя Сергей и дядя Амир, и сообщили моему отцу эту печальную новость. На сколько я помню, они все поехали за телом дяди Верди.

Феликс окончив школу решил уехать в Москву поступать в ВУЗ, и несмотря на настойчивые отговоры матери и сестёр уехал. В Москве он удачно сдал экзамены и поступил в МАИ.¹⁶ Отучившись он устроился на работу на авиационный завод в подмосковном городе Зеленоград и вскоре женился на своей коллеге, русской женщине старше его возрастом и с ребёнком. Это наверно был второй тяжёлый удар перенесённый Куйрик за свою жизнь. Не так она представляла дальнейшую судьбу своего сына. Подавив в себе обиду, она всё-таки поехала навестить сына и его новую семью. Там она окончательно убедилась, что сын её никогда к ней не вернётся.

Вскоре дочери Куйрик повыходили замуж. Флора вышла замуж за художника Альберта и жила с семьёй недалеко от моего дома, Фрида вышла замуж за, то ли лезгина, то ли татарина, Заура и жила с его родителями, Нелли вышла замуж за парикмахера Шагена и осталась жить с Куйрик.

Болезнь Куйрик продолжала прогрессировать, появились характерные для болезней Альцгеймера и Паркинсона признаки, выраженные в проблемах с памятью и полным безразличие ко всему. Она стала неряшливой и в таком виде стала приходить к нам домой по два раза в день, хотя она до этого делала это очень редко.¹⁷ Последние два года она уже не выходила из дома. Скончалась моя любимая тётя в 1984 году в возрасте 73-х лет, пережив своего мужа на 15 лет.

Глава 6 Первая поездка в Мартуни. Поход в горы. Дом в Мартуни.

В Декабре 1936 года мы с мамой отправились в Мартуни к отцу, куда он по окончанию Медицинского института был распределен на работу. Мне тогда было пять лет. Мы там тогда прожили целый год, и в последующие года мы неоднократно приезжали туда, но уже только на лето, за исключением двух военных 1941 и 1942 годов, когда мы оставались там и на зиму. В Мартуни можно было добраться двумя путями - поездом до Евлаха и затем 110 км на машине через Агдам, или опять же тем же поездом до станции Горадиз, а оттуда на машине 52 километра через Карягино (Физули) до Мартуни. Проблема с этим маршрутом заключалась в том, что часть пути проходила через погранзону и требовалось иметь специальный пропуск. Отцу без труда удавалось его нам справить, и мы часто ездили этим коротким маршрутом. Ещё одним большим плюсом этого маршрута было то, что отец всегда отправлял за нами машину в Карягино.

¹⁶ Московский Авиационный Институт

¹⁷ Я помню как в один из таких её приходов, я нашёл её совсем потерянной сидящей на скамейке в нашем Дворе прямо напротив нашего подъезда. Как я понял, найти наш двор она ещё смогла, а узнать наш подъезд у неё не получилось. Я тогда проводил её в нашу квартиру.

Такой возможно у большинства населения не было, маршрутные автобусы тут не ходили и людям приходилось добираться верхом на лошадях, фаэтонах или на запряжёнными волами арбах, ну а если повезет то на попутке.

На всю жизнь в моей памяти остались воспоминания о моём первом знакомстве с железнодорожным вокзалом, и незабываемом впечатлении от впервые увиденного паровоза. Чтобы добраться до вокзала с вещами, нужно было выйти на улицу и поймать свободный фаэтон. Для этого кто-то из взрослых за несколько минут до выезда шёл за ним на главную улицу Арменикенда, проспект Ленина, и заезжал с ним за остальными. В те времена Сабунчинский вокзал обслуживал поезда дальнего следования и пригородные электрички, поэтому там, особенно в летнее время, всегда было многолюдно, а привокзальная площадь напоминала большой муравейник со снующими туда-сюда пассажирами, провожающими, торговцами, обывателями, просто зеваками и даже аскерами в огромных папахах и кинжалах на поясах и красноармейцев с шашками. По перрону в поисках заработка, как голодные волки, которых кормят ноги, барражировало множество *амбалов*.¹⁸ Каждый из них носил за спиной деревянный палан - приспособление для переноски груза, изготовленное специально под него. Большинство из амбалов были армяне, среди них было несколько знаменитостей, такие как Амбал Аршак, о силе которого ходили легенды. По одной из них во время одного из его выступлений в цирке он уложил на лопатки самого великого Ивана Поддубного. Со стороны стоянки наёмных фаэтонов, находившейся на привокзальной площади недалеко от центрального входа, доносились голоса извозчиков зазывающих пассажиров, фыркание лошадей и вонь конского навоза. Автомобилей было немного, в основном это были те, что обслуживали государственных чиновников, так называемую Советскую номенклатуру. Частных автомобилей в то время не было, за исключением автомобилей выдающихся личностей, таких как писателей, композиторов, ученых и военных. В те времена простому народу в социалистическом государстве иметь свой автомобиль было не доступно, и в какой-то мере не безопасно, так как это могло вызвать вопросы у правоохранительных органов.

И вот наконец диктор объявил о подаче поезда к платформе. Впервые я увидел паровоз во время моего первого путешествия в Доланлар с мамой и бабушкой в 1933 году. Наверное потому, что я тогда был младше и состав уже стоял на платформе, моё первое знакомство с паровозом и самой поездкой по железной дороге не отложилось в моей памяти. Теперь же мы стояли на платформе среди нашей поклажи, и множества других отъезжающих и провожающих. Где-то вдалеке раздались гудки приближающегося состава, и наконец, пыхтя паром и выпуская облако чёрного дыма показался паровоз. Шумя колесами и продолжая

---

¹⁸ Грузчики, носильщики (перс)

пронзительно предупреждающе гудеть, он медленно проехал мимо нас и остановился. Народ на платформе оживлённо засуетился и принялся хаотично двигаться в надежде предугадать где остановится их вагон. Перепугавшись, я бросился в объятия матери. Около дверей в каждый вагон образовалась очередь из отъезжающих, карабкающихся по ступеням металлической лестнице в вагон. Нам повезло, мы ехали в погранзону и пассажиров в наш вагон было много меньше. Прошло ещё года два-три прежде, чем я смог перестать бояться поезда.

На станции Горадиз нас встретил водитель грузовика и доставил в Мартуни. Это село оставило незабываемый след в нашей жизни. Здесь много и плодотворно работал отец, и прошла немалая часть моего детства. Здесь я ходил в школу, встретил начало Великой Отечественной войны, и впервые испытал детскую девичью любовь ко мне. Здесь родилась моя сестра Ирочка.

У больницы нас встречали он сам и большая толпа людей в белых халатах. После долгого и приятного знакомства с персоналом больницы, мы пешком отправились к нам домой. Все вокруг было белым-бело, шёл крупный и пушистый снег. Земля и крыши домов были покрыты толстым слоем снега, провода между столбами свисали под тяжестью прилипшего к ним мокрого снега. Было не холодно. Мы шли вверх по дороге и когда добрались до вершины холма, впереди показались первые дома. Пройдя мимо нескольких из них, мы наконец дошли до нашего, стоящего по правой стороне дороги. Это был двухэтажный, приличных размеров дом, что отличало его от тех, что повстречались нам на нашем пути. С торца дома была пристроена деревянная лестница, заканчивающаяся деревянной площадкой перед дверью в однокомнатную квартиру в которой нам предстояло жить.

Комната была маленькая, размером где-то метра 4×4, с двумя окнами, одно из которых выходило на дорогу, по которой мы пришли, а другое на дорогу круто спускающуюся перпендикулярно нашему дому вниз. По этой дороге я потом с новыми друзьями часто катался зимой на самодельных санках. Под площадкой была дверь в кладовку, где мы в отсутствие холодильника хранили продукты и всякие хозяйственные принадлежности. Лестница была в довольно ветхом состоянии с прогнившими ступенями, одна из которых вообще отсутствовала. Мать сразу это заметила и сделала отцу замечание. Через пару дней появился плотник и всё отремонтировал.

Мои первые попытки общения с местными мальчишками, столкнулись, как тогда казалось, с непреодолимым препятствием. Дело в том, что я не говорил по-армянски (дома мы общались только по-русски), а они по-русски. Однако, в действительности, всё оказалось не так уж плохо. Начав общаться жестами, часто заканчивающимися всеобщим смехом, я потихоньку выучил армянский и был счастлив, что смог преодолеть это барьер. Кстати, я до сих пор помню всех ребят поименно.

Я очень хорошо помню, как мы наряжали нашу первую новогоднюю ёлку в Мартунах и встречали 1937 год. Запомнилась деревянная, искусно выполненная из тонколистовой жести двухъярусная печь, что мы использовали для отопления и готовки еды. Печи такой конструкции я больше никогда не встречал.

До сих пор помню запах и вкус *женгальяв хаца*¹⁹, который нам принесла наша соседка тётя Мариам, живущая через дорогу. Мать подогрела его на нашей печи, и я впервые попробовал этот замечательный образец карабахской кухни. Ели мы его с мацони приготовленным из буйволиного молока. Вкуснятина! Я и по сей день с удовольствием ем *женгальяв хац*, в состав начинки которого входит до двадцати различных трав. Основными ингредиентами, придающими этой лепешке её незабываемый вкус, являются *кндзмидзук*²⁰ и щавель, остальные травы играют роль наполнителей: *чрчрок*²¹, зелёный лук, кинза и прочая зелень. И конечно вкус *женгальяв хаца* ещё зависел и от того кто его пёк. Признанными мастерами в приготовлении *женгальяв хаца* в нашей семье были Бабо и Мама. Научилась его печь и моя супруга Ира.

Весна сменила зиму, снег растаял и ему на смену пришла непролазная грязь, из-за которой мне пришлось сидеть дома. Попытки выйти и поиграть на улице заканчивались застреванием в грязи. Почва вокруг дома была глиняная и галоши и ботинки застревали в ней так, что при попытке освободиться, я оказывался вне их. Мне потом приходилось ещё долго вызволять мою обувь из плена грязи, стоя в ней в носках. Ну что тут поделаешь? Оставалось только сидеть дома в ожидании того дня, когда почва подсохнет и можно будет выйти на улицу. Основными моими занятиями в это время было рисование и всякие настольные и прочие игры. Наконец я дождался того дня когда можно было покинуть нашу квартиру и поиграть с друзьями на улице.

Как и все дети, я мечтал стать вырасти и стать кем-то по профессии. Вначале я хотел стать шофером. Я выносил из дому на улицу свои автомобили, в том числе грузовые, на которых я перевозил камни и прочий стройматериал для постройки гаража и дорог. Я возводил горы и потом пробивал в них туннели и строил мосты для перевозки грузов, в основном песка и камня, из пункта А в пункт Б. Если с машинами случались поломки, то я заводил их в гараж и ставил на ремонт. Шофером я «работал» долго, наверное года два. В один из таких «рабочих» дней, когда я перевозил груз и как всегда имитировал звук работающего двигателя самосвала и пи-пикая требовал освободить ему дорогу, я вдруг внезапно остановился, и встав с колен задался вопросом - «Что за ерундой я тут занимаюсь? Ведь это полнейшая чепуха.» Вмиг мне все стало не интересно, я безразлично

---

¹⁹ Хлеб с зеленью (арм)

²⁰ Кервель(арм)

²¹ Мокрица (арм)

повернулся, и оставив все игрушки валяться на земле пошёл домой. Больше я к этому месту не возвращался, а брошенные машины куда-то скоро исчезли. Наверное, они были «переведены» на новое строительство.

Между тем я стал чаще появляться на людях. Меня стали брать с собой на рынок, в кино, которое я ещё успел застать немым. Ежедневно мы всей семьей отправлялись мыться в недавно построенную баню, где отец арендовал для нас отдельный номер. Я продолжал мои почти ежедневные посещения отца в больнице, где в то время шло строительство амбулатории и нового забора вокруг больницы. За амбулаторией располагался милицейский участок с камерой предварительного заключения. Дважды в день один из заключенных с ведрами в руках в сопровождении милиционера, вооруженного пистолетом, ходил за водой в *кягриз*,²² что был почти в центре Мартуни. Я с большим любопытством наблюдал за этой ежедневной процессией, а когда однажды в сопровождающем милиционере я узнал нашего соседа по дому дядю Гюльмамед, я твердо решил стать милиционером и торжественно объявил об этом родителям, и получил их согласие.

Еще несколько слов о нашем доме и его обитателях. Это был государственный дом, построенный во впадине у дороги. Во втором подъезде в цокольном этаже жил дядя Гюльмамед, азербайджанец по национальности, со своей женой-армянкой Ареват и тремя детьми. К слову сказать, Гюльмамед в совершенстве владел армянским. Там же, во второй квартире, жила одинокая женщина-молоканка с двумя дочерьми, одну из которых звали Маней. На втором этаже помимо нас проживала семья прокурора. Помню нашу дворовую собаку Марусю, которая ежегодно приносила по два щенка. В отличие от частных домов, наш дом не был окружен забором и к нам во двор нередко забегали чужие животные и я при случае их гонял. Особенно я не давал спуску соседскому кобелю по кличке Гитлер, который часто приставал к нашей Марусе.

По примеру местных мальчишек я построил одноколесную тачку, на которой с друзьями ходил далеко за село собирать *чятан*²³, хотя в нём наша семья никогда не нуждалась. В один из таких походов я сорвал ветку не заметив на её макушке осиное гнездо, за что был немедленно жестоко наказан. Разлетающиеся в разные стороны осы ужалили меня в шею и в правую бровь. Лицо моё опухло до неузнаваемости, а правый глаз полностью заплыл. Этот инцидент положил конец моим дальнейшим походам за хворостом.

Однажды одним теплым весенним днем уже следующего года, я как обычно с друзьями игрался на улице. Мы все были легко одеты. У меня на ногах были мои

---

²² Родник(перс) обустроенный для питья людей и водопоя скота и лошадей

²³ Хворост для топки печи (арм)

любимые, очень удобные босоножки-римлянки, купленные в Баку на Кубинке.

Кто-то из мальчишек крикнул:

- «Ребята айда в поход!»

- «А куда?»

-«Давай в горы.»

Все радостно прокричали «Ура!», и мы, пятеро друзей, двинулись в путь. Идти было недалеко, благо невысокие горы, покрытые кустарником, начинались сразу же за окраиной Мартуни, и окружали районный центр с трех сторон. Все было хорошо пока мы не начали подниматься к вершине одной из гор. Мне вдруг стало холодно, идти стало тяжелее, и несмотря на все прилагаемые усилия, я начал отставать от своих более старших по возрасту друзей. Дружно и весело они взбирались всё выше и выше, и скоро исчезли за косогором. Между тем, мои пальцы на руках и ногах окончательно окоченели от холода. Я уже хотел было повернуть назад, но до вершины косогора оставалось совсем немного, и я преодолевая боль всё же достиг её. Передо мной возникли возвышающиеся над косогором две горы со всё ещё покрытыми снегом вершинами. Это объясняло резкое падение температуры по мере приближения к ним. Я присоединился к своим товарищам, весело играющим в снежки, и немножко разогрелся.

Наигравшись, мы насобирали подснежников и отправились в обратный путь. По пути домой пальцы ног и особенно рук опухли до неузнаваемости и стали нестерпимо болеть. От невыносимой боли я начал плакать, и добравшись с трудом до дому, бросился в объятия матери и зарыдал. Мама как могла, отогревала мои пальцы прижимая их к своей груди. Я еще долго мучился и проклинал себя и всё на свете за этот дурацкий поход, который мне так дорого обошёлся. Всю оставшуюся жизнь при малейшем контакте с низкими температурами, мои пальцы начинают нестерпимо болеть. Кроме того, за самовольную отлучку из села меня, по моему мнению, незаслуженно посадили под «домашний арест» на целую неделю. Однако, я время даром не терял и много рисовал.

У нас дома на стене висел огромный старый, еще наверное времен гражданской войны, телефон. Красиво оформленный деревом ценных пород, он не имел вращающегося диска набора номеров, вместо него надо было покрутить ручку с боку и вызвать коммутатор. Я часто из баловства звонил из него и спрашивал у девушек на другом конце провода время. Зная, что звонок поступает с квартиры всеми уважаемого доктора Кочарова, те всегда терпеливо и вежливо отвечали. Читатель, прочитавший его книгу воспоминаний, должен знать, как отец будучи молодым и практически первым в районе дипломированным врачом, получив назначение на ответственную должность Завздравотдела,²⁴ проявил

---

²⁴ Заведующий районным отделением здравоохранения

исключительные организаторские способности и за короткий промежуток времени значительно улучшил качество оказываемых медицинских услуг и расширил их географию. Молодой, красивый и вежливый, он при этом был требовательным руководителем, который умел добиваться своих целей. Всему этому я был непосредственным свидетелем. Кстати, в только построенном им родильном отделении 3 Августа 1939 года появилась на свет моя единственная и любимая сестра Ирочка.

Роды у мамы принимала акушерка Глафира Сергеевна Романова, о которой, стоит рассказать поподробнее. Стройная блондинка с голубыми глазами и аристократическим профилем, всегда по-городскому хорошо и со вкусом одетая и ухоженная, она сильно выделялась на фоне местных обывателей. Это была достаточно загадочная и в какой-то степени даже мистическая личность, о которой никто толком ничего не знал, ни откуда она, и как она оказалась здесь, в Нагорном Карабахе. Сама она о себе практически ничего не рассказывала. Жила она через два дома от нас; никто из сельчан никогда не бывал в её доме, и ни с кем она особенно не общалась. Про Глафиру Сергеевну ходили многочисленные слухи и сплетни. Говорили, что она по национальности еврейка, что готовила мясо только тогда, когда в нём заводились черви, что ест лягушек и тайно сожительствует с молодыми парнями. Больше того, говорили что она приходится какой-то родственницей последнему русскому царю Николаю II, и скрывается здесь от большевиков. Сейчас, через года, я тоже склоняюсь к тому, что без какой-то тайны здесь не обошлось. Отец как-то поинтересовался её личным делом, в автобиографии она указала, что она русская по национальности, родилась в Санкт-Петербурге, и закончила военно-медицинские курсы. Высокопрофессиональный акушер, Глафира Сергеевна уже работала в Мартуни, когда отец прибыл туда на работу, и продолжала там работать после его увольнения и нашего отъезда в Баку в 1951 году. В последние годы она работала в амбулатории в процедурном кабинете, в основном делая перевязки и укалывания. Примечательно, что прожив пол века среди армян, она так и не выучила армянский, ограничившись лишь знанием нескольких фраз связанных с работой, например «*Вэрет пети*»²⁵».

---

²⁵ Спусти штаны (Арм)

Глава 7 Возращение в Баку. Первый класс. Библиотека. Музыкальная школа.

В середине Августа 1940 года я с мамой и Ирочкой, годик которой мы хорошо отметили перед самым отъездом из Мартуни, вернулись в Баку. Там мне предстояло пойти в 1-й класс начальной школы, куда в соответствии с моими метриками я был зачислен как Юрий Ашотович Кочаров. Я хорошо помню 1 Сентября, первый день занятий. В школу меня повела моя двоюродная сестра Жанна, которая училась в четвертом классе этой же школы. Это была начальная школа №42, в которой дети учились четыре года, а затем переходили в 5-й класс, но уже в другую школу. В этой же школе училась во втором классе моя другая кузина, Лариса. Тремя годами ранее это школу закончила и её старшая дочь Амалия. Школа находилась на перекрестке улиц 4-я Нагорная, по которой ходил трамвай маршрута №5, и 5-я Перевальная, и располагалась в «Г» образном здании старой постройки. Просторные классы имели высокие потолки и большие окна, выходящие на главный фасад. Просторный и светлый коридор с окнами, смотрящими на школьный двор, соединял все классы. Директор школы, армянка по национальности, Марина Михайловна Донгарова жила со своим русским мужем и сыном при школе. Все ученики очень боялись эту тучную брюнетку с короткой стрижкой напоминающей стрижку одиозного батьки Махно из легендарного советского фильма «Красные Дьяволята». При появлении её в коридоре школы, ученики старались не попадаться ей на глаза, хотя в принципе это была добродушная и спокойная женщина. В моём классе было 16 девочек и 12 мальчиков.

Моей первой учительницей была Ольга Николаевна Шипко, по-мужски коротко стриженная блондинка лет сорока. Она всегда ходила в одном и том же строгом сером костюме с галстуком и пенсне, последнее ей приходилось ловить на лету каждый раз, когда она почему-то резко дергала головой. Сейчас, много лет спустя, я подозреваю, что у нее была эпилепсия. Познакомившись с нами, она рассадил нас по партам. Девочек она усадила в левый ряд, а мальчиков в правый. Я был усажен за одну парту с моим товарищем по двору Сергеем Борщёвым. Первый день в школе оказался для меня сплошным кошмаром. Избалованный, я плохо воспринимал школьную атмосферу. Меня угнетала доселе незнакомое мне чувство обязательного подчинения правилам школьной дисциплины. С трудом отсидев первый день, я дома в категоричной форме заявил, что больше в школу не пойду. От этой бредовой идеи меня конечно быстро «отговорили» Мама, тетя Аракся, Жанна и Амалия. Мало того, о моём «упадничестве» они сообщили моей учительнице. Строгая и требовательная к своим ученикам, Ольга Николаевна была великолепным педагогом. День за днем она как-то незаметно, но с завидной настойчивостью, погружала меня в школьную атмосферу, и скоро от моей неусидчивости и робости не осталось и следа. В первые дни школы выяснилась

ещё одна проблема - я почти забыл русский. Длительное проживание в Карабахе дало о себе знать. Однако, благодаря усилиям и настойчивости той же Ольги Николаевны, мне скоро удалось восстановить и усвоить русский так, что во второй половине года я чуть не стал отличником. Меня подвели чистописание и мой корявый почерк, который мне тогда так и не удалось исправить, более того, с годами он только становился всё хуже и хуже. Вот и сейчас, пишу эти строчки и не уверен, что завтра смогу их прочесть. В ту пору мы пользовались деревянными ручками с металлическим пером, которое для написания мы макали в чернильницу. Последняя, кстати, была непременно атрибутом школьных принадлежностей, которые я ежедневно носил с собой в школу вплоть до 6 класса, когда нам разрешили пользоваться авторучками. В военные годы, из-за отсутствия качественной бумаги, мы пользовались карандашами. Наши школьные тетради были в косую, а для математики в клетку.

Как-то, по совету Ольги Николаевны, я записался в детскую библиотеку, что была недалеко от нашего дома в жилом доме напротив Арменикендского базара. Библиотека располагалась на втором этаже в обустроенной под нее 2-комнатной квартире. В первой комнате, вдоль стены стояла длинная деревянная лавка-скамейка, на которую усаживались дети дожидаясь своей очереди к стойке библиотекарши. По мере продвижения очереди, дети перемещались вперед. За стойкой библиотекаря, во второй комнате на стеллажах хранились книги. В моё первое посещение я, как и все, занял своё место на скамье и дождавшись своей очереди подошел к стойке. Седая библиотекарша, окинув меня взглядом и вежливо спросила:

- «Мальчик, какую бы книгу ты хотел взять и какой твой номер абонемента?»

Я сказал, что это моё первое посещение.

-«Ты правильно сделал. Это похвально.», сказала она и записав моё имя и фамилию спросила - «А в каком классе ты учишься, и умеешь ли ты читать?»

Узнав, что я умею, она ушла во вторую комнату и скоро вернулась с 5–6 книгами.

Показывая мне их по очереди, библиотекарша спрашивала если я читал их?

К своему стыду мне пришлось признаться, что ни одной из них я не читал. Видать поняв с кем имеет дело, библиотекарша сказала, что знает что мне нужно и опять удалилась. Она скоро вернулась с маленькой книжонкой в руках. Это был «Колобок». Вот с этой маленькой книги, напечатанной огромным шрифтом и началась моя привязанность и любовь к чтению. Со временем я перечитал почти все книги в этой библиотеке. Этот дом 218-го квартала был известен ещё и тем, что на первом его этаже, фасадом на проспект Ленина, располагалась известная всем жителям Арменикенда аптека.

Много лет позже, к этому дому будет достроен третий этаж, где будут проживать Сергей и Клара Петросян.²⁶ В этом же квартале, на пересечении улиц Сурена Осипяна и 4-й Нагорной, находилась взрослая библиотека имени Пушкина. В юности я часто её посещал для подготовки к сочинениям по литературе или просто забрать книги на дом.

В основном это были произведения приключенческой или научно-фантастической литературы таких авторов как: Марк Твен, О Генри, Джек Лондон, Жюль Верн и другие.

Мои родители старались меня вырастить всесторонне развитым и отдавали меня в различные секции и кружки. В возрасте 5 лет я стал заниматься игрой на скрипке, посещая три раза в неделю классы в клубе имени Лазовского,²⁷ удобно расположенного у трамвайной остановки напротив библиотеки имени Пушкина. Я обладал хорошим слухом, и потому учёба давалась мне легко. Занимался я с педагогом с говорящей фамилией Смычков Павел Владимирович. К моему сожалению, через 3 года отделение смычковых инструментов было закрыто, а классы переведены в здание на пересечении улиц 9-й Свердловской и Фабрициуса. Это было слишком далеко для моих самостоятельных посещений, а матери занятой маленькой Ирочкой не с кем было её оставить. С последним однако можно было бы оспорить. Моя маленькая сестрёнка была любимицей нашего квартала, и я думаю всегда можно было найти кого-то, кто бы согласился присмотреть за ней. Красивая, пухленькая, озорная девчонка, слегка картавившая болтушка со смешными глазами, Ирочка не могла оставить никого к себе равнодушным. Она очень любила тётю Араксю, всегда с нетерпением ждала её возвращения из техникума, и бежала к ней домой. Помню как-то Ирочка залезла в тётю Араксины туфли на каблуках и расхаживала в них по двору под смех прохожих. Соседи любили брать её на руки, обнимать, целовать и угощать гостинцами. С чьей-то лёгкой руки все стали называть её Гулей. Это имя закрепилось за ней до самого нашего переезда на новую квартиру в 189 квартал.

Так получилось, что музыкальную школу я бросил по ещё одной, более весомой, причине - началась война, и мы вынуждены были уехать из Баку.

---

²⁶ Родственники отца со стороны матери. Кстати, если это конечно мне не приснилось, в моей памяти отложился эпизод, как как-то проезжая на трамвае мимо этого дома во время строительства этой надстройки, отец указав нам с мамой пальцем вверх произнёс –« Смотрите, Сергей!» Действительно, там наверху мы увидели дядю Сергея. Он принимал какое-то участие в строительстве, скорей всего он работал в строительной организации производящей работы. К слову сказать, меня называли в честь него.

²⁷ Позже клуб был переименован в клуб имени Степана Шаумяна

Глава 8 Начало войны. Пионерский лагерь. Первые беженцы и похоронки. Второй раз в первый класс.

Начало Великой Отечественной войны²⁸ застало меня в Мартуни, куда я с мамой и Ирочкой отправился на лето к отцу. В один прекрасный солнечный день, играя во дворе нашего дома, я неожиданно заметил, что вокруг меня происходит что-то необычное. Как будто стоворившись, люди вдруг внезапно стали бегать в разные стороны. Тут и там стали раздаваться крики людей, плач и причитания женщин. Осмотревшись по сторонам, я вернулся к своим играм. Отца в этот день не было в Мартуни. Неожиданно из дому вышла заплаканная мама с Ирочкой на руках и позвала меня домой. Это было воскресенье 22 Июня, день когда началась война. Вспоминая сейчас об этом я думаю, что кто-то тогда по телефону сообщил ей эту новость. По тому как она сильно плакала причитая имя горячо любимого ею брата, я понял, что произошло что-то не очень хорошее. Дядя Манвел был кадровым военным врачом Красной Армии и на тот момент служил в воинской части, расквартированной в Армении в городе Ленинакан.

Жизнь в селе изменилась. С началом мобилизации в армию в нём появилось заметное количество людей в военной форме и крестьян из сельских общин района, пришедших провожать своих мужчин в армию. Они приходили целыми семьями пешком или на повозках, с бесчисленными холщовыми *чувалами*²⁹ с провизией и одеждой. Мобилизации подлежали не только люди, но и гужевой скот. Я был свидетелем формирования команд, их военной подготовки и отправки на фронт. Новобранцы маршировали с деревянными винтовками через плечо, ползали по-пластунски и выполняли различные упражнения по команде сержантов и старшин.

Ещё до начала войны, по инициативе отца было решено отправить меня в пионерский лагерь в городе Шуша. Дело в том, что отец, как Завздравотдела Мартунинского Района, в числе прочих заведующих районами, получил распоряжение Областного отдела здравоохранения предписывающее ему совместно с РОНО³⁰ отобрать 15 пионеров из числа преуспевающих в учёбе учеников из разных сёл для отправки на отдых в считающийся тогда элитным пионерский лагерь в Шуше. Начало смены было 1 Июля 1941. Я не был пионерского возраста, однако, не без участия отца, был включен в число пяти учеников, отобранных из нашего района.

-«Кому, как не мне, уроженцу Шуши, не воспользоваться возможностью отправить своего сына в город откуда идут корни нашей семьи.», объяснился отец.

²⁸ 22 Июня 1941 года

²⁹ Большие холщовые мешки (тюрк)

³⁰ Районное отделение народного образования

Шуша отличалась красотой, чистым воздухом и, в отличие от жаркого Мартуни, прохладным летом. Я тоже очень хотел поехать в лагерь, но мама неожиданно заупрямилась и не хотела меня отпускать. Только моё непреодолимое желание и настойчивые слёзные уговоры смогли убедить её поменять своё решение.

Сбор учеников для отправки в лагерь был назначен на 7 утра 30 Июня у школы. На сбор явилось 10 учеников, все мальчишки старше меня по возрасту на 3–4 года. Вскоре подъехали два крытых фургона запряженных парой лошадей, и мы под присмотром двух пионервожатых из числа старшеклассников отправились в дорогу. Наш маршрут лежал через село Красный Базар. Это был кратчайший сорока километровый путь до Шуши. Ехали мы не спеша, часто спешившись шли за фургонами. К полудню, когда поднялась жара, мы уже не покидали фургонов, прячась от жгучих солнечных лучей в тени брезентового тента. На пути нам попадались сёла, где мы делали непродолжительные остановки перекусить, из положенной нам в дорогу провизии, попить самим и напоить лошадей водой из кягризов. Добрались мы до места когда уже было совсем темно и лагерь спал. Встретивший нас дежурный по лагерю проводил нас до нашей спальни, и через несколько минут мы, сильно уставшие в дороге, уснули. На утро нас разбудил пионерский горн, оповещающий о подъёме. Так как мы ещё не были официально зачислены в лагерь, мы могли бы проигнорировать сигнал к подъёму, но в предвкушении знакомства с лагерем мы повскакали и побежали умываться. Скоро всех вновь прибывших, включая ребят из других районов, повели строем в городскую баню. Помывшись, мы переоделись в привезенные с собой из дому белые рубашки и темные шорты, и завязали на груди выданные нам красные пионерские галстуки. Так, де факто, без положенной для таких случаев торжественной обстановки и церемонии, я был принят в пионеры. Поход в баню был моим первым знакомством с городом. Первое на что я обратил внимание было то, что жилые дома и прочие здания и сооружения были построены из природного камня, так же как и вымощенные из него мостовые. Город стоял на плато и имел сложный рельеф, а наш лагерь находился на склоне горы и был огорожен каменным забором. В восточной части лагеря стояло огромное 2-этажное здание спального корпуса из белого камня, в котором в прошлом располагалась городская гимназия. Рядом с корпусом стояло цокольное здание, с обустроенными в нём кухней и столовой. Помимо помещения столовой, во дворе лагеря в тени огромных деревьев были расставлены обеденные столы на 50–60 детей. На крыше спального корпуса, как самого высокого здания лагеря, под укрытием навеса был сооружен сторожевой пост оборудованный двумя прожекторами освещающими лагерь в тёмное и ночное время суток. С этого поста ежедневно по утрам и вечерам горнист трубил лагерь на подъём и отбой.

Во дворе лагеря располагался большой фруктовый сад, с островками из благоустроенных игровых площадок. В самом конце сада находился хозяйственный двор, снабжающий кухню продуктами собственного производства: мясом, птицей, яйцами и молоком. Первые десять дней нас кормили отлично, на завтрак подавали молоко, масло, мед, в обед долму, пити, котлеты с различными гарнирами и прочее. Всё питание было восточной кухни, вкусно и обильно. Однако, скоро война внесла свои коррективы, и всё это куда-то исчезло. Ребята начали голодать, и многие родители стали забирать детей домой. Надо сказать, что эти ограничения на мне не отразились, так как ко мне, как к самому младшему в лагере, всегда было особое отношение. Я был в какой-то степени на положении «сына полка», все меня знали и любили, особенно девчонки, которых, к слову, в отряде было не очень много. Я никогда не голодал, всегда получал добавки в столовой, даже когда они были запрещены. Я никогда их не просил, но все считали своим долгом подкармливать малыша. Помню как-то я игрался возле кухни и меня кто-то оттуда окликнул по имени. Когда я подошёл ближе, ко мне вышла самая полная из поварих и добро улыбаясь, протянула мне бутерброд со сливочным маслом и сказала, чтобы я если проголодаюсь приходил к ним на кухню и они обязательно меня покормят. Я поблагодарил добрую женщину, но сделал всё наоборот. Я перестал вертеться возле кухни.

Однажды, гуляя с ребятами из моего звена вдоль забора, мы забрели в самый конец лагеря. Там мы обнаружили, скрытую от постороннего глаза густым кустарником, небольшую дыру в заборе. С трудом пролезши через неё, мы оказались вне лагеря. Сильно обрадовавшись неожиданной «свободе», мы вскрикнули и начали радостно прыгать и бегать. Освоившись, мы заметили что оказались среди развалин домов, когда-то цветущих армянских кварталов сожжённых дотла Азербайджанцами в то беспокойное время 1920-х годов. Вдоль останков стен и фундаментов домов разрослись нескончаемые кусты ежевики. Крепкие и здоровые, никем не потревоженные кусты были полны спелых и сладких ягод. Мы тогда вдоволь наелись и потом ещё много раз возвращались сюда за ними часто перебив их так, что приходилось обращаться к врачу с жалобами на боли в животе.

С ухудшением питания многие из ребят стали писать письма родителям с просьбой забрать их досрочно домой. Написал письмо и я. Это было первое в моей жизни письмо. В нём я написал о том, что мне нравилось и не нравилось в лагере, сообщил родителям, что отдал свои износившиеся туфли в починку сапожнику, и просил их забрать меня пораньше. Письмо моё было получено, и вскоре за мной приехали. При всём моём старании я так и не смог вспомнить кто и как меня забрал. Моё первое письмо, как оказалось написанное со множеством ошибок, ещё долго хранилось у моих родителей.

Вернувшись домой в жаркий Мартуни, я к счастью с мамой и Ирочкой был вскоре отправлен отцом на фаэтоне в село Кагартцы. Несмотря на 15-километровую отдаленность от Мартуни, Кагартцы обладал намного комфортным климатом и, благодаря своему наичистейшему воздуху, ледяной родниковой воде и летней прохладе, считался одним из лучших сёл Карабаха.

Слева на въезде в село располагался врачебный пункт, в двух пустующих комнатах которого мы расположились. Комнаты имели свой собственный вход с улицы, что было очень удобно. Это был не первый наш приезд в это дачное село. К слову сказать, мы отдыхали здесь в прошлом, 1940 году. Тогда 3 Августа мы широко отмечали первую годовщину дня рождения Ирочки. На торжество, захватив с собой двух музыкантов из своего трио, приехал дядя Енок с тётёй Араксей. Всё село собралось послушать игру Дяди Енока и его музыкантов. Мы тогда чудесно провели время. В последний раз мы побывали в Кагартцы в 1942 году. К сожалению, наш теперешний визит оказался коротким. Отца неожиданно вызвали в республиканский военкомат, и пробыв в Кагартцы всего два дня нам пришлось вернуться в Мартуни.

Шли первые месяцы войны, в Мартуни появились первые беженцы из оккупированных немцами территорий Советского Союза. В большинстве своём это были евреи из Молдавии и Украины, в частности из Одессы. Стар и млад они бежали от фашистов оставив всё свое имущество и захватив с собой только самое необходимое. В стране была введена единая карточная система по распределению продуктов питания среди населения. По карточкам можно было получить такие продукты как хлеб, сахар, крупы, макароны и жиры. На какое-то время беженцы оказались вне этой системы и сильно голодали и умирали. Я лично видел, как их обнажённые трупы увозили на арбах или фаэтонах в сопровождении двух-трёх ближайших родственников или друзей на кладбище и сбрасывали в заранее выкопанные траншеи. Зимой такие процессии можно было наблюдать почти каждую неделю. Вскоре стали приходиться первые похороны с фронтов. Люди стали бояться почталёнов, из всегда приветствуемых они в одночасье превратились в вестников несчастья. Почти каждый день можно было услышать душераздирающие женские крики и плач, раздающиеся из разных частей маленького села. Сборы односельчан у домов куда постучала беда стали обыденным явлением. Одной из первых извещения о гибели мужа получила наша соседка по дому тётя Марьям, ставшая молодой вдовой с двумя осиротевшими малолетними дочерьми. Между тем, продолжался призыв в армию и отправка новобранцев на фронт. Двор военкомата был полон призывниками, здесь бесперебойно работала медкомиссия возглавляемая отцом. Освобожденных по состоянию здоровья от военной службы призывников отправляли на рытьё траншей, окоп и возведение прочих оборонительных сооружений вокруг села. Привлекались к этой работе и сотрудники государственных учреждений.

Мы, мальчишки, часто вертелись у военкомата наблюдая за строевой подготовкой новобранцев. Однажды военком в сопровождении двух своих подчиненных прибыл в военкомат верхом. Видели бы вы какие это были кони, красавцы-скакуны, может даже Арабской породы. Сам военком сидел на очень резвом, непрерывно гарцевавшем, необыкновенно красивом белом коне. Несколько раз специально для публики военком поднимал его на дыбы. Для нас, мальчишек, это было необыкновенным зрелищем, особенно впечатляло мастерство наездника. В то время, за исключением Первого секретаря райкома партии, который ездил на «Эмке»,³¹ все государственные учреждения использовали в качестве транспортного средства лошадей или просто добирались на попутных грузовиках.

В распоряжении отца была лошадь Зорик и фаэтон.

До начала нового учебного года оставалось недели две, а из-за начала войны, вопрос о нашем возвращении в Баку всё ещё висел в воздухе. Вести с фронтов были неутешительными, наши войска отступали оставляя города и сёла. Рвань к бакинской нефти, немцы подходили к Кавказу. Родители решили, что нам с мамой лучше оставаться в Мартуни. Ну тут возникла проблема с моей учебой. Мне предстояло идти во второй класс русской школы, а здесь преподавание велось исключительно на армянском. Неужели мне придется начинать всё сначала? К счастью, всё решилось само собой. Дело в том, что к Первому секретарю райкома партии в связи началом войны из Баку приехала дочь с его внучкой-первоклассницей, которую они хотели обязательно отдать в русскую школу. Для Первого секретаря райкома партии решить этот вопрос было, как говорится, раз плюнуть. Срочно вызвав к себе директора школы и руководителей районных учреждений и объявив им, что знание русского языка, как самого прогрессивного и перспективного языка в мире, очень важно для современного молодого поколения. В связи с этим, он предложил организовать преподавание в школе на русском языке начиная с первого класса. Для этого нужно было срочно найти преподавателя русского языка и набрать учеников желающих получить образование на-русском из семей руководящих работников, служащих и беженцев. Отец присутствующий на этом совещании, рассказал об этой инициативе маме, и они решили включить меня в список первоклассников. Это было вынужденное, но правильное решение. Так по неволе, я стал «второгодником».

Учительницу нашли среди беженцев. Это была хрупкая женщина из Одессы, Звездочкина Галина Ефимовна. Желающих учиться в «русском» классе оказалось всего девять, шесть девочек и три мальчика. За исключением меня и двух девочек-беженок, остальные ученики были из местных и очень плохо владели русским. Пожалуй, лучшей из них была Саркисова Ира, дочь заведующего банком.

---

³¹ Лимузин Горьковского автозавода ГАЗ-М1

Как уже проучившийся в первом классе, я преуспевал в учёбе. Здесь у меня обнаружился ещё один талант, в классе по пению я оказался лучшим, и потому все сольные партии доставались мне. Хотя все пророчили мне перспективное будущее в пение, считая что я унаследовал талант отца, со временем мой голос куда-то пропал.

Когда стало известно, что Дядя Манвел ушёл добровольцем на фронт, оставив жену с дочерью у своих родителей в Баку, папа обеспокоенный приближением фронта и по настоятельной просьбе матери, перевёз всех их в Мартуни. Через Наркомздрав республики ему удалось устроить жену дяди Манвела на работу врачом в Мартуни. Так, поздней осенью 1941 года в Мартуни перебрались тётя Аник с дочерью Эльмирой, и дедушка с бабушкой. Отец разместил их в двух комнатах маленьком здании, расположенного недалеко от амбулатории и больницы.

Глава 9 Трагедия в небе.

В середине лета 1942, мне довелось стать свидетелем события, которое отложилось в моей детской памяти навсегда. В тот летний день меня послали в булочную за хлебом, и я весело шагал по краю дороги в направлении моей школы. Шли летние каникулы и поэтому школьный двор и спортивная площадка были безлюдны. Я свернул к спортплощадке, и подпрыгнув ухватился за перекладину турника и начал подтягиваться. Вдруг я заметил в небе три точки, быстро приближающиеся в сторону Мартуни со стороны горы *Гуручук Сар*. Вскоре я стал отчетливо слышать гул работающих двигателей, а точки стали принимать отчетливую форму самолётов. Подлетев к селу, они на низкой высоте пролетели прямо надо мной и удалившись за пределы села исчезли за горизонтом, чтобы довольно скоро вернуться. Вновь подлетев к селу, они над ним покружили, и опять удалились в сторону гор. К этому времени вокруг меня собралась толпа сельчан, которая проводив взглядом улетающие самолеты, начала бурно обсуждать это неординарное происшествие. Дело в том, что Мартуни находился за тысячу километров от фронта, как тут могли оказаться боевые самолеты, когда тут и гражданские то не летали? Недолго постояв, народ стал расходиться. До открытия булочной ещё оставалось несколько минут, и я продолжил «убивать» время на турникете. Неожиданно, я вновь заметил те же точки-самолеты. На этот раз они летели намного выше, у самой вершины горы. Летели они в шеренгу, и по мере их приближения расстояние между ними визуально увеличивалось. Внезапно средний в шеренге самолет начал резко набирать высоту, а два других, чуть развернувшись полетели в сторону Агдама. Моё внимание сосредоточилось на среднем самолете всё ещё набирающего

высоту. Вдруг раздался громкий хлопок, самолёт охватило пламя и он задымил. Боевая машина стала разрушаться, её хвостовая часть отделилась и полетела вниз, сопровождаемая шлейфом черного дыма. Фронттовую часть самолёта начало трясти, и он охваченный пламенем стал резко падать в беспорядочном движении. Неожиданно от него отделилась фигура лётчика и стала стремительно нестись вниз параллельно падающему самолету. Через несколько мгновений лётчик в своём свободном падении уже опережал самолет. Ещё через несколько мгновений, он раскрыл парашют, который почти тут же подхватив пламя от несущегося вниз самолета загорелся. Пилот, и вслед за ним самолет, скрылись за вершиной горы. Не задумываясь, совсем забыв о хлебе который я должен был купить, я бросился бежать в сторону горы. Скоро я заметил бегущих за мной сельчан. Я долго сохранял первенство, и только когда добежал до роддома, где дорога сворачивала к реке за которой начинался подъём в гору, меня обогнал грузовик, в кузове которого стояли державшиеся друг за друга люди. За грузовиком последовали машина скорой помощи, пожарная, с сидящими на ней пожарниками, и пожарный грузовик с установленной на нём ручной водокачкой и ещё несколькими пожарниками. Водокачка, в данном случае была бесполезна, так как в районе падения не было источника воды. Меня уже опережало много людей, таких же любопытных зевак как я. Поднимаясь по склону горы мы все испуганно вздрогнули от двух прогремевших взрывов взорвавшихся бомб, и остановились опасаясь идти дальше. Наше любопытство всё-таки победило, немного переждав и решив, что взрывов больше не будет, мы продолжили наш путь. Добравшись до вершины горы, мы стали свидетелями следующей картины - на склоне ближайшей к нам горы полыхали останки упавшего самолета, в метрах 25–30 от него, в странной позе ползущего человека, лежал обгоревший труп лётчика. В радиусе метров в сто пятьдесят вокруг места падения был выставлен кордон из милиционеров и пожарных, которые не подпускали никого к месту падения, в том числе и по причине всё ещё продолжающихся взрывов боеприпасов стрелкового оружия. Неожиданно вновь появились два самолёта, и долго низко, буквально над нашими головами, ревя своими мощными двигателями, кружили над местом падения самолёта то приближались, то удалялись от нас. Возможно они искали место для посадки, но очевидно не найдя подходящего, совершили последний круг над нами и помавав крыльями, как бы прощаясь с погибшими товарищами, набрав высоту улетели. Через какое-то время, к месту падения подъехала скорая. Санитары подобрали труп выпрыгнувшего лётчика, и разбросанные вокруг самолета сильно обгоревшие фрагменты тел ещё четырёх членов экипажа, и перевезли их в районную больницу. Тут среди людей у самолета я увидел отца, и подошел к нему. Удивленно окинув меня сердитым взглядом, отец отругал меня и велел немедленно сесть в скорую.

На следующее утро я, ночевавший у бабушки, заглянул в больницу, где оказался свидетелем большого скандала. Там я узнал, что труп спрыгнувшего лётчика поместили в отдельную комнату. Мне было очень любопытно на него посмотреть, и когда в больницу прибыло районное начальство, я вместе с ними незаметно проскользнул в эту комнату. Подняли простынь. Первое, что бросилось мне в глаза было обгоревшее лицо лётчика с красными впадинами вместо глаз. Верхняя часть туловища в кожаной куртке частично обгорела, остальная часть тела обгорела полностью. Вскоре после отъезда начальства, во двор больницы въехали военный Виллис и грузовик с двумя большими обитыми красной тканью ящиками в кузове. Из Виллиса вышли два полковника, и майор-дознаватель из летной части, в которой служили погибшие. Прихватив с собой районного прокурора, офицеры отправились на место катастрофы. Вернулись они поздно, так как искали свидетелей происшествия. И такой очевидец нашёлся; это был чабан-азербайджанец. Этот чабан в день трагедии пас овец в горах в непосредственной близости от места трагедии, и видел не только то, что видел я, но и сам момент крушения самолёта и последующие за падением события. Первым на землю грохнула хвостовая часть самолета, за ней на расстояние метров 25 друг от друга упали оставшаяся часть самолёта и лётчик. Лётчик был ещё жив. Прележав пару минут, он энергично попытался отползти от самолета, но взрывная волна от прогремевших друг за другом двух взрывов авиабомб уничтожила всё в радиусе 50 метров.

Любопытство вновь потянуло меня в больницу, и пообедав у бабушки, что жила метров в двадцати от неё, я вновь отправился туда. По пути я забежал повидать отца, но не застал его в его кабинете. Секретарша сообщила мне, что он в больнице и что там происходит какой скандал. Как мне удалось выяснить, вернувшись с места происшествия, военные стали укладывать фрагменты тел четырёх лётчиков в один из привезённых ими красных ящиков. В другой они собирались уложить труп спрыгнувшего лётчика. Однако во время осмотра трупа, они обнаружили в уцелевшей части куртки и рубашки чудом сохранившиеся три личные фотографии лётчика. На одной из них была запечатлена семья лётчика - сам лётчик, его жена и две дочери-двойняшки. Второй фотографией была фотография супруги лётчика, а на третьей был изображен сам лётчик в компании других боевых офицеров на встрече с маршалом Советского Союза Ворошиловым. При рассмотрении последней фотографии один из полковников что-то заметил - «А где орден Ленина? Смирнов всегда его носил. Вот он на нём на фотографии.» Стали искать орден. На останках рубашки там, где должен был быть прикреплен орден, обнаружили рваную дыру. Явно кто-то грубо сорвал орден. - «Кто сорвал? Кто посмел это сделать?», кричали не на шутку разгневанные офицеры.

- «Кто те, что первые прикасались к трупам?», вопрос был в первую очередь адресован к отцу, так как это были его люди, что вместе с милиционерами погружали тело в скорую.

Отец велел вызвать тех двух санитаров, что были вовлечены в эвакуацию погибших. По прибытию, санитаров немедленно допросили. Оба показали, что по приезду на место они видели у трупа лётчика начальника Уголовного Розыска капитана Хорена Симоняна.

- «Что касается доступа к телу в больнице, то он был строго ограничен. В палату заходили лишь раз, когда приехало районное начальство. Я лично и дежурная медсестра присутствовали при этом посещение. В остальное время комната с телом была под постоянным надзором дежурной медсестры, и чье-либо проникновение в неё было исключено.», произнес отец. Вызванный на допрос капитан Симонян категорически отрицал свою причастность к осмотру трупа и пропаже ордена. Санитары на очной ставке вновь подтвердили, что видели как капитан обшаривал труп. Симонян продолжал всё отрицать. Разговор уже шёл на повышенных тонах и дошёл до рукоприкладства. Полковник, тот, что был близким другом погибшего, не выдержав вклеил Симоняну сильную пощечину. Тот, здоровый и сильный мужчина, полез драться с полковником.

Присутствующим с большим трудом удалось его удержать. Второй полковник достал пистолет и громко произнёс:

- «Ты гнида сволочь. Погиб лётчик-герой, лучший асс нашей эскадрильи. Прекрасный человек и семьянин. Если ты сейчас же не вернёшь орден, мы тебя сволочь отдадим под трибунал и ты пойдёшь под расстрел.»

Позвонили начальнику милиции, тот явился в сопровождении наряда из двух милиционеров. Симонян был немедленно арестован и сопровождён в отделение милиции, находившееся в двух шагах от больницы. Вслед за ними отправились и военные. Через час они вернулись с орденом. Капитан Симонян всё же сознался. Сотни Мартуниинцев собрались у ворот больницы проводить лётчиков. Машины тронулись в сторону Агдама, где-то там располагался аэродром базирования погибшего экипажа. Разбившийся самолёт был тяжелым бомбардировщиком дальнего действия.

В тот день он, в составе двух других бомбардировщиков, летел с боевым заданием в тыл врага. Командовал экипажем сам командир эскадрильи полковник Смирнов. На пути к цели группа подверглась атаке немецких истребителей, в которой самолёт полковника получил серьёзное повреждение. Было принято решение возвращаться на базу, но не долетев до нее каких-то 20–30 км, самолёт командира упал. Предупреждая вопрос читателя о том, как мне, мальчишке, удалось быть в курсе многих деталей этой истории, могу сказать, что всё это благодаря моему дотошному любопытству, которое выливалось в множество надоедливых вопросов, на которые взрослые были вынуждены отвечать.

В завершение этой истории немного о судьбе капитана Симоняна. Вскоре после случая с орденом, он был уволен из органов милиции, и отправлен на фронт где впоследствии погиб.

Глава 10 Мартунинский Икар. Паникёры. Марш-Бросок. Беженцы. Бегляр и Лиза.

Восхищённый впервые увиденным так близко полётом самолета, я загорелся желанием стать летчиком. Но какой же лётчик без самолета? Несколько дней я бродил по магазинам и складам в поисках материалов для постройки самолета. Использованные деревянные ящики, фанеру, доски, инструменты и гвозди дал мне дядя Мадат, лучший друг отца, с которым он дружил до самой смерти. Поиск материалов и строительство самолёта заняло достаточно долгое время. Помню, как долго мне пришлось искать колёса, но всё-таки я нашёл их на свалке больницы, сняв с какого-то списанного медицинского оборудования.

Это был мой первый опыт работы с инструментами, и строил я всё на глаз. Сельские мальчишки, что постоянно кружились вокруг меня наблюдая за моей работой, тоже внесли свою лепту. Наконец самолёт был построен, и я стал готовиться к полёту. Мой летательный аппарат получился довольно приличных размеров, 1.5 метра длину и размахом крыльев в 1.2 метра. Он даже имел кабину пилота, в которую я правда с трудом влезал. Особенно мешал штурвал, сделанный из половинки ободка спинки венского стула. Выкрасил я самолет в невзрачный жёлтый цвет, так как другой краски у меня не было. На крыльях я как положено нарисовал красные звезды. Несмотря на все наши коллективные усилия, самолёт, конечно никуда не полетел. Но мы не огорчались, и днями катались на нём по сельским улицам, по очереди становясь пилотами, пока остальные толкали самолёт. Особенное удовольствие было «лететь» на нём с горки. Очевидно, мои дорогие потомки, уже тогда во мне были заложены задатки будущего строителя, наверняка унаследованные от моих дедов-строителей Мартироса и Мелексета.

Шел 1942 год. Война все продолжалась и положение дел на фронтах всё ещё складывалось в не нашу пользу. Немцам удалось войти на Северный Кавказ. Врагом были захвачены город Ставрополь, города Кавказских Минеральных Вод, Кабардино-Балкария и Осетия. С оккупированных врагом территорий начали уходить люди. В некоторых местах началась паника, которая охватила не только простых людей, но и поставлены властью на руководящие должности. Многие из них вместо того, чтобы заниматься организацией эвакуации жителей, сами бросились в бега. Так летом 1942 года, преодолев сотни километров, в Карабах на двух грузовиках Студебекер прибыли два каких-то ответственных работника Осетии из города Моздока с семьями. Осталось загадкой каким

образом им в военное время удалось проехать через Чечено-Ингушетию, Дагестан, пересечь почти весь Азербайджан и добраться до сюда и не быть задержанными. Причем задержали беглецов не в Мартуни, который они благополучно проехали, а в селе Красный Базар. Бдительный председатель сельского совета, засомневавшись в подлинности предъявленных дезертирами документов, позвонил в Мартуни. Я видел, как у здания НКВД два дня стояли задержанные грузовики с накрытыми брезентом кузовами, гружёнными домашней утварью. Пока взрослых задержанных допрашивали, их дети играли на улице возле машин. Куда потом делись эти машины и какова была дальнейшая судьба арестованных, осталось для меня тайной. Отец объяснил мне, что дела их плохи.

Однажды утром, во время завтрака, я услышал идущие с улицы крики моих друзей - «Юрик! Юрик! Давай сюда быстрее. Там какие-то войска идут. Мы побежали. Догоняй нас.» Бросив всё, я выскочил на улицу, и побежал за ними вдогонку. В это время в селе уже началась паника. Не разобравшись, что к чему, многие сельчане, в основном конечно женщины, схватив детей бросились укрываться в вырытых за селом траншее и укрытие. Как оказалось, тревога была ложной. Это были наши войска, идущие по дороге Агдам-Карягино-Горадиз к границе с Ираном. Как я позже выяснил, по договоренности с Иранским шахом, наши войска вошли в Иран с целью защиты его от захвата немцами. Ввод войск осуществлялся возле железнодорожной станции Горадиз, что находилась в 50км от Мартуни. Догнав своих друзей, я вместе с ними взобрался на небольшой утёс, что стоял напротив большого чинара на въезде в село. С нашей позиции открывался прекрасный, как со смотровой площадки, вид на всё происходящее в округе на расстоянии 2-3-х км. Прямо перед нами вольным шагом шли нескончаемые, длиной по 500–600 метров, колонны солдат. Мы радостно их приветствовали, подпрыгивая на месте, крича и махая им руками. Солнце пекло во всю, а солдаты всё шли и шли. Они иногда ненадолго останавливались у кягриза, что у большого дуба, напиться и освежиться ледяной водой. Понаблюдав так достаточно долго, мы решили сбегать домой перекусить и вернуться обратно. Однако, вернувшись на утёс мы увидели ту же картину- бесконечные колонны марширующей пехоты. Лишь на утро следующего дня, колонны пехоты сменили эскадроны кавалерии со всякими повозками и походной кухней. За кавалерией потянулась колёсная бронетехника, специальные автомобили и лёгкая артиллерия. Тяжелой техники и танков я не видел. Движение войск продолжалось два дня. Честно говоря, мы были рады этому, так как нам порядочно надоело наблюдать за маршем войск. Так находясь далеко от линии фронта, Карабахцы оказались сопричастны войне, к счастью так и не дошедшей до их земли. Между тем, много сынов Карабаха героически сражались на фронтах войны. Многие из них не вернулись домой, оставшись лежать на полях сражений.

Среди беженцев-евреев было много хороших мастеровых. Их ремесло помогало им выжить в это тяжёлое время. Отсутствие в условиях военного времени в сельских магазинах готовых швейных изделий и обуви, вынуждало многих сельчан обращаться к частным портным и сапожникам. Среди них была некая Вера Аркадьевна, прекрасно шившая женскую одежду. Она начала обшивать сначала тётю Аник и бабушку, а затем и Ирочку с Эльмирой. Шила она у тёти Аник дома на бабушкиной швейной машинки. Здесь же, как своя, она питалась со всеми нами. Я прекрасно помню эту красивую и очень добрую одесситку. Оптимистка по натуре, она несмотря на все превратности судьбы сохранила своё одесское чувство юмора, часто рассказывая нам многочисленные веселые истории, от которых мы покатывались со смеху.

Среди портных лучшим считался наш сосед по улице, дядя Бегляр. Он шил мне и отцу много штанов и рубашек. Инвалид, участник двух мировых войн, оказавшись военнопленным в Германии, он по окончании войны провёл там ещё несколько лет, и даже успел окончить там портняжные курсы и жениться на немке Лизе. По прошествии времени, Бегляр вернулся на родину, и привез с собой в родное село свою высокую, рыжеволосую с веснушками супругу Лизу, которая родила ему шестерых дочерей. Говорят, после новости о рождении третьей дочери, Бегляр учинил Лизе грандиозный скандал за то, что она не может родить ему наследника. Она же, как бы назло ему, продолжала приносить ему белобрых или рыжих, похожих на неё девчонок. После рождения шестой дочери, Бегляр смирился со своей судьбой и перестал «стругать» детей. Я часто бывал у них в доме, приходя на примерки. Добрая по характеру, тётя Лиза была великолепной хозяйкой соблюдая дом в идеальной чистоте и порядке. Всё домашнее хозяйство было практически на ней. Она держала кур, гусей, свинью и корову. В большой степени благодаря ей, их большой семье удалось пережить войну. Бегляр частенько выпивал и дебоширил, и нередко поднимая руку на Лизу, которая, обладая большой силой, могла бы вмиг приструнить его, но не делала этого. Она прекрасно владела армянским и разговорила совершенно без акцента, ну а для ее дочерей армянский, естественно, был родным. Как-то в очередном пьяном угаре, Бегляр опять стал колотить Лизу. Соседи, не выдержав, заявили на него в полицию, где он по пьянке оправдывал свое поведение тем, что несмотря на то, что Лиза мать его детей, она немка, а мы воюем с немцами, а это значит, что она наш враг. К слову сказать, у Бегляра был пёс, которого он назвал Гитлером. Это был тот самый пёс который донимался до нашей Маруси.

В рабочем кабинете папы на стене висели две очень подробные карты: карта Европы, включающая в себя европейскую часть СССР, простирающуюся до Урала, и карта Нагорно-Карабахской Автономной Области. У нас же дома на стене весел радиорепродуктор, который из-за его формы и цвета в народе прозвали «Черной тарелкой». Дело том, что с началом войны, боясь за

проникновение в народ вражеской пропаганды, было вынесено специальное государственное постановление и у всего населения были изъяты волновые радиоприемники. Нарушителям этого постановления грозило тяжелое наказание, вплоть до передачи их военно-полевому суду. До войны мы почти не слушали радио, разве что изредка могли послушать концерт республиканских артистов. Новости, как правило, нас не интересовали, отец говорил, что не верит их сплошному вранью. Однако с началом войны, «Черная тарелка» стала нашим единственным источником последних вестей с фронта. Тарелка никогда не выключалась, на этом настаивала мама, переживавшая за положение на фронтах и судьбу брата Манвела. Отец на работе получал центральные и республиканские газеты, но они приходили с 2–3-дневным опозданием. Я поневоле тоже превратился в постоянного слушателя тарелки. Я прекрасно помню волшебный голос диктора Совинформбюро³² Юрия Левитана, с пафосом и гордостью передающего новости с фронтов о наступлении наших войск с перечнем освобожденных городов, сёл и отличившихся войсковых частей. Передавая плохие новости, голос Левитана приобретал нотки горечи и сожаления, оставаясь при этом оптимистичным. Не зря Гитлер назначил большое денежное вознаграждение за голову Левитана. Влияние его голоса на настроения Советских людей, и подрыв гебельсовской пропаганды было бесценным. Каждый день мои родители слушали радио и обсуждали положение дел на фронтах. Я тоже не оставался в стороне, и всегда был в курсе происходящего. Каждый день я заходил на работу к отцу и мы вместе фиксировали дневные изменения на фронтах на карте Европы, висящей в его кабинете. Делали мы это при помощи перемещения узкой красной ленты, обозначающей линию фронта, фиксируя ее на карте при помощи булавок. Начали мы это делать после моего возвращения из пионерского лагеря. Красная линия с самого начала войны до Августа 1942 передвигалась на Восток, когда немцы взяли на Кавказе город Моздок и на этом были остановлены. Затем, после Сталинградской и Курской битв, к нашей неопишуемой радости линия стала перемещаться на запад. Однако до Берлина красной линии на нашей карте добраться было не суждено. Некому было ее перемещать, конец войны я встретил уже в Баку.

В Июле 1943 года отца вновь призвали в армию, и как он повествовал в своих воспоминаниях, он в очередной раз оказался не востребованным и отправлен назад. Тогда он решил не возвращаться в Мартуни, и скоро наша семья воссоединилась в Баку.

---

³² Советское информационное агентство.

Глава 11 Возвращение в Баку. 1943

По окончании учебного года, который я завершил почти круглым отличником, мы покинули Мартуни. Подвела меня четверка за поведение, которую моя учительница, несмотря на все увещевания моей мамы, ни в какую не соглашалась исправить на пятерку. Она никак не могла простить мне мою шалость и те, по её выражению, «каверзные вопросы», которые я ей постоянно задавал, вызывая всеобщий смех класса. По её убеждению, я это делал намеренно, чтобы срывать ее уроки. Все наши доводы, что это было сделано из детского баловства и без всякого злого умысла, не возымели сочувствия. Отмечая, что у неё никогда не было претензий к моей учебе, она осталась непреклонна к нашей просьбе. К слову сказать эта «четверка», вскоре чуть не сыграла со мной злую шутку. При оформлении на учёбу в городскую школу №42, меня из-за неё не хотели принимать. И только после настоятельных уговоров родителей, меня всё-таки приняли, но с испытательным сроком.

Уезжая из Мартуни, мы освободили нашу квартиру, а часть вещей, что мы не забирали с собой, перенесли к бабушке домой. Прощаясь с родными, мы были уверены, что мы сюда никогда не вернемся. Трудно было представить Эльмиру без Ирочки. Эта неразлучная парочка росла вместе как родные сестра. Их даже одевали одинаково. Эльмира была на четыре месяца младше, однако в росте была заметно выше и лидировала в этом «тандеме». Спокойная и податливая по характеру, Ирочка никогда не старалась оспаривать лидерство Эльмиры и подчинялась её воле и капризам. Эльмира была немножко избалована особенным вниманием и отношением бабушки, которая видела в ней частицу своего без вести пропавшего сына. Забегая вперед, скажу, что судьба решила за нас иначе, и года через три мы все-таки вернулись в Мартуни.

Ранним утром на перроне Бакинского вокзала нас встречал отец. Уезжая три года назад из мирного родного нам Баку мы вернулись в почти прифронтовой город. Пробиваясь сквозь бесконечную толпу снующих туда-сюда пассажиров, обывателей и военных, мы с трудом прошли перрон и здание вокзала. Привокзальная площадь также была «оккупирована» военными. Выстроенные как на параде колонны новобранцев готовились к отправке на фронт. Был слышен чей-то голос, проводящий через громкоговоритель переключку солдат. Добравшись к месту стоянки фаэтонов, мы отправились домой. Проезжая по немногочисленным улицам, я заметил, что стёкла на окнах домов были обклеены бумажной лентой в виде буквы Х. Было воскресенье, во дворе нас встречала тетя Араксия и тут же пригласила нас завтракать. Зашли мы и к тётке Грачик, дядя Ерванд был на военных сборах где-то за пределами республики. Жили они впроголодь, перебиваясь вечно не хватающим им получаемого по карточкам хлеба, и других продуктов первой необходимости. Сказывалось отсутствие

кормильца. Мои родители, поделились с ними продуктами привезёнными из Мартуни.

Баку было не узнать. Мы нашли некогда процветающий город в плачевном состоянии - пустые прилавки магазинов, повсюду длинные очереди с частыми толканиями, руганью и драками. Ответственность за снабжение нашей семьи хлебом и керосином была возложена на меня. Керосиновая лавка располагалась в ныне снесённом маленьком ветхом одноэтажном здании. На этом месте сейчас на проспекте Ленина расположен пятиэтажный дом с магазином «Прогресс» на первом этаже. Как сейчас называется этот проспект я не знаю. В тусклом помещении лавки на высоком табурете сидел продавец, обычно это был азербайджанец, перед которым стояла большая квадратная металлическая ёмкость с керосином. Вокруг керосинщика висели металлические черпаки и воронки различных размеров, которыми он разливал керосин в принесённую покупателями ёмкость. Чтобы дожидаться своей очереди к нему приходилось простаивать 1–1.5 часа.

С хлебом было чуть полегче. Однажды когда я стоял за ним в очереди, подъехала машина доставляющая хлеб. Из-за широкого тротуара машина не могла подъехать близко к хлебной будке, и продавщице пришлось просить покупателей помочь с разгрузкой. Я вызвался помочь. Продавщица запомнила меня, и потом неоднократно со словами - «Где мой помощник?», звала меня на помощь. Естественно, я получал хлеб без очереди.

Во второй половине Августа отец был направлен на работу в Исмаиллинский район. Перед отъездом отец с мамой побывали в моей школе, где определили меня в 3-й класс. Как потом оказалось, трудности с моим поступлением были не из-за моей 4 за поведение, родители это придумали, чтобы меня напугать, а совсем в другом. Дело в том, что папа, чтобы увековечить память о своём отце решил изменить её, и оформить меня в школу как Мартиросов. Однако, из-за несоответствия этой фамилии в моем табеле об окончании 2-го класс, директор школы Марии Михайловна не отказывалась меня оформлять, требуя изменения моих метрик. Отцу всё-таки каким-то неизвестным мне способом, удалось её уговорить, и 1 Сентября я пошёл в школу под новой фамилией. Однако, это решение отца было принято в семье неоднозначно, дядя Ерванд и его семья были против, а дядя Енок поддержал отца.

Глава 12 Возвращение в свою школу. Первая драка.

Моей новой учительницей стала Амина Смакаевна. Она была антиподом моей первой учительницы Ольги Николаевны. Высокомерная, крикливая она постоянно устраивала разборки с учениками и родителями, и любила жаловаться директору школы на учеников. Крепко доставалось и мне. Мои тетради были исписаны её записками красными чернилами моим родителям с просьбами обратить внимание на моё безобразное поведение в школе и требованиями расписаться в прочтении её посланий. За каждую такую запись мне конечно доставалось от матери. Мне это надоело и однажды, внимательно изучив подпись мамы, я пришёл к выводу, что могу легко избавиться её и себя от «удовольствия» читать ипостаси Амины Смакаевны. Кстати, я так и не узнал к какой национальности она принадлежала. Попрактиковавшись в подделывании подписи мамы исписав пол тетради, я остался доволен своей работой. Зная, что мама из-за её ограниченного русского, сама не будет просматривать мои тетради, я приступил к применению моего нового навыка. Осознавая порочность своего поступка, я тем не менее не мог устоять перед искушением. Оправдание своему поступку я аргументировал тем, что учился самостоятельно, без всякой помощи со стороны кого-либо и потому заслуживаю поблажки. Мать очень редко ходила на родительские собрания в школу, прося Амалию или Жанну заменить её. Естественно мои двоюродные сёстры жалея меня, не всё передавали маме из услышанного обо мне в школе. Однако, сколько верёвочке не виться, а конец будет. В конце учебного года мать решила сама пойти на родительское собрание, и наверное сильно пожалела об этом, так как там ей сильно досталось от Амины Смакаевны за «халатные отношения к замечаниям педагога». Какого же было её удивление и ужас, когда ей показали накануне отобранную у меня тетрадь с её подписью под каждым замечанием педагога. Догадавшись в чём дело, она промолчала и не выдала меня, что было разумным решением с её стороны. Я сильно переживал за последствия совершённого мною поступка, однако мама, вернувшись домой в сильно подавленном состоянии, только долго плакала и причитала проклиная всё и вся. Я думаю, она поняла из каких побуждений я пошёл на этот подлог. Это происшествие произвело на меня сильное впечатление. В тот день я как будто повзрослел и сделал для себя надлежащие выводы. К самой успеваемости ко мне у учителей не было, но я уже до конца окончания средней школы в отличниках не числился. Между тем в третьем классе училось много трудных детей войны. Безотцовщина, отсутствие надлежащего присмотра и воспитания, бедность толкнула их в объятия улицы. Многие, связавшись с плохой компанией, бросали учёбу не доучившись даже до четвертого класса, бродяжничали, играли в азартные игры на деньги. Одной из такой наверное самой популярной игрой была игра в кости

Джай. Мне повезло родиться в благополучной семье и благодаря своей целеустремленности избежать их участи. Из той группы ребят выстоял и окончил школу только Гена Бархударов. Внешне красивый мальчик, он вёл себя в школе вызывающе, обижал девчонкам и пользуясь покровительством второгодника Егизаряна, которого все называли «Пахан», задевал ребят. Он несколько раз безуспешно пытался спровоцировать и меня на драку, но я не поддавался на его приманки. Но однажды зимой, он схватил с моей головы шапку и бросив её на землю в снег стал её топтать ногами. Тут уже было не до моей выдержки. Я хорошенько врезал ему между глаз, да так, что он упал на землю. Нас тут же окружила толпа улюлюкающих ребят. Появился Пахан и по-пахановски решил, что мы должны подраться. Толпа разошлась образовав круг в котором и произошла не долго длившаяся драка. «Храброго» Гены на долго не хватило, и он быстро сдался, не выдержав напора моих кулаков. Это победа придавала мне уверенность в себе, и позволила завоевать авторитет среди ребят. По крайней мере я надеялся на это. Но как вскоре выяснилось, я глубоко ошибался. Через два дня, на выходе со двора школы, на меня неожиданно набросились Юра Суконцев и Костя Кирилов. Это были в принципе не плохие ребята из моего класса от которых я такого подвоха не ожидал. В драке я разбил близорукому Суконцеву очки, и он уже не представлял для меня никакой опасности. С хилым Кириловым справиться было ещё проще. Мои противники рассеялись и стоя у каменной лестницы у входа в парадную 187 квартала, что напротив нашей школы, я ждал своих друзей, чтобы вместе с ними пойти домой. Вдруг я получил сильнейший удар справа в висок, от которого у меня помутнело в глазах и я чуть не упал теряя сознание. Это был опять Суконцев. Он незаметно подкрался ко мне сзади, и стоя на лестнице выше меня, ударил меня ногой и убежал. Я еле добрался до дому где сильно напугал маму своим заплывшим правым глазом и опухшей щекой. Мама потащила меня в школу в кабинет директора. Тот выслушав нас послал за Суконцевым, который жил как раз в том дворе где он меня атаковал. Суконцев пришёл в сопровождении отца и тут же признался, что действовал по наущению Гены Бархударова. Директор пообещал вызвать назавтра в школу родителей Гены. Отец Суконцева принес свои извинения маме, а Юра мне. На этом и разошлись. Какое наказание получил Гена Бархударов мне неизвестно. Забегая вперед отмечу, что позже мы с Юрой Суконцевым подружились и уже будучи взрослыми, работая в родственных организациях, при встрече часто вспоминали наши школьные годы и шутили по поводу нашей драки. Участь в школе, мы редко называли себя по именам, предпочитая обращаться друг другу по фамилиям в их сокращённых вариантах. Так, в первом классе до нашего переезда в Мартуни, меня называли Кочар. Когда мы вернулись в Баку, и я пошел третий класс с фамилией Мартиросов все стали звать меня Мартиром. Но, мои одноклассники с которыми я учился в первом классе, продолжали называть меня Кочаром. К счастью это

продолжалось недолго. В конце второй четверти маму вызвали в школу и сообщили, что так как отец не предоставил мою метрику с фамилией Мартиросов в положенный срок, я буду числиться в школе по имеющийся у меня метрике как Кочаров Юрий Ашотович рождённый в 1932 году в селе Мартуни НКАО. Как вы помните, я родился в 1931 году в городе Баку. По этой метрике я позже получил паспорт, и как видите до сих пор шагаю по жизни приближаясь к её финишной прямой. Надо признаться, что эта «фора» в один год обошлась мне дорого. Выйдя на пенсию на год позже я потерял приличную сумму денег, и в добавок не получил добавку к пенсии как пенсионер родившийся до 31 Декабря 1931 года. Однако, я ни в коем случае не упрекаю отца за его решение, так как он действовал из благих намерений.

Глава 13 Наше новая квартира.

Весной 1944 года у нас произошло важное событие, мы переехали в новую квартиру, приобретённую отцом. Переезд состоялся 6 апреля, я хорошо запомнил эту дату, потому что накарябал её на стене лестничной площадки у нашей входной двери. Эта надпись сохранилась вплоть до 1970 года когда ЖЭК³³, наконец произвел косметический ремонт подъезда и закрасил её. Новая квартира находилась в 189 квартале по 5-й Нагорной улице в доме №1 на втором этаже подъезда №3 в квартире №12. После надстройки третьего этажа в 1960-х годах, номер нашей квартиры поменялся на №16. За пару дней до заселения, неся по поручению отца записку прежним хозяевам, я впервые пересёк трамвайную линию по 4-й Нагорной возле моей школы и поднялся на квартал выше. До этого я никогда так далеко не заходил. Трамвайная линия была границей моего дозволенного перемещения. Войдя во двор нашего нового дома через примыкающей к нему маленький частный дворик, я был поражён его ухоженности, чистоте и благоустройству. По периметру озелененного участка в центре двора были высажены сосны вперемежку с густыми кустарниками. Напротив нашего подъезда располагался круглый палисадник, в центре которого в окружении декоративных кустарников и цветов росла большая пальма. Рядом, среди дорожек, располагались несколько площадок для отдыха оборудованных скамейками. Окна нашей прихожей и кухни выходили во двор и снаружи были обрамлены в зелёный ковёр из вьющейся лианы. Выглядело это очень красиво и просто здорово, причём такая декорация во всём дворе была только у нашего подъезда. По этой примечательности я легко нашёл нашу новую квартиру, и постучал в дверь. Мне её открыл мужчина-еврей очень похожий на Карла Маркса. Поблагодарив меня, он неожиданно заговорил на чистом армянском и

---

³³ Жилищно-эксплуатационная контора

поинтересовался моим возрастом и в каком классе я учусь. Как оказалось, он был часовщиком и долгое время проживал в Армении. В те времена купля-продажа государственных квартир было нелегальной сделкой и могло обернуться для её участников поездкой в сибирские лагеря. Государственную квартиру можно было только обменять, притом это должен был быть равноценный обмен, учитывающий соответствие площади жилья требованиям государственных норм. Однако, несмотря на риски, многие шли на такие нелегальные операции и конечно не без заинтересованной помощи коррумпированной бюрократии. Наш «обмен» произошёл не без приключений, подробности которых были описаны в воспоминаниях моего отца. Хочу обратить внимание читателя на факт наличия коррупции во времена Сталина, хотя бытовало широко распространённое общественное мнение, что при строгом Сталине это было невозможно.

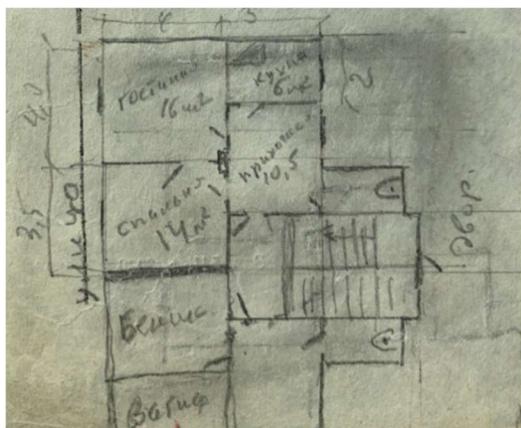
Наше новое жильё представляло собой большую прихожую в которой слева находилось две двери, выходящие в спальню и в гостиную. Прямо через прихожую находилась дверь на кухню. Справа большое широкое окно, выходящее во двор, и дверь в выступающий наружу уборной с азиатским туалетом. С этим туалетом у меня связано неприятное воспоминание. Дело в том, что некоторое время пока отцу не удалось избавиться от него, мы делили квартиру с неким Навасардовым, у которого был свой вход в квартиру в комнату, позже ставшей нашей спальней. Это был отвратительный и ужасно вонючий тип, после посещения туалета которого в квартире стояла такое зловоние, что хоть противогаз надевай. После него приходилось часа два проветривать квартиру. Из-за отсутствия горячей воды и удобств, мне приходилось посещать городские бани. Мать и Ирочка приспособились мыться дома, согревая воду на газовой печи. Я такое мытьё не признавал, и всегда любил купаться под душем. Я мылся почти во всех городских банях. Живя в нашей предыдущей квартире в подвале, я посещал Московскую или близлежащую к нам Солдатскую баню. Здесь, на новой квартире, я иногда ездил в баню на 9-й Свердловской. Когда я жил у бабушки, то ходил в ту, что на 1-й Завокзальной улице. К слову сказать, в Мартуни я тоже мылся в бане, и считаю её лучшей из тех, что я когда-либо посещал.

Забегая вперед замечу, что наша квартира со временем претерпела несколько реконструкций. Первую произвёл отец, когда по возвращению из Мартуни в 1951 увидел как многие наши соседи устанавливали себе балконы на внутреннем фасаде домов. Отец приобрел при помощи нашего родственника со стороны матери, дяди Беника, необходимые строительные материалы, и через какое-то время нанятые им мастеровые, это были те, что устанавливали балконы соседям, приступили к работе. Отец принимал личное участие в строительстве выполняя многие плотнические работы. Помимо балкона, реконструкции подверглась и кухня, в которой русская кирпичная печь была разобрана и заменена на обыкновенную газовую. Прошло два года прежде чем строительство остекленного

балкона было завершено. К сожалению, он получился узким и низким, из-за чего дневное освещение прихожей и кухни значительно ухудшилось.

В 1956 году, незадолго до моей женитьбы, газовая печь и мойка были перенесены из кухни в прихожую. Маленькая кухня превратилась в маленькую в 7 квадратных метров спальню с деревянными полами, в которую мы с Ирой поселились.

Однако пора возвращаться в 1943 год.

План квартиры(слева) начерченный автором.

План двора начерченный составителем

Глава 14 Болезнь Отца. Кельбенд.

Летом 1943 года отец получил новое назначение, и уехал в Исмаиллинский район Азербайджана на работу в качестве врача медицинского пункта армянского села Кельбенд. Через год, в начале лета 1944 года он сильно заболел. По его собственному диагнозу у него был рецидив острого суставного ревматизма, сопровождающийся высокой температурой и сильными болями в суставах. Прикованный к постели, он вызвал мать к себе, и вскоре она, я и Ирочка отправились его навестить. Я очень хорошо запомнил ту поездку. Автобусы не ходили, и нам пришлось добираться до Келбенда на попутках. Село находилось в 12 км в стороне от автомагистрали Баку-Шемаха, в простонародье известной как Шемахинская дорога. Из-за небольшой ширины полотна и многочисленных крутых спусков и подъёмов Шемахинская дорога была очень опасной. Особенно опасными были её участки проходящие через Аджидаринский и Ахсуинский перевалы, проходящие в непосредственной близости от глубоких живописных ущелий. Годы спустя мне неоднократно доводилось ездить по этим живописным местам по личным и служебным делам.

У Молоканского села Кюлили мы пересели в фургон, и свернув на просёлочную дорогу вскоре прибыли в Кельбенд. Это было средних размеров село на 70–80 дворов, жители которого разговаривали на особом диалекте армянского, очень

схожим с карабахским. Село располагалось в низине горного ущелья у довольно широкой, мельчавшей на лето каменистой речки. Река и многочисленные родники вокруг неё были единственными источниками водоснабжения села. Высоко, на приличном расстоянии от него, на склоне горы в полном одиночестве стоял дом в котором располагался медицинский пункт и резиденция врача. Это был двухэтажный дом с двумя комнатами на втором этаже, одна из которых служила приёмной для пациентов, а во второй проживал отец. В его комнате было два окна, из одного из которых как на ладони открывался прекрасный вид на всё село. Из этого окна было любопытно наблюдать за жизнью села- вон там на бревне у здания Сельсовета сидят и о чём-то переговариваются несколько мужчин, там две женщины с плачущим мальчиком зашли во двор, дальше по дорожке с двумя кувшинами в руках идёт за водой женщина с ребенком, рядом лают и дерутся собаки.

Шла война. Как говорят, беда не приходит одна, 1943 год выдался неурожайным, и скот нечем было кормить. Многие сельчане голодали. Вот в такой обстановки здесь жил и работал мой отец, кормилец нашей семьи. Сейчас он болен и не смог выйти нас встретить. Малейшие попытки встать с кровати вызывали у него острейшую боль. Сейчас, находясь в это возрасте, я почти каждую раннюю осень испытываю подобное состояние. А тогда я не понимал, как этот внешне крепкий и сильный мужчина не может двигаться. Две недели, что мать пробыла с отцом она как могла, ухаживала за ним, делала ему массажи, готовила с его слов какие-то микстуры и смазывала ему мазями поясницу. Пока она занималась отцом, мы с Ирочкой тоже не теряли времени зря и придумывали себе занятия. Помню как мы задумали построить *турун*³⁴, земляную печь в которой здесь все пекли хлеб. С технологией строительства я был знаком еще по Мартуни, наблюдая как-то за двумя мужчинами устанавливающим турун в соседнем дворе. Под большим деревом, что стояло перед нашим домом я аккуратно выкопал яму диаметром в 40–50 см и глубиной 60–70 см. Пока Ирочка выгребала за мной землю из ямы, я приготовил глиняную массу, тщательно размешав глину с водой и доведя массу до нужной консистенции. Затем, из этой массы я готовил заготовки в виде колбасок диаметром 3 см, которые тут же укладывал одну на другую спиралью по стене ямы. Уложив по высоте таким образом 10–15 рядов, я сбрызгивал их водой и тщательно натирал поверхность доведя её до гладкой. Повторив всю процедуру ещё раз и добавив ещё 10–15 рядов, я получил прекрасный миниатюрный турун. Осталось только дожидаться когда глина подсохнет, и можно было разжигать хворост и печь хлеб. К сожалению это у нас не получилось сделать, отцу становилось лучше, и хотя до полного излечения ему было ещё далеко, маме и Ирочки нужно было возвращаться домой. Ну, а у меня были другие заботы.

³⁴ вертикальная печь в виде колодца (Арм.)

Ирочке тогда было 5 лет, я уверен, что она этого не помнит. Папа продолжал болеть, и мне ещё долго пришлось за ним ухаживать, выполняя обязанности санитаря и сиделки. Иногда ему ночью приходилось долго меня звать на помощь, чтобы помочь ему по нужде. Я спросонья отвечал ему, что иду, а сам продолжал спать. К слову, я до сих пор сплю мёртвым сном, и почти никогда не вижу снов. В Кельбенде электричество отключалось в 8 часов вечера, и нам, как и всему селу приходилось переходить на керосиновые лампы. Отец часто зачитывался допоздна, и гашение лампы на ночь было моей обязанностью. Я же засыпал моментально, как только моя голова касалась подушки. Почти все попытки отца разбудить меня были тщетны, и лампы часто горели до самого утра или до тех пор, пока керосин в них не выгорал.

Однажды к отцу из другого села пришёл за помощью знакомый ему мужчина. В его селе было несколько лежачих больных, и мужчина хотел попросить отца приехать к ним, и даже обещал прислать за ним лошадь. Увидев отца в лежачем положении, сильно удивлённый мужчина совершенно искренне произнёс: «А что, доктора тоже болеют?» Мужчина приехал в сопровождении сына моего возраста, обутого в великолепные *чарыхи*.³⁵ Давно, ещё со времён моей бытности в Мартуни, я мечтал иметь такие. Во время войны из-за отсутствия обуви почти все сельчане ходили в них. Я вслух высказал своё желание иметь пару, и мужчина тут же откликнулся на мою просьбу, замерил мои ноги и сказал, что через неделю он опять будет в наших местах и обязательно мне их занесёт. Мужчина сдержал своё слово, и через неделю я уже ходил в отлично сшитых, легких и удобных, с коричневыми шнурками чарыхах. Я был бесконечно счастлив, и долго прыгал от радости.

Между тем, отец приспособился меня будить. Он велел мне принести из подвала тонкую длинную жердь, которой он стал меня будить.

Глава 15 Ответственное Поручение.

Как-то вечером отец предупредил меня, что на утро мне нужно будет быстренько одеться, и с первыми петухами отправиться в соседнее село Кирк с важной запиской. Я должен был доставить, и передать её лично в руки какому-то Николаю-Даи. При этом это нужно было сделать как можно раньше, чтобы застать его дома. Папа мне объяснил как добраться до села и найти нужный мне дом. До этого случая мне ни разу не приходилось покидать пределы села, и я был рад этой предоставленной возможности ознакомиться с округой и угодить отцу. По утру я надел свои новые чарыхи и двинулся в путь. В отличие от Кельбенда,

---

³⁵ Сельская сплетенная из веток летняя обувь

Кирк был расположен высоко в горах. Туда можно было добраться двумя путями, по наикратчайшему в 1.5–2 км пути по горной тропе, или в обход гор по грунтовой дороге. В последнем случае надо было идти километров пять. Из-за срочности поручения, вопрос выбора пути передо мной не стоял. Тропа через горы начиналась за речкой в противоположной от нас окраине села. Пройдя всё ещё спящее село, и перебравшись через почти обмелевшую речку, я вступил на открытую местность, вскоре перешедшую в зелёнку из кустарников. Я с трудом нашёл среди разросшихся кустарников, берущую здесь своё начало, узкую тропу идущую вверх к склону виднеющейся впереди горы. Сделав по ней несколько шагов, я очутился в зарослях густого и высокого, почти в мой рост, кустарника. Вокруг ни души и мертвая тишина. Безмолвие угнетало. Я вдруг почувствовал страх, а в груди защемила тревога. В нерешительности я замер на месте, и оглядываясь по сторонам, подумывал над тем, чтобы повернуть назад и вернуться домой. Однако, чувство ответственности перед отцом взяло вверх, и я решительно продолжил свой путь. Поднимаясь по петляющей по горе тропе, я уже шёл среди кустарников ежевики, шиповника и дикого граната, и вскоре добрался до верхушки горы. В последний раз оглянувшись на оставшийся позади внизу Кельбенд и медпункт отца, я начал спускаться вниз по тропе. Я был больше чем уверен, что отец в этот момент наблюдает за мной из окна, и мысленно проделывает со мной мой путь. При других обстоятельствах он бы никогда не отправил бы меня одного в такой опасный путь, значить это было очень важно для него.

Когда я поднимался по склону следующей горы, и на мою радость последней, стало совсем светло. Перевалив через неё, я вскоре оказался на той самой окружной альтернативной дороге ведущей в Кельбенд. Радость от того, что горная тропа осталась позади и впереди прямой путь по дороге, вызвала во мне необыкновенный прилив энергии. Счастливый, я продолжил свой путь наслаждаясь окружающим меня бескрайним горизонтом. Внизу слева от дороги открывалась прекрасная панорама на хорошо видимой дороге Баку-Шемаха-Евлах, по которой мы добираемся до Кельбенда, недалеко петляющая в зелени речка, что я совсем недавно пересек на выходе из села. Когда солнце поднялось высоко, стала видна синяя гладь реки, в которую впадала наша речка. Чарующее зрелище, но мне надо было продолжать свой путь, и я легко и непринужденно на своих, кажущихся невесомых ногах, топаю вперёд. Вскоре дорога свернула вправо, чтобы сделав небольшую петлю оказаться на другом склоне горы. Ещё поворот и я уже оказываюсь на подступах к селу.

Продолжая шагать, я вдруг заметил невдалеке на склоне возвышенности над противоположной стороной дороги, что-то, что привлекло моё внимание. Там, прямо над местом мимо которого мне предстояло пройти, сидело какое-то животное похожее на собаку. Видимо заметив меня первым, оно наблюдало за

мною. То что это была не собака я довольно быстро понял. Лиса? А может волк? Я остановился. Раздумывая как поступить, я машинально снял с головы кепку и стал ею широко размахать. Животное никак не среагировало, и даже не шелохнулось. Тогда я стал кидаться в него камнями, но боясь спровоцировать его я сознательно старался не докидывать до него. Животное как изваяние упрямо продолжало на меня смотреть. Уже светлело, и я решил переждать в надежде на то, что кто-то из сельчан появиться на дороге. Однако, время шло, но никто не появлялся. Я запаниковал. Что делать? Не придумав ничего лучшего, я поднял с дороги два крупных голыща и стал из-за всех сил зло стучать ими друг об друга. И, о чудо! Животное встало, медленно повернулось и зашагало между могильными камнями расположенного позади кладбища прочь, ни разу при этом не обернувшись. Тут я заметил, что хвост у него был не лисий. Я ещё какое-то время простоял в нерешительности, боясь что животное может вернуться. Через пару минут я наконец услышал приближающиеся женские голоса, и скоро из-за поворота появились две беседующие женщины с мальчиком и идущий поодаль от них мужчина с косой. Дойдя до злополучного места, они повернули вправо и удалились. Наверное они идут на работу в поля, подумал я. Убедившись, что опасность миновала я продолжил свой путь, и без проблем по описанию отца нашёл дом дяди Николая. Я успел вовремя. Оседлав коня дядя Николай уже собирался тронуться в путь. Прочитав записку отца, он, узнав чей я сын, поинтересовался как я добрался и спросил об отце. Очень огорчившись болезнью отца, он пообещал вскоре навестить его. Я рассказал дяде Николаю о встрече с неизвестным зверем. Выслушав меня он сказал, что это без сомнения был волк, но был удивлён его появлению у села в светлое время суток, да еще и летом. То что это была собака он тут же исключил, так как таких похожих на волка собак, как немецкие овчарки, в Кирке и ближайших сёлах не было. И потом, собаки так далеко от села не уходят. Дядя Николай сказал, что я родился в рубашке, потому что повстречался с одиноким волком, а не стайным и который по всей видимости был сыт. В военное время волков развелось много, и гонимые голодом они часто заходили в сёла и нападали на скот.

Дядя Николай познакомил меня со своим сыном Байрамом и велел нам идти завтракать.

- «Мне пора по делам, вечером встретимся.», сказал он и уже собирался удалиться, когда услышал, что мне надо быстро вернуться, так как отец будет переживать за меня.

- «Оставайся на несколько дней. Не переживай, я позвоню в Келбендский Сельсовет и они уведомят твоего отца. У нас ведь здесь рай по сравнению с Келбендом. Отдохнёшь, проведёшь время с Байрамом. Оставайся.»

Я поблагодарил за приглашение, но сказал, что не могу оставить отца одного. Дядя Николай это понял, и похвалив меня за мою ответственность, попрощался и удалился.

Байрам был младше меня года на три, это был очень хороший мальчик и мы с ним быстро подружились. Он совсем не был похож на сельского жителя, одевался по-городскому, да и манеры у него были городские. Жили они богато, в хорошем добротном доме с большим двором, и явно ни в чём не нуждались. Во дворе их дома стоял ещё один дом, но по меньше, состоявший всего из двух комнат. В нём одиноко жила биологическая мать Байрама. Как я позже узнал от отца, Байрам был усыновлён дядей Николаем и его женой тётёй Арусяк. Своих детей у них не было. Знал ли Байрам об этом я не знаю, но называл дядю Николая и тётю Арусяк папой и мамой. Как он обращался к родной матери мне не довелось узнать. У Байрама было хобби, он плёл *чувараны*³⁶ из камыша и мастерил свирели. Во дворе под навесом у него хранилась стопка срезанных камышей, он показал мне процесс изготовления, и я сам собрал одну корзину и вырезал две свирели. В последствии по необходимости мне не раз приходилось изготавливать корзины, и я до сих пор помню технологию их изготовления. С Байрамом мы встретились ещё раз через два года, но уже в Баку, куда он приехал навести родственников. Я тогда ознакомил его с городом, мы несколько раз сходили в кино, и даже побывали в Театре Оперы и Балета на балете «Девичья Башня» Бадалбейли, и опере Бородина «Князь Игорь». Это была моя последняя встреча с этим хорошим парнем, к сожалению наши пути разошлись, он уехал в деревню, а я больше не навещал отца.

А тогда, недолго погостив в Кирке и пообедав у тётёй Арусяк, я отправился в обратную дорогу и без всяких происшествий тем же путём добрался до дому.

Глава 16 Будни Сельского Врача. Шахматы. Ночной Переполах.

С моей стороны было бы несправедливо не упомянуть тётю Ануш за ту помощь, что она оказывала моему отцу в Кельбенде. Это была пожилая женщина, живущая недалеко от медпункта. Хотя она числилась в штате отца, большую часть времени она проводила у себя дома, занимаясь домашним хозяйством, и только два-три в неделю поднималась в медпункт убраться. Тётя Ануш также готовила отцу, и это у неё хорошо получалось. Такой график её работы был обусловлен тем, что пациенты отца редко приходили в медпункт из-за его труднодоступности, и в основном ему приходилось навещать их самому.

---

³⁶ Корзины (Арм.)

Часто ему приходилось ходить по вызовам в близлежащие сёла, ведь помимо Кельбенда, в зону его ответственности входило несколько армянских, азербайджанских, лезгинских сёл и молоканское село Кюлили. К нему также нередко обращались из сёл находящихся за пределами его территории.

Однажды в Августе из одного такого азербайджанского села к нам приехало двое всадников приведя с собой запасную лошадью. Это были мужчина средних лет со своим зятем, которые приехали просить отца поехать с ними, и осмотреть укушенную змеей дочь. Отец конечно согласился, быстро собрался, и сев на свободную лошадь отправился в сопровождение мужчин в их село. Отца долго не было, и я провёл весь день в одиночестве и беспокойстве о нём. Уже было совсем поздно когда он вернулся.

Как по возвращению рассказал мне отец, во дворе дома, где проживала семья приехавших мужчин, зять случайно наткнулся на змею и ударил её лопатой, но промахнулся и змее удалось уползти. На следующий день, когда вся семья работала в поле недалеко от дома, собирая вилами скошенное сено в стога, молодая хозяйка подняв очередную охапку сена заметила под ней змею, которая тут же атаковала её и ужалила в ступню. На её крик о помощи быстро прибежал её муж, и успел распознать в уползающей гюрзе ту самую, что он пытался убить днём раньше. Девушке тут же туго перевязали ногу верёвкой чуть выше ступни и отнеся её в дом на этом успокоились. Вскоре нога у девушки начала распухать, поднялась температура и появились сильные боли в ноге. Непонятно на что рассчитывала семья продержав девушку в таком состоянии не обращаясь к врачу. Только через три дня, когда у неё посинела нога и началось разложение и распад тканей, ей сняли верёвку и повезли в Шемаху. Тамошние врачи осмотрев её сказали, что ногу нужно срочно ампутировать. То же самое им сказали и в Геокчае. Однако, девушка ни в какую не соглашалась на ампутацию, предпочитая скорее умереть, чем лишиться ноги. Каким-то образом семья узнала о враче, который удачно лечит укусы змей. Скорей всего народная молва донесла до них об успешном опыте отца в бытность его работы в Мартунинском районе. Или возможно, что кто-то читал республиканскую газету «Коммунист», издающуюся на армянском языке от 6 Июня 1940 года со статьёй об отце и его опыте лечения укусов змей. Поэтому, с последней надеждой на отца, родные девушки обратились к нему за помощью. Прежде чем ехать к больной, отец предупредил мужчин, что не может им ничего обещать, но сделает всё, что в его силах.

В тот вечер отец пояснил мне, что было сделано семьёй неверно в попытке помочь девушке. Как оказалось, после тугой перевязки ноги выше укуса, в первую очередь нужно было высосать яд губами из раны, таким образом полностью или частично удалить из неё яд и уменьшить его действие. Затем нужно было сделать несколько надрезов вокруг раны, чтобы яд с вытекающей из надрезов крови опять выводился из организма. Одновременно с этой процедурой, нужно было

обязательно послать за врачом. В ожидании врача нужно было повторить всю процедуру ещё раз, а затем постепенно раз за разом расслаблять жгут, или в данном случае верёвку, и в конце концов полностью его удалить. Дело в том, что сильно затянутый жгут помогает задержать распространение яда в организме, но в то же время он сокращает поток крови к ступне. Поэтому это очень важно вовремя удалить его, прежде чем начнётся необратимый процесс гангрены.

На утро следующего дня за отцом прибыла тачанка запряжённая одной лошастью. Отец велел мне тоже собираться, мол нечего мне опять оставаться одному дома. Я конечно же был рад прокатиться на тачанке. Поездка была недолгой, но из-за стоящей жары и солнцепёка утомительной. Село было совсем маленьким, дворов на 10–12 стоящих среди редких деревьев. Заезжаем через ворота во двор небольшого дома, как оказалось, принадлежавшего отцу девушки. Во дворе в метрах 10–15 от дома стоял покрытый соломой навес, под которым в кровати лежала наш пациент. Как только мы въехали во двор, я услышал запах чего-то очень гнилого, который по мере нашего приближения к навесу усиливался и становился совершенно невыносимым. Меня чуть не стошнило, но не подав виду я стал медленно двигаться к воротам, и уже оттуда из далека стал наблюдать за отцом. В какой-то момент он кивком позвал меня к себе. Попривыкнув к зловонию, я подчинился и приблизился к нему. То, что я увидел в следующее мгновение совершенно ошеломило меня. Передо мной лежала молодая женщина, левая нога которой до колена была совершенно синяя, а часть ступы почти чёрная. Куски мяса и лоскуты кожи вокруг стопы свисали оголяя кость. Между оголённой костью и толстой жилкой была пустота. Всё это месиво напоминало хаш. Отец нагнулся над женщиной, и под жужжание неисчислимого количества зелёных мух пинцетом, одним за одним стал вытаскивать из этого месива живых белых червей. Это было жуткая картина, и я тут же вернулся к воротам.

Папа ежедневно посещал свою пациентку, чистил раны, удалял мертвые участки кожи и плоти, по возможности соединял здоровые их участки, прилагал какие-то мази и менял повязки. В конце концов его кропотливый труд увенчался успехом. Ему удалось сохранить женщине ногу, и уже через год она уже ходила, правда чуть прихрамывая.

Кельбенд мне дорог и не забываем ещё и тем, что я здесь впервые стал играть в шахматы. Этой мудрой игре научил меня папа, сам прекрасно в них играющий. По вечерам, а иногда и в свободное дневное время, он занимался со мной. Поначалу мне это игра показалась скучной, я плохо её понимал, и неохотно слушал отца. Скорее всего, мне просто не хотелось в неё вникать. Однако, вскоре я вошёл во вкус, и потрясённый её неограниченными творческими возможностями, полюбил шахматы раз и навсегда. Я научился играть на шахматах отца, которые всегда были при отце в Баку и во времена его работы в районах. Так, по мимо Келбенда, они дважды сопровождали его в Мартуни. Теперь, после смерти отца,

они находятся со мной в Ессентуках. На этой самой доске научился и играл мой сын Сергей.³⁷

Как-то вечером, в окружении крошечной темноты мы с отцом сидели за столом на балконе и при свете керосиновой лампы сражались в шахматы. Было за 8 часов вечера, электричество недавно выключили. За сплошной темени села внизу не было видно. По бедности редко кто из сельчан зажигал керосиновые лампы. В один момент, во дворе сначала залаял и тут же завыл наш пёс Алабаш, а он никогда просто так не лаял. За воем последовал жалостный визг, и мы перегнувшись выглянув через перила балкона стали свидетелями короткой схватки, после которой мы разглядели медленно удаляющегося вниз в сторону села огромного волка. Отец схватил топор и с лампой в руках стал спускаться по лестнице во двор. Я же, проводив взглядом хладнокровно удаляющегося волка, последовал за ним. Бедный, весь в крови, Алабаш неподвижно лежал на земле и учащённо дышал. Это был большой и сильный пёс, но какого-либо подобающего сопротивления огромному волку он оказать не смог. Силы были не равны. Опасных для жизни ран у собаки отец не заметил, и мы вскоре поднялись на балкон. Закончили начатую партию шахмат, мы принялись её анализировать и уже собирались идти спать, когда со стороны села раздались выстрелы. Внизу перед нами металась в разные стороны множество горящих факелов, за светом которых самих людей не было видно. Весь этот хаос сопровождался криками людей и ружейной пальбой. Мне никогда не доводилось наблюдать за таким драматическим зрелищем. Вскоре пальба и крики прекратились, и только редкие голоса переговаривающихся мужчин нарушал ночную тишину. Утром стало известно, что волк от нас направился в село, где зарезал трёх коз и ещё одну утащил с собой в лес. Отец сказал, что нападения волков на скот дело обычное, особенно в зимний период, но случаев нападения на людей, слава богу, не было.

В один из наших походов с отцом в сельский магазин, он предложил на обратном пути пойти погулять в тени сельского сада, и заодно поесть там винограда. Мы свернули с нашей дороги и пошли в сторону сада, что располагался в полукилометре на запад от села, у дороги ведущей в Кюлили. Прекрасный сад с большими деревьями, по которым как лианы высоко взобрались виноградные лозы различных сортов с поспевшими на них гроздьями ягод. Мы прямо с земли стали обрывать виноградные гроздья с веток и с большим удовольствием поедать сладкие и прохладные ягоды. Отец посетовал, что у нас не было с собой какой-либо ёмкости, в которую мы могли бы набрать виноград и отнести его с собой домой. Тут я вспомнил Байрама, и попросил у отца его

---

³⁷ Эти шахматы, наряду со настенными часами деда и инкрустированного стеклянного стакана с крышкой моей бабушки Аси являются единственными вещами из нашей Арменикендской квартиры, которые я привёз с собой в Америку. Я до сих пор храню эти семейные реликвии как зеницу ока, и в своё время передам их моему сыну Ашоту и дочери Шагане.

карманный нож, который он всегда носил с собой. Велев ему продолжать собирать виноград и складывать его на траву, я побежал к тому месту где я по пути сюда заметил заросли камыша. Срезав нужное количество я вернулся в сад, и на глазах изумлённого отца за несколько минут сплёл корзину ёмкостью в 7–8 кг. Корзина получилась добротной, и мы наполнив её доверху виноградом вернулись домой.

Глава 17 Возвращение в Баку.

Подходил к концу Август 1944. Через несколько дней начинался новый учебный год, и мне было пора возвращаться в Баку. Отец к тому времени уже поправился, и его можно было оставить на попечении тёти Ануш. Отец достал из подвала два больших чемодана, которые мне предстояло забрать с собой, и мы начали собирать меня в дорогу. В один из чемоданов мы уложили мешок муки, в другой ещё полмешка муки и всякой другой всячины: *куркут*³⁸, горох и мёд. Оба чемодана получились очень тяжёлыми. Кто-то на фургоне довёз нас до молоканского села Кюлили, состоящего всего из 7–8 дворов выстроенных вдоль автострады Баку-Шемаха. Кюлили входило в зону обслуживания отца, и поэтому его здесь все хорошо знали и уважали. Остановившись у хозяина второго дома, встретившего нас очень радушно, мы оставили чемоданы и отправились к автостраде «ловить» попутную машину до Баку. Время было военное, частных машин не было, а военные либо не останавливались, либо запрашивали около 2000 рублей, что по тем временам были большие деньги. В тот день нам не удалось поймать машину, и нам пришлось остаться на ночлег у нашего хозяина-молоканина. Молокане-это русские старообрядцы предков которых ещё в царские времена выселили из России на Кавказ. Это был очень чистоплотный и опрятный народ. Мужчины носили бороды и ходили в рубахах-косоворотках, затянутых ремнём поверх широких штанов, заправленных в голенища сапог. Женщины тоже были под стать мужчинам аккуратно одеты и сплошь носящие белые косынки. Нас накормили, напоили чаем и уложили спать на широкие деревянные кровати. Мы буквально утопали в толстых и нежных матрасах и огромных пуховых подушках, застеленных белоснежными простынями и наволочками.

На утро следующего дня мы опять пошли к дороге, и на этот раз нам удалось поймать крытый военный грузовик Студебекер управляемый гражданским шофёром, который учитывая мой возраст, согласился довезти меня за 1600 рублей. В кузове уже сидело трое мужчин и одна женщина. Ещё одна женщина

---

³⁸ Отбитое вымоченное и затем высушенное на солнце пшеничное зерно используемое для приготовления одноимённой каши, приготовленной на медленном огне с кусками жирной свинины

сидела в кабине водителя. Попрощавшись с отцом, я забрался в кузов и мы тронулись в путь. Было уже около 4-х часов дня. Ехали мы нормально и когда успешно преодолели Ахсуинский перевал, водитель сообщил нам, что он не будет ехать через Шемаху, а объедет город окольным путём, чтобы избежать не желаемой встречи с мало сговорчивым инспектором ГАИ, неким Давидом. Все взрослые отнеслись к этому сообщению с пониманием, один я ничего не понял, но моё мнение никто и не спрашивал. Дело в том, что в военное время завоз продовольствия в Баку был строго запрещён. Нарушителей закона строго наказывались, вплоть до привлечения к суду военного трибунала. Водители и инспекторы ГАИ были хорошо осведомлены о том, что пассажиры направляющиеся из районов в Баку обычно везут с собой продукты. Однако и те и другие в большинстве своём, несмотря на риск, были не прочь на этом заработать. А инспектор Давид наверное, или не брал денег, или наоборот взымал больше чем его коллеги. Мы продолжили наш путь. До Шемахи было ещё 40 км. За несколько километров до города шофёр свернул на просёлочную грунтовую дорогу. Дорога была ужасно ухабистая и нас, едущих в кузове, сильно трясло и бросало из стороны в сторону. За Студебекером метров на двести тянулся шлейф пыли. И несмотря на то, что кузов, за исключением заднего борта, был покрыт брезентом, сидящие в нём были с ног до головы покрыты пылью. Проехав по грунтовке километров 20–25 мы наконец свернули обратно на трассу. У меня сразу возникло ощущение, что мы уже не передвигаемся на грузовике, а летим на самолёте. Неплохо было бы так доехать до самого дома, подумал я про себя. Проехали Маразу. Впереди ещё самый опасный участок нашей поездки -Аджи-Даринский спуск. А между тем, уже было темно и мы ехали с включёнными фарами. Успешно преодолев опасный спуск, мы оказались на прямой участке дороги до самого Баку, до которого оставалось каких-то 40–45 км.

Вдруг водитель останавливает машину, тушит фары и обойдя грузовик, подходит к заднему борту кузова. Обратившись к нам, он велел нам сидеть ухватившись друг за друга, и крепко держаться за борт машины. На наш вопрос, в чём дело, водитель ответил, что делайте то, что вам велено и никаких вопросов. Он вернулся в кабину, и мы продолжили наш путь. Через пару километров мы все заметили, что машина стала набирать скорость. Я всю дорогу сидел впереди кузова у маленького окошка в кабину водителя, и наблюдал за происходящим на дороге впереди нас. В этот момент я буквально впился в окошко. Ехали мы при дальнем свете фар, но в какой-то момент водитель переключился на ближний свет. Проехав так километра три он снова перешёл на дальний, и стал резко набирать скорость. Всмотриваясь вперед, я чётко увидел впереди перекрывающий дорогу шлагбаум. Поодаль от шлагбаума стоял открытый Виллис, с двумя сидящими на его капоте милиционерами. Милиционеры поедали арбуз. Шлагбаум и Виллис были освещены прожектором, установленным на крыше

стоящего рядом деревянного навеса. Под навесом стояло ещё два милиционера, которые явно о чём-то спорили, резво жестикулируя руками. Оценивая ситуацию, я ожидал, что водитель начнёт сбрасывать скорость, однако наперекор моим ожиданиям произошло обратное. Машина ускорилась до максимальной скорости. Я успел крикнуть своим попутчикам, чтобы они покрепче держались за борт. Буквально через пару минут мы на бешеной скорости протаранили шлагбаум, и разнеся его в щепки помчались дальше. Теперь наше общее внимание было обращено на оставшийся позади пост. Двое полицейских, побросав арбузные ломти и соскочив с капота, запрыгнули в Виллис и тронулись с места в погоню за нами. Те, что стояли под навесом, тоже ринулись к машине, но только один из них успел в неё запрыгнуть. Виллис круто развернулся и ринутся нам вдогонку. За явным преимуществом в скорости он стал быстро нас нагонять. Вот он уже в пол километра от нас. Наконец нагнав и осветив нас своими фарами, милиционеры начали кричать водителю, чтобы он немедленно остановился. Мы в кузове тоже стучим по кабине и требуем того же. Но тщетно, Студебекер продолжал мчаться как угорелый петляя из стороны в сторону, не давая Виллису его обогнать. Сейчас, через года вспоминая этот случай, я подумал, что ведь эта погоня могла стать достойным эпизодом какого-нибудь крутого Голливудского боевика. Между тем Виллис почему-то стал отставать, и мы скоро потеряли его из виду. Слава Богу пронесло, облегчённо вздохнули мы. Однако, мы рано радовались. Проехав километров восемь, мы за одним из поворотов уткнулись в перекрывший нам дорогу тот самый Виллис. Милиционеры с выставленными на нас пистолетами окружили Студебекер, и велели водителю выйти. Как только он вышел держа свои документы в поднятых в руках, его тут же схватили и связав ему руки, бросили в Виллис. Один из гаишников велел нам сидеть тихо в кузове, и сказал, что мы должны будем вернуться в Шемаху для выяснения обстоятельств происшествия. Он же сел за руль Студебекера, и мы поехали обратно. А ведь мы почти доехали, до Баку оставалось каких-то 25 км. Теперь нам предстоял 90-километровый путь в Шемаху, где находилось управление, разгромленного нами поста. Добрались мы туда уже только поздним вечером. Там нам сообщили, что машина арестована, и что нам следует сойти с неё с вещами. Гаишники проверили у взрослых документы, и указав им на меня, поинтересовались чей я сын, на что получили ответ, что я сам по себе. Милиционеры приступили к осмотру содержимого чемоданов, сумок и мешков взрослых пассажиров. Я же в это время, грязный и голодный с жалким видом сидел на своих чемоданах. Время от времени я засыпал от усталости, и в какой-то момент окончательно заснул. Разбудил меня рано утром толчок в бок:

- «Эй, давай иди и садись вон в ту машину.», указывая на крытый грузовик поменьше нашего, сказал мне какой-то гаишник. Какой-то мужчина стоявший рядом помог мне погрузить мои тяжёлые чемоданы в кузов машины. Там кроме

меня уже сидели три женщины, включая ту, что сидела в кабине арестованного Студебекера. Я спросил у нее про остальных пассажиров из злополучного грузовика и об его водителе:

- «После того как водителя арестовали и посадили в Виллис, я больше его не видела. У остальных нашли муку, и задержали до выяснения обстоятельств. А тебе крупно повезло. Когда ты спал на своих чемоданах, гаишники поинтересовались у ихнего старшего как с тобой поступить. Он посмотрел на тебя крепко спящего, и велел не трогать, а наутро посадить в машину и отправить в Баку. Вот тебя и посадили с нами.», поведала мне моя попутчица. Вспоминая этот случай через много лет, я продолжаю удивляться моему тогдашнему везению и иронии самой ситуации. Дело в том, что тот гаишник, что велел меня спящего не трогать и утром отправить домой, был тот самый «ужасный» Давид. Жаль, что я его так и не увидел.

До Баку мы добрались без приключений. Мне предстояло сойти первому. Ещё в Шемахах, я сказал водителю, чтобы он меня сбросил в районе Арменикендского вокзала, рассчитывая позже указать свой адрес. Однако, доехав до вокзала, он отказался подвезти меня до дому. Я ему попытался объяснить, что до моего дома ещё надо идти два квартала и, что я физически никак не смогу донести туда два тяжёлых чемодана. Только вмешательство женщин заставило его изменить свое решение. Сбросив меня у ворот в наш двор, грузовик уехал. До нашего подъезда от ворот было не менее 100 метров. Оставив чемоданы у ворот, я не заходя во двор, побежал по улице и стал долго кричать мать на помощь. Она наконец услышала меня и подошла к воротам с Ирочкой. Оставив её у с одним из чемоданов, мы с мамой отнесли второй домой и вернулись за первым. Мой приезд оказался неожиданным для мамы. Она знала, что я должен приехать, но не знала когда точно. Случилось бы со мной, что-то серьёзное в пути, мои родители нескоро бы спохватились бы меня.

Это была моя последняя поездка в Кельбенд.

Глава 18 Школьная жизнь. Соседи. Окончание Войны 1944-1945

1 Сентября 1944 года я, как и все дети СССР, пошёл в последний, 4-й класс, начальной школы. За лето мало, что в ней изменилось. Разве что исчез буфет, в котором я любил покупать блинчики буфетчицы Нины Васильевны. Нашей учительницей по-прежнему была Амина Смакаевна.

Уроки уроками, а потехе час. Во время большой перемены мы играли в популярную тогда среди мальчишек игру «Кидалки». Смысл игры заключался в кидание монетки или сплюсненной жестяную крышки от лимонадных бутылок с определённого расстояния в очерченный на земле круг. В центре круга стояла

стопка монет, тот чья монетка приземлится ближе к стопке, получал право на первый удар ею по стопке, и шанс перевернуть монетку на обратную сторону. Если тебе удалось этого добиться, то монета твоя, нет, тогда ход переходит к другому. Играли мы на деньги или на свои школьные завтраки, которые нам бесплатно раздавали в школе. По большинству своём, это были продукты гуманитарной помощи стран союзниц СССР в войне. В основном это были продукты из США, многие из которых были нам доселе неведомы, например такие, как яичный порошок, плавленный сыр, сырки и суфле. Больше всего я любил очень вкусный оранжевый плавленный сыр, на который я всегда делал ставки играя в «Кидалки», и при каждой возможности обменивал его у ребят на другие продукты. Вместо хлеба нам давали булочки. Получали мы из-за рубежа и различные каши, которые готовили прямо в школе. За неимением тарелок нам раздавали кусочки бумаги с которыми мы, отстояв очередь в столовой, подходили к дежурному по классу раздатчику, и он накладывал нам на неё густую и липкую как клей кашу. Так как, с ложками положение было не лучше, ели мы кашу слизывая её с бумаги. Надо было видеть гримасы и ужимки учеников, поедающих кашу таким образом. Каждый старался делать это смешнее других. Кульминацией процесса было бросание вылизанных, но ещё липких бумажек-тарелок в физиономии друг друга. Происходила настоящая охота на зазевавшихся и прикрывающих свои лица ребят. Не щадили и девчонок. Всё это происходило без всяких обид, под смех и громкие крики детей. Наигравшись, все дружно бежали во двор мыться под краном.

Нам детям, здесь в школе было хорошо и беззаботно, проблемы начинались после, когда большинство ребят возвращалось домой и оказывались в атмосфере быта военного времени со всеми его атрибутами: светомаскировка на окнах, блуждающие в ночном небе лучи прожекторов (дважды немецкие самолёты осуществляли разведывательные полёты над Баку), очереди за всем, пустые полки магазинов, продуктовые талоны, безотцовщина, нищета, голод, алкоголизм и воровство. Благодаря моим родителям мы жили относительно благополучно. Отец наш кормилец работал в районе и обеспечивая нас продуктами. Мама время от времени ездила к нему и возвращалась с продуктами. Но были случаи когда ей по той или другой причине не удавалось навестить отца и тогда мы испытывали некоторые трудности с продовольствием. Обязанность по добыче хлеба в нашей семье сохранилась за мной, зато наличие газоснабжение в нашей новой квартире избавило меня от походов за керосином.

Я познакомился с ребятами со двора, и часто играл с ними в различные игры, в том числе в футбол. И за отсутствия мячей, мы гоняли тряпичные мячи или просто шапку ушанку сшитую в круглый комок. Я научился недурно играть, особенно хорошо у меня получался дриблинг, которым я легко мог обвести

одного-двух соперников. Часто играл с Геной Бархударовым, который как оказалось жил в нашем новом дворе, на противоположной нашему дому стороне.

Соседями по нашей лестничной площадке, были две семьи проживающие в уплотнении в такой же, как и наша 2-комнатной квартире. Большую комнату занимала семья Сурхая и Ханум Мамедовых, а в маленькой, смежной нашей спальне, жили Беник и Марго Мусаэлян. Дядя Сурхай был на фронте, и в квартире проживала тётя Ханум с четырьмя сыновьями: Адиль, Кямил, Агамед и Самед. Старшему Адылю было лет 26, он был горбун, но я помню его очень быстро бегающим по лестнице перешагивая через 2–3 ступени. Он где-то попался на краже, получил большой срок и сгинул в лагерях. Жили они в ужасной нищете. Было очевидным, что отсутствие кормильца сильно ударило по благополучию этой семьи. Я помню тётю Ханум сидящую скрестив под себя ноги на полу абсолютно пустой комнаты. Вся обстановка квартиры была продана, чтобы прокормить бедствующую семью. Рядом с ней на какой-то тряпке лежал её болезненный младший сын Саид. В семье работал только Кямил, самый ответственный и добропорядочный из сыновей тётки Ханум. Среди братьев самым ярким и запоминающим безусловно был вечно весёлый, добрый и неунывающий оптимист Агамед. Пожалуй из всех сыновей Агамед, как никто другой относился к матери с почтением и любовью. Он не учился, мог неделями отсутствовать. Связавшись с плохой компанией, Агамед в последствии стал вором в законе. Живя в окружении армян, Агамед,³⁹ как и все его братья, хорошо владел армянским. Наша семья как могла, помогала им. Помню как мама 2–3 раза в неделю носила им по пол буханки хлеба. Приходилось это делать и мне.

Мусаеляны жили не плохо. Беник работал в системе Гражданской обороны, поэтому имел освобождающую его от призыва в армию бронь и даже телефон в квартире. Он также получал дополнительный продовольственный паёк. Марго тоже где-то работала. Мать подружилась с ней и они часто коротали вечера вместе.⁴⁰

Тем временем, война подходила к своему логическому завершению - Советская Армия, освободив наши земли, перешла границу СССР и уже громила врага на эго территории. Наступило долгожданное 9 Мая 1945 года, заветный для всей нашей страны день победы. Весенний день был наполнен ожиданием победы. Уже было известно, что Берлин был взят, и что над Рейхстагом развивается красное

---

³⁹ Я хорошо помню всю эту семью и особенно Агамеда, который часто возился со мной и катал меня на моей педальной лошадке.

⁴⁰ Беник болел диабетом, и я помню как моя бабушка и Марго, в тайне от него ловили в нашей квартире тараканов и по чьей-то рекомендации делали из него отвар. Позже моя мама через свою сестру Элю помогла Марго записаться на квартирный кооператив и переехать в новую квартиру, что была построена напротив центрального входа в Арменикендский базар. К слову, в этом доме одновременно получила квартиру мамина сестра Эля.

знамя. Все жители Баку высыпали на улицы послушать анонсированное официальное сообщения об окончании войны. И вдруг наконец со всех сторон раздалось радостное - «Победа! ...Победа! ... Победа!» Вокруг все обнимаются, целуются и плачут от радости. Наконец то это свершилось - война закончилась. Люди радовались скорому возвращению своих отцов, дедов сыновей и дочерей. К сожалению, многим это было не суждено увидеть. Не вернулся наш дядя Манвел. Бабушка и мама ждали его всю войну, и всю оставшуюся жизнь.⁴¹ Ждала его всю войну и три года и его жена тётя Аник, и не дождавшись вышла замуж. Вернулся с войны наш сосед дядя Сурхай.

Мне уже 13 и я, закончив 4-й класс начальной школы, перешёл в 5-й класс школы №47, что на 9-й Нагорной улице. Школа располагалась во вновь построенном 4-этажном здании с рядом расположенными спортивной площадкой и футбольным полем. Так как строительство школы не было полностью завершено, первые три месяца ученикам пришлось посещать другую школу на 13-й Нагорной улице. Это была старая, бывшая армянская школа, которую в своё время посещали оба моих родителя, мои тётя Люся и Аракся и дяди Манвел и Верди. При этом все они, за исключением отца, учились в одном классе. Удивительно, что мама и дядя Манвел, из-за отсутствия общественного транспорта, добирались до этой школы пешком аж за 3 км из Завокзального района. Впервые у нас был не один учитель, а сразу несколько, каждый из которых преподавал определённую дисциплину. Запомнились некоторые из них, это учитель русского языка и литературы Василий Григорьевич Саппо, учительница немецкого Седа Хачиковна и преподаватель математики Сирануш Моисеевна. Было и ещё одно новшество, в стране к тому времени ввели отдельную систему образования, так что в классе были одни мальчики. Не все ребята моего класса перешли со мной в эту школу. В новом классе было много незнакомых мне лиц, среди которых было немало ребят из, так называемых, трудных семей, отличающихся своим особым поведением. С одним из этих ребят, отпетым хулиганом Николаем, с под стать ему фамилией Лобов, приключилась довольно комическая история, которую пожалуй стоит упомянуть. Николай, или как его все называли Колян, был второгодником и поэтому старше нас всех в классе, и мы его побаивались. Отец Коли погиб на фронте, и он жил где-то недалеко от школы с матерью, которая как говорилось, любила заглядывать на дно бутылки. Редко кто из ребят имел примерное поведение в школе, все мы были большими проказниками, однако, знали меру и в своих шалостях не заходили далеко ... все, кроме Коляна. Последнему море было по колено, на уроках он ёрничал, вёл себя вызывающе и игнорировал замечания учителей. Их многочисленные жалобы директору школы и требования его исключения не имели продолжения.

---

⁴¹ Манвел пропал без вести.

Кто посмеет исключить из школы сына погибшего на войне фронтовика, если за ним горой стоит Военкомат? Учитель русского языка и литературы Василий Гаврилович слыл строгим и требовательным педагогом, и наш класс на его уроках вёл себя примерно. В один день Колян, как всегда, был в своём амплуа, вёл себя развязно, паясничал и задавал учителю провокационные и даже оскорбительные вопросы, например - «Василий Гаврилович, а у вас нос как у Гитлера. Вы случайно не немец?» Не выдержав такого хамства, Василий Гаврилович в ярости схватил его за шиворот, и протащив через весь класс вышвырнул его из класса на веранду и захлопнул дверь. Немного успокоившись он продолжил свой урок.

Вскоре прозвенел звонок на перемену и все покинули класс. Вернувшись с неё, мы увидели Коляна, преспокойно сидевшего за своей партой в последнем ряду. Вскоре, как всегда шипя носом в класс вошёл Василий Гаврилович проводить второй урок, и ничего не подозревая продолжил тему первого урока. Нам естественно стало смешно от этой ситуации, и мы стали шушукаться и хихикать. Василий Гаврилович поворачивается к классу и раздражённо спрашивает-«Что вы жрёте как лошади? Что смешного?» И тут он замечает, спокойно сидевшего за своей партой Коляна. Не произнося ни слова учитель почти бегом подходит к нему, хватает его опять за шкирку и выводит из класса. На этот раз Василий Гаврилович закрывает за собой дверь на крючок. Однако на этом противостояние двух не закончилось. Через некоторое время Лобов тихонько открывает створку окна и пробирается через неё в класс. Прикрыв рот руками, мы еле сдерживали гогот, и с тревогой ждали реакции учителя. Оглянувшись на дверь, которая всё ещё была заперта на крючок, Василий Гаврилович в недоумение посмотрел на нас и ... вновь увидев Коляна. Мгновенно покраснев от ярости, и велев нам сидеть на местах, он вскочил на первую парту и с криком-«Я тебя задую гад!», бросился к Лобову, перепрыгивая с парты на парту. Лобов, не ожидавший такой прыти, в страхе попытался скользнуть под парту, но был тут же схвачен нависшим над ним как коршун Василием Гавриловичем. С криком-«Убью гад!», учитель стал яростно вытаскивать сопротивляющегося Коляна из-под парты. Однако, сила победила и Василий Гаврилович уже тащил Коляна к двери подгоняя его пинками под зад. Мы, боясь, шелохнуться продолжали сидеть за партами. Добравшись до двери, учитель головою Коляна перекинул закрытый крючок, и добившись своего вышвырнул своего обидчика за дверь, отвесив ему напоследок пинка.

Экстраординарность поведения Василий Гаврилович за время моей учёбы проявлялась неоднократно. В другом случае на одном из занятий он объявил, что сейчас будет проводить опрос. А сам посматривая на класс старался по нашей реакции выявить не подготовившихся к уроку учеников, что в принципе было несложно сделать наблюдая за теми кто в спешке начинали хвататься за учебники, стараясь успеть хоть что-то прочитать. А Василий Гаврилович, перекидывая свой взгляд поочередно с одного ряда парт на другой, продолжал ехидно повторять -

«Сейчас буду вызывать к доске. ... Сейчас буду вызывать к доске.» Наконец, поднявшись из-за стола, он глядя в класс не называя фамилии произнес - «А ну-ка Юрий, давай иди к доске.» Довольный своей иезуитской каверзой, он хитро улыбаясь и потирая от удовольствия руки, поглядывал на четырёх Юр учившихся в нашем классе. Ну естественно все четверо Юр бросаются ещё яростнее перелистывать свои тетради и учебник русского языка Бархударова.⁴² В это время, остальные ученики получили временную передышку. Выбрав «жертву» и подойдя к одному из Юр, он произносил - «Ну что суслик, дрожишь? А ну ка к доске.»

Идя из учительской по длинному коридору с классным журналом в руках на занятия в класс, Василий Гаврилович метров за 15–20 до него начинал пальцами левой руки чесать свой «гитлеровский» нос у самого его кончика и издавать тихое шипение, усиливая его по мере приближения к классу. Таким образом он предупреждал нас о своём скором появлении. Как только до наших ушей доходило его шипение, мы страшно боявшиеся его и его урока Грамматики, бросив всё чем занимались, энергично работая локтями мчались в класс. Наш педагог заходил в класс медленно и осторожно, обнюхивая перед собой воздух пытаясь услышать не испортил ли его кто-то. Что, надо признаться, часто имело место, так как в отсутствие девочек мы особенно не обременяли себя стеснением. Если Василий Гаврилович учуял не ладное, он старался определить из какого ряда парт шло зловоние. Заподозрив ряд, он приказывал его ученикам выйти к доске и встать в шеренгу повернувшись лицом к доске. Затем, он наклонившись, проходил вдоль шеренги, и как ищейка обнюхивал наши зады. Найдя виновного, он приказывал всем вернуться на свои места, а сам тем же макаром, как и в случае с Коляном, хватал провинившегося за шиворот и вышвыривал его из класса. В случае если виновник не был выявлен, церемония повторялась для другого ряда.

Надо признать, что при всей своей строгости и эксцентричности, Василий Гаврилович был уважаем и любим нами за его знание предмета, незлопамятность, доброту и чувство юмора. Помимо того, он был нашим бесменным классным руководителем, и проводил с нами большую часть дня. Глядя на него нетрудно было догадаться, что наш учитель жил в нужде. Он всегда был очень скромно одет и явно недоедал. Больно было смотреть на него во время раздачи нам школьного завтрака. И мы, его ученики, считали своим долгом в меру наших возможностей поддержать его. Дежурные по классу раздающие завтрак, отдавали ему порции отсутствующих ребят, а они были всегда, и тем самым подкармливали его.

Школа, которую мы временно посещали по старости и ветхости подлежала сносу. Однажды в один из дождливых осенних дней, придя в неё мы обнаружили

---

⁴² Бархударов Степан Григорьевич (1894-1983), российский языковед, автор автором самого популярного учебника «Русский язык» (1929). Армянин, родом из Баку.

наш класс залитый водой - полы в лужах, мокрые парты, всё ещё продолжающий течь потолок. Посоветовавшись, педагоги отпустили три класса, в том числе наш, домой. Была пятница, по субботам мы не учились, так что к нашей всеобщей радости у нас было три свободных от школы дня. В понедельник я как дежурный по классу пришёл в школу пораньше. Вскоре появился Костя, мой напарник по дежурству. День был пасмурный, моросил мелкий дождь и дул Бакинский Норд. Страшно не хотелось учиться, к тому же у нас в тот день должен был быть диктант по русскому. Мы нехотя пошли к кладовке где хранился уборочный инвентарь, мел и тряпки для школьной доски, и захватив с собой всё необходимое вернулись в класс. По пути в коридоре я случайно обратил внимание на два пустых ведра накрытых мокрой половой тряпкой. Вдруг меня осенила кощунственная идея, которую я тут же поделился с Костей. Она ему очень понравилась, и мы дружно принялись её осуществлять, благо у нас ещё было немного времени до начала класса. Набрав по полведра воды, я мчусь в наш класс и начинаю раз за разом обливать парты и стены водой и создаю лужи на полу. Натворив таким образом достаточно «бед», я затем усиливаю их эффект швырянием мокрой тряпки в потолок, образуя на нём следы дождевых потёков. В это же время Костя, для правдоподобия задуманного нами плана, проделывал то же самое в соседнем классе. Покончив таким образом с нашим «преступлением века», мы как ни в чём небывало встали в коридоре в ожидании остальных учеников, и переглядываясь только сейчас начали осознавать, чем это может для нас закончиться. Вскоре стали прибывать первые ученики. Увидев лужи никто не стал заходить в класс, все собрались на веранде и подпрыгивая на месте и стуча от холода зубами, криками и руганью начали выражать своё недовольствие состоянием школы. Главный мотив и тайная надежда всех была заключена в одной фразе - «Разве в такой школе учиться?» При появлении учителей недовольство учеников многократно усилилось. Возмущённые увиденным, учителя тоже стали негодовать - «Что это за школа такая? Разве можно здесь учить детей. Безобразно, надо заявить в РОНО.⁴³» Недолго посоветовавшись, они объявили нам свой вердикт-«Дети идите домой, и если погода будет оставаться дождливой, то в школу можете не приходить. Повторяйте пройденные уроки и постарайтесь заглянуть вперед на 1–2 параграфа.» Уговаривать нас долго не пришлось, и через минуту мы все быстро разбежались по домам и вернулись в школу только через 3 дня.

К празднику 7 ноября мы наконец-то перебрались в новую школу №47, где нашему классу была назначена классная комната на 3-м этаже, с выходящими на спортивную площадку и футбольное поле окнами. В новой школе к нам присоединилось ещё 4 новых ученика. В то же время мы недосчитались двух ребят, одним из которых был Коля Лобов, дальнейшая судьба которого мне

---

⁴³ Районное отделение народного образования.

неизвестна. Учились мы во второй смене, а в первой учились девочки школы №36, то есть в одном здании одновременно располагалось две школы, притом каждая имела свой штат педагогов. Директором нашей школы был Николай Озеров. Так как школа находилась в самом центре Арменикенда, основу учеников составляли армяне, русских и евреев было не много, а азербайджанцев единицы.

С 5-го по 8-й класс я учился неважно, так как большое количество времени проводил с друзьями в дворовых играх и развлечениях. Мою успеваемость портили тройки по предметам которые я не любил- Химия, Биология и Грамматика русского языка. Любил же я Геометрию, Физику, Историю и Географию, по которым у меня были четверки и пятёрки. По поведению у меня были иногда четверки.

За успехи нашей школы в межшкольных соревнованиях, она слыла в городе как спортивная. Особенно мы были сильны в футболе, где на различных районных и городских соревнованиях занимали первые места. За чёрную футбольную форму нашу команду прозвали «Чёрные Буйволы». На какой бы площадке она не играла, на играх всегда присутствовало много болельщиков. Как помню, наши играли на стадионах заводов имени Андреева в Чёрном городе, Лейтенанта Шмидта в Завокзальном районе, Стадионе ККФ в посёлке Баилово, на полях парка Роте Фане и школы №6. В самых первых играх я неизменно выходил в составе команды на поле, но позже когда появились ребята играющие лучше меня, я уже часто сидел на скамейке запасных, а потом уже на всё оставшуюся жизнь, поменял её на скамью болельщика на трибуне. В команде всегда играли отличные игроки, их было так много, что их перечисление займёт пару страниц. Отмечу лишь отличного защитника Жорика Аракелова, ставшего впоследствии моим родственником. Жора родной дядя нашей Марины.

Глава 19 Большой футбол старшие классы

Футбол был моею любовью с детства, и при малейшей возможности я гонял мяч. Часто с мальчишками играл в футбол двор на двор, улица на улицу и школа на школу. Но всё это было несравнимо с теми ощущениями, которые я испытывал наблюдая за игрой настоящих мастеров мяча. При этом я мог наблюдать за незнакомыми мне командами и получать такое же наслаждение, как и от игры любимой команды. Я стал ещё более азартным, болельщиком, когда наша республиканская команда «Нефтяник» попала во всесоюзную группу А.⁴⁴ В этой группе играли гранды советского футбола: московские команды ЦДКА,⁴⁵ Спартак,

⁴⁴ Позже переименованной в Высшую Лигу

⁴⁵ Центральный Дом Красной Армии, ныне ЦСКА- Центральный Спортивный Клуб Армии

Динамо, Торпедо, ВВС, Динамо Киев, Динамо Минск, Динамо Ереван,⁴⁶ Пахтакор из Ташкента и другие. В этих командах играли выдающиеся советские футболисты такие как: Акимов, Яшин, Маслаченко, Бобров, Нетто, Симонян и многие, многие другие. В Нефтянике тех времён блистали Шагалов, Наумцев, Голодец, Мамедов. Если раньше мы знали об этих звёздах только из газет и радиотрансляций футбольных матчей, то теперь у бакинских болельщиков футбола появилась возможность лицезреть их в живую. Тогда телевидения ещё не было, но я не пропускал ни одну домашнюю игру Нефтяника, ну а теперь когда он вышел на новый уровень, пропускать игры для меня было бы просто преступлением. Так как Центральный Республиканский стадион тогда ещё только строился, то первые игры Группы А проходили или на городском стадионе Динамо (который уже не существует) у Приморского бульвара, вмещающем всего 5 тысяч зрителей, или на стадионе в посёлке Разина на 15 тысяч человек, что было мизером для такого большого города как Баку. Билетов на эти матчи было невозможно достать, их распространяли по предприятиям и продавали только хорошим работникам в виде поощрения всего за 1 рубль.

Во время матчей проводимых на Динамо, милиция за два квартала вокруг стадиона перекрывала все улицы, и пропускала людей только по предъявлению билета на игру. Вместе с тем из любой, даже самой трудной ситуации, всегда можно найти выход. Однажды, в неигровой день я прошёлся вокруг стадиона Динамо, и заметил, что с одной стороны стадиона, со стороны моря стоял ряд припортовых складских зданий, отделённых от стадиона узкой дорогой. Двускатные крыши складов были намного выше верхних рядов сидений стадиона. Одним словом, если на них забраться, то можно преспокойно наблюдать за матчем. Своей идеей я поделился с моим соседом, тоже большим любителем футбола, латышом по национальности, Алексом Ваверу, и позвал его пойти со мной. В ближайший футбольный день, за 2.5–3 часа до начала матча, то есть до того когда милиция перекроет все подступы к стадиону, мы с Алексом незаметно взобрались по пожарной лестнице на крышу складов. Чтобы не быть увиденными, мы легли на противоположный стадиону скат крыши. Там не поднимая головы мы с ним пролежали до начала матча, а потом перешли на противоположный скат и без проблем посмотрели весь матч. Одна проблема о которой мы узнали позже все же была, в жаркие дни кровельное железо крыши за день сильно нагревалась на солнце, и нам приходилось часто менять позы. Ну, а если это было совсем не в терпёж, то мы забирались на *брандмауэр*.⁴⁷ Первый матч который мы посмотрели, был матч с ереванским Динамо. Надо сказать, что игры между тремя Закавказскими республиками были принципиальными даже, не побоюсь быть

⁴⁶ Позже переименованное в Арарат

⁴⁷ Архитектурный термин обозначающий противопожарную, в данном случае, каменную стену (нем)

пафосным, общенационального значения. И если ереванское Динамо могло успешно противостоять и даже выигрывать у традиционно более сильной грузинской команды, то Нефти трудно было, что-то противопоставить обоим Динамо. Забегая намного вперёд скажу, что много позже, когда за Нефтчи стал играть мой кумир Эдуард Маркаров, который в паре с Юрием Кузнецовым прямо творил чудес, я болел за Нефтчи, а когда Маркаров, после его избияния двумя милиционерами-азербайджанцами, покинул Нефтчи и перешёл в Арарат, то я уже болел за Арарат. Будет уместно отметить, что самое высшее достижение за всю футбольную историю чемпионата СССР у Нефтяника было третье место, именно тогда когда за него играл Маркаров. В 1973 году благодаря Маркарову и под руководством Симоняна, Арарат сделал дубль, став одновременно чемпионом и обладателем Кубка СССР. Из центральных команд я всегда болел и болею до сих пор за московский Спартак.⁴⁸ И это не только потому, что в нём традиционно играло много армян, начиная с легендарного Никиты Симоняна.

С играми которые проходили в посёлке Разина, ситуация была на много серьезней. Стадион охраняла милиция, установившая вокруг него кордон из пешей и конной милиции. Основная их задача была не допустить проникновения на стадион безбилетных болельщиков, пытающихся перелезть через стены стадиона. А мы, безбилетники, в начале первого сезона именно так и делали. В 20-метрах от стадиона, в окружении нескольких больших деревьев, стояла трансформаторная подстанция. Мы, как отъявленные заговорщики, разбившись предварительно на группы из трех человек, прятались за ними. Уловив момент когда два совершающих дозор конных милиционера пересекутся друг с другом и вновь разойдутся, то есть будут спиной к нам, мы мчались к стадиону. Достигнув стены, двое из нас «сплетали из рук ступень», а третий взобравшись на неё вытягивал руки вверх, и звал счастливых обладателей билетов на помощь. Те безотказно, часто демонстративно на глазах у конной милиции спешащей к месту «преступления», вытягивала нас вверх прямо под у них носом. Двое, что создавали «ступень», быстро ретировались в укрытие. Однако это не всегда срабатывало успешно, я был свидетелем того когда одна тройка промедлила, и всадники успели схватить перебежчика за штаны. Но его это не остановило, и его вытянули наверх без штанов в одних трусах. Оказавшись на верху, «счастливчик» ещё долго ёрничал строя рожи полицейским. Три мои первые попытки совершённые в разное время пробраться на стадион таким образом закончились неудачей. Только на четвертый раз мне удалось это сделать. Приноровившись, я ещё пару раз таким образом оказывался на трибунах. Но всё имеет начало и

---

⁴⁸ Будет наверное к месту сказать, что я с моим отцом и дядей Серёжей Петросяном присутствовали на домашнем матче Спартака в 1972 году, во время семейного отпуска в Москве. В один момент, рядом сидящий русский болельщик вдруг внезапно повернулся к нам и спросил – «Хайес?»/ «Армяне?»

конец, и через какое-то время вокруг стадиона был выставлен дополнительный кордон из солдат. Как оказалось, среди них тоже были болельщики футбола, которых также не пропускали на стадион. Помню как во время матча ЦДКА и Нефтяник, взвод солдат спрятав в своих рядах лестницу-стремянку и пройдя строем тройной кордон, уловив момент подошла к стене стадиона. Приложив стремянку к стене, вся рота, на виду у ахнувших милиционеров, спокойно, по одному перебралась через стену, не забыв поднять за собой лестницу. От неожиданности милиционеры сделали вид, что этого не видели. Вот тебе и пример солдатской смекалки.

На игру Динамо Москва – Нефтяник мы с Алексом купили билеты с рук. Продав нам их солидно одетый, представительный мужчина, сказавший нам, что вынужден их продать из-за заболевшей жены. Он запросил кассовую стоимость. Счастливые, мы с поднятой головой и улыбкой на лице, гордо зашагали ко входу на стадион через узкий коридор из милиционеров окруженного толпой безбилетников. Глядя на них наши улыбающиеся физиономии так и говорили им – «Смотрите мы не как вы, у нас билеты имеются. Мы очень важные персоны. Вот так-то.» Предъявив билеты мы прошли через два первых кордона, и подошли к последнему. Взяв из моих рук билеты, майор-грузин стал внимательно их рассматривать, посмотрел на меня и спокойно сказал – «Билеты фальшивые.» Затем он тут же схватил меня за руку и взмахнув другой рукой, подозвал к себе конного милиционера. Никакие мои просьбы и доводы не действовали на майора, он даже не пытался выслушать меня. Подъехал милиционер, и майор велел ему доставить меня в отделение. Оглянувшись вокруг я не увидел Алекса, он наверное воспользовался моментом и сбежал. Конник, не сходя с лошади, схватил меня за руку и потащил ко входу в стадион. Там, подхватив меня за другую руку, к нему присоединился второй. Милиционеры оторвали меня от земли, и вот в таком висячем положении они протащили меня метров двести до отделения милиции. Один из них спешил, и под руку препроводил меня внутрь. По пути я пытался опять объяснить ему как ко мне попали билеты, он вроде поверил, и я по наивности на минуту подумал, что он меня отпустит. Но, увы я глубоко ошибался. Конвоир сдал меня дежурному милиционеру и удалился. Дежурный записал моё имя и адрес, и указав на открытую дверь в рядом расположенную комнату, велел мне зайти в неё. Это была крошечная КПЗ без окон, в которой уже находился один задержанный. Это был неразговорчивый, чуть постарше меня, парень по фамилии Адыгезалов. Матч должен был скоро начаться, и мы с моим «сокамерником» стали жалостно упрашивать дежурного отпустить нас. –«Ребята, я вас хорошо понимаю. Сам болельщик. Но отпускать вас не буду, мне ещё служить. А если будете продолжать докучать меня, я закрою вам дверь.», сказал как отрезал милиционер. Пришлось подчиниться. Через некоторое время раздался оглушительный рёв толпы болельщиков. Матч начался. Тут охранник

кинулся к выходящему на стадион окну. Мы с Адыгезаловым поспешили присоединиться к нему, и все трое прильнув к окну стали жадно наблюдать за игрой. Ситуация была довольно смешная, напоминающая рассказ О'Генри «Родственные души». Я возьму на себя смелость перефразировать одну из его фраз, применительно к этой ситуации - «Условности и приличия мощной волной всколыхнулись в сознании болельщиков.» Первый тайм подходил к концу, когда в приёмную отделения вошёл майор, лицо которого показалось мне знакомым. Мы с Адыгезаловым «на цыпочках» проскользнули в КПЗ. Как я не напрягал свою память, стараясь вспомнить где я мог видеть этого майора, ничего на ум не приходило.

-«Кочаров! Выходи.», раздался окрик дежурного. Я вышел в приёмную, и нос к носу столкнулся с майором:

-« Ты что парень не узнаёшь меня?»

-« Я сразу понял, что видел вас где-то, но к сожалению не могу вспомнить где.»

-« А я ведь тебя с детства знаю. Ты же сын доктора Ашота Кочарова.

Не ошибаюсь?»

Тут я сразу вспомнил его, он служил в Мартуни в органах НКВД.⁴⁹

-«Давай рассказывай как ты здесь оказался.»

Я как на духу выложил майору мою историю.

-« Ладно, зайди в камеру, пока я разберусь, что к чему. Я думаю ты ещё успеешь досмотреть матч.», ободрил меня майор.

Через несколько минут меня опять вызвали, и я с поджидающим меня майором пошёл на стадион, где уже проходил второй тайм. Потому как тут почти все здоровались с моим избавителем, я понял, что он пользовался здесь авторитетом. Войдя внутрь стадиона, мы с майором попрощались. Поблагодарив его я поднялся на трибуну. К моему сожалению я тогда постеснялся спросить имя майора и очень сожалею об этом, он же здорово выручил меня тогда.

Наконец строительство нового республиканского стадиона вместимостью около 30 тысяч человек было завершено, и 16 сентября 1951 года состоялось его торжественное открытие. Первоначально стадиону было присвоено имя Сталина, однако после XX съезда КПСС, разоблачившего его культ личности, его переименовали в стадион имени Ленина. Если на первые матчи ещё можно было попасть, то затем это стало не так-то просто сделать. Даже наличие билетов на руках не гарантировало того, что тебе удастся найти сидячее место. Дело в том, что администрация стадиона продавала больше билетов чем количество мест. Многим приходилось тесниться и сидеть на бетонных ступенях в промежутках между секциями трибун. Народ боялся вставать и даже на минутку покидать свои места. Забегая вперед скажу, что в первые годы стадион посещала довольно

⁴⁹ Народный Комиссариат Внутренних Дел

приличная публика. Люди приходили семьями, с друзьями и подругами. Позже ситуация стала меняться, появилось много, мягко выражаясь, сброда и шантрапы. Я неоднократно был свидетелем ситуации, когда девушку, спускающуюся по ступеням между тесно сидящими болельщиками, куча мужчин поднимала на руки и вертя и крутя её над головами, передавала из рук в руки ниже сидячим мужчинам. При этом возбуждённые увиденными прелестями, подонки улюлюкали и свистели и продолжали это делать до тех пор пока девушка не «спустилась» на первый ряд и была выброшена на газон. Настоящие болельщики стали всё реже и реже ходить на футбол, а с появлением телевидения, вообще перестали это делать. Я ещё держался несколько лет, даже тогда когда походы на стадион становились небезопасными. Однажды оказавшись в гуще толпы покидающих стадион болельщиков, я заметил что я просто двигаюсь с толпой по «течению», не обладая возможностью контролировать свои действия. В один момент, поняв что мне сейчас отдавят ноги, я поджал их под себя и почувствовав, как толпа несёт меня по воздуху. Я вытянулся чуть-чуть вверх, и стал видеть поверх голов происходящее впереди. Это помогло мне избежать столкновений с металлическими турникетами на выходе из стадиона. Вскоре я последовал примеру многих, и с уходом в 1970 году из Нефтчи моего кумира Эдуарда Маркарова, предпочёл смотреть футбол по телевизору.

Глава 20 Ещё о спорте

8 класс

Помимо футбола в нашей школе хорошо был развит бокс. У нас училось четыре кандидата в мастера спорта, самым известным из которых был Карпов Валерий. Непродолжительный период и я занимался боксом в обществе Динамо у знаменитого тренера Крючкового. Три раза в неделю я аккуратно ездил на тренировку в общество, что располагалось недалеко от Приморского бульвара. Я часто с друзьями ходил болеть за наших школьных боксёров принимающих участие в городских турнирах. Особенно мы следили за успехами звезды нашего бокса Карпова, который почти все свои бои выигрывал нокаутом. Во время одного из таких турниров, а это был открытый чемпионат города, проходивший в спортзале общества Буревестник, Котову предстояло встретиться с малоизвестным боксёром-перворазрядником из общества Труд, неким Фирсовым. По правилам любительского бокса бой состоял из трёх раундов. В первом раунде Карпов имел явное преимущество, и послал противника в нокаун. Во втором же раунде соперники обменялись ролями и уже Карпов дважды оказался в нокауне и еле дотянул до гонга. На первых же секундах третьего раунда он получил сильнейший запрещённый правилами удар ниже пояса и рухнул на помост. Карпов долго не приходил в сознание, и вызванная кем-то скорая помощь отвезла его в больницу,

где врачи с трудом спасли ему жизнь. Бой естественно был прерван, Фирсова дисквалифицировали, а победу присудили Карпову. Этот случай произвёл на меня такое сильное удручающее впечатление, что я решил бросить бокс, хотя до сих пор люблю этот вид спорта.

В копилку спортивных успехов школы №47 и я внёс свою скромную лепту. Как-то во время занятия по физкультуре, где мы совершали забеги на 400 и 800 метров я, не прикладывая особых усилий, победил в каждом из них. Это заметил наш учитель физкультуры, к сожалению не помню его имени, и взял меня на заметку. В Баку ежегодно проводился массовый кросс на приз имени Джафар Аббасовича Багирова, тогдашнего руководителя республики и первого секретаря Центрального Комитета Компартии Азербайджана. Мероприятие проводилось помпезно, празднично и с большим количеством людей стоящим по обе стороны проспекта им Сталина (ныне проспект Нефтяников) у Приморского бульвара. На это важное общегородское соревнование были делегированы лучшие бегуны из всех предприятий, организаций и учебных заведений всех пяти районов города. Команда каждого района состояли из 150–200 человек, в команду нашего Дзержинского района был включён и я. Отборочные соревнования начались с предварительных забегов. В первом забеге где отбирались 50 лучших участников, я занял 3-место. Во втором забеге я пришёл пятым и вышел в финальный забег, показав лучший результат среди 20 лучших бегунов нашего района. В общегородском финальном забеге в котором участвовало 130–150 спортсменов всех районов я пришёл восьмым. За это достижение я был награждён почётной грамотой городского Спорткомитета, и поощрён спортивной майкой, трусами и тапочками. Я ещё дважды принимал участие в городских кроссах. На следующий год я улучшил свой результат, придя 6-м, а на третий год я был уже только 19-м.

Во время тренировок нашей школьной футбольной команды, когда мы играли разделившись на две группы, к нам напрашивался играть наш новый учитель математики Сергей Вартанович, заменивший ушедшую Сирануш Моисеевну. Кстати, о последней мы сложили стих:

«Гром гремит, земля трясётся
 Сиранушка в класс несётся
 На высоких каблуках
 С Геометрией в руках»

Сергей Вартанович был большим любителем футбола. Будучи фронтовиком, он получил ранение в ногу и заметно хромотал. Однако несмотря на это он был довольно активен на поле. Хорошо помню его постоянные призывы к нам ему пас, а мы из баловства нарочно не передавали ему мяч. Тогда раздавалось его - «Дай пас, а то двойку поставлю.», и если после этого предупреждения он так и не получал мяч, то не передавшему ему мяч двойка была обеспечена. На первом же уроке он вызывал проштрафившегося к доске и задавал ему трудные вопросы или

задачи, и довольный собой ставил ему двойку, и с хитрой улыбкой на лице говорил- «Садись двойка. Ну что футболист, будешь пас давать?» Сергей Вартанович был порядочным и справедливым педагогом, и конечно эта двойка никак не отражалась на окончательной отметке ученика. Сергей Вартанович говорил с сильным армянским акцентом, что не мешало ему чётко хорошо поставленным голосом преподавать нам свой предмет. Часто забываясь, что он находится в русской школе, Сергей Вартанович переходил на армянский. Когда однажды он что-то спросил у класса, а ученики хором попытались отвечать со своих мест он, обращаясь к одному из них произнёс трудно понимаемую фразу - «Слушай, что ты кричишь? У тебя поломанная рука есть? Подними да.»

Вспоминая то беззаботное время, я ещё раз не могу не признаться себе в том каким я всё-таки был беспшабашным мальчишкой. Сколько раз я наступал на одни и те же грабли, вляпываясь в различные истории. Дошло до того, что мать однажды, после её очередного вызова в школу, заявила что ей за меня стыдно и что больше она туда не пойдёт. Вляпавшись в очередной раз (это было в 8 классе), я решил ей ничего не говорить и стал размышлять как самому выкрутиться из создавшегося положения. День не хожу в школу, второй, третий, и наконец ничего не придумав лучшего, пошёл в школу извиняться. Однако меня там выставили за дверь и велели до конца недели вернуться с родителями, иначе будет поставлен вопрос о моём исключении из школы. При этом мне было сказано, что так как моя мать не может справиться со мной, то было бы желательно, чтобы пришёл отец и встретился с моим классным руководителем. На том момент им был педагог по Физике Пурпуров, заменивший ушедшего Василия Гавриловича. Это был сухой и мрачный человек, к которому мы, ученики, испытывали обоюдную неприязнь. При этом, у меня по Физике была четверка, да и по моему поведению у него претензий не должно было быть. В этот раз я влип основательно. В тот день во время одной из перемен, когда как обычно большинство из нас осталось в классе и занималось своими делами, открылась дверь и какой-то рыжий мальчик бросил в класс дохлую мышь и тут же убежал. Я его лично не видел, так как находился в противоположном конце класса. Несколько ребят, что первым заметили его, бросились ему вдогонку, а его и след простыл. Через несколько дней, опять на перемене наши ребята случайно заметили этого мальчишку спокойно разгуливавшего по коридору. Двое из ребят бросились за ним, и вскоре приволокли его в класс. Класс загудел в ожидании принятия решения о примерном наказании паршивца. Сошлись на том, что надо снять с него штаны, и отпустить на все четыре стороны. Пацана быстро уложили на учительский стол и стали спускать ему штаны. Я принимал в этой экзекуции активное участие. Так как мальчишка яростно сопротивлялся, пришлось его силой удерживать на столе. Ребров и я держали его за ноги а другие ребята держали руки. Спустив «приговорённому» штаны ниже колен, один из ребят плюнул ему в промежность,

и остальные, в том числе и я, последовали его примеру. Прозвучал звонок на урок и тут кто-то крикнул- «Полундра! Химичка топаёт.» Все быстро разбежались по своим партам, а мы с Ребровым, стоявшие спиной к двери, не успели. В дверях уже стояла наша химичка Раиса Соломоновна. Всегда спокойная и добродушная, она казалось была в шоке от увиденного. Велев потерпевшему не покидать класс, она быстро удалилась. Воспользовавшись предоставившейся паузой, мы «обработали» рыжего, убедив его «забыть» лица и имена остальных ребят. Скоро Раиса Соломоновна вернулась в сопровождении директора школы и нашего классного руководителя. Началась разборка. Химичка указав на нас с Ребровым, сказала что помимо нас в расправе принимали участие ещё несколько ребят, которых она не успела разглядеть. Спросили потерпевшего, который оказался учеником 7 класса, но тот показал, что никого из нападавших не запомнил, так как всё произошло очень быстро. Мы с моим соучастником естественно не выдали товарищей приняв огонь на себя. Ребров был сыном генерала и свой вопрос со школой решил быстро. От генерала в школу пришёл какой-то майор, и Ребров уже на следующий день стал ходить в школу. О своей неприятности я рассказал Сергею Петросяну, сыну дяди Гайка, с которым мы дружили с детства, несмотря на то, что он был на 5 лет меня старше. Выслушав мою историю, он посоветовал признаться во всём матери, считая, что она всё поймет и пойдёт в школу. Он даже предложил, самому с ней поговорить. В этот момент у меня в голове мелькнула спасительная мысль. А почему бы вместо отца в школу не пойти Сергею?

Возмущённый Сергей парировал:

- «Ара, что ты говоришь, за кого ты меня принимаешь? Думаешь, что говоришь, кто мне поверит, я сам ещё учусь в техникуме.»
- «Ну и что? Пойдёшь скажешь, что мой отец работает в районе, а мать лежит больная и попросила тебя, своего брата, сходить в школу вместо неё. Одним словом сыграешь роль моего дяди.», выдвинул я новый аргумент.

К моему удивлению Сергей согласился. Весёлый балагур, он любил шутки и розыгрыши, наверное поэтому и согласился из-за желания не упустить такую возможность. В Четверг той же недели мы с ним поднялись на второй этаж школы и вошли в кабинет Физики к Пурпурову. Поздоровавшись, я представил Сергея как своего дядю. Осмотрев Сергея с ног до головы, Пурпуров повернулся ко мне и спросил:

- «А что помоложе дяди не нашлось? И почему твои родители не пришли?»

Тут Сергей не вытерпев намёка в свой адрес вступил в свою роль:

- «Раз я пришёл, значить меня уполномочили. Его отец в районе, а мать, моя сестра, лежит больная и попросила меня прийти вместо неё.»

Пурпуров смягчился и миролюбиво произнес:

- «Ну и ладно, дядя так дядя. Тогда послушайте как ведёт себя ваш племянник в школе.»

И тут на меня посыпались самые не лестные выражения. Пурпуров высказался не только о последнем моём проступке, но и припомнил мне моё поведение на его уроках. Тут «огорчённый» Сергей поворачивается в мою сторону и на полном серьёзе говорит - «Что я слышу? Как ты себя ведёшь на уроках, как тебе не стыдно? А ну-ка встань ровно, когда я с тобой разговариваю. Мне стыдно за тебя. Ничего, придёшь домой я с тобой поговорю.»

Я стоял еле сдерживая свой смех. Сергей сопровождал свою речь эмоционально жестикулируя руками. В какой-то момент он случайно задел какой-то стеклянный лабораторный сосуд стоявший на полке и тот упал и разбился вдребезги. Видели бы вы в тот момент скривившееся от злости лицо Пурпунова. Сдерживая гнев он произнёс-«В понедельник в школу. А теперь марш отсюда со своим дядей.» Сдерживая улыбки мы извинились, и вышли из кабинета. Но каков был Сергей! Настоящий артист. В последствии мы не раз вспоминали с ним этот эпизод из нашей жизни.

О всегда хмуром и необщительным Пурпунове ходил слух, который оказался правдой и объяснял его постоянное мрачное состояние. Он проживал недалеко от Арменикендского базара, через четыре дома по той же стороне улицы. Во дворе его дома был небольшой садик, в котором он выращивал розы. Говорили, что по ночам кто-то стал воровать их у него и он провел электрический ток по металлической ограде садика. Уходя утром на работу он отключал ток, но одним дождливым утром он забыл это сделать. Дождь скоро прошёл, и его шестилетняя дочь, как обычно, пошла играть в садик, и случайно замкнув цепь погибла. Не потому ли он так снисходительно и добродушно относился к девочкам из №36 школы, в которой он тоже преподавал, и был строг к мальчикам из школы №47?

Глава 21 Пикси-Микси, или Наш Новый Математик. Моя последняя драка.

В начале 9-го класса нашего математика Сергея Варгановича неожиданно заменили другим, неким Ервандом Аркадиевичем, который на первом же уроке сообщил нам, что наш класс из-за плохого поведения хотят распустить, а учеников распределить по разным школам. Помимо того он заявил, что был специально направлен в нашу школу усилить дисциплину в нашем классе, и что он заменит Пурпунова в роли нашего классного руководителя. Такое заявление нас насторожило и одновременно удивило. Дело в том что Ерванд Аркадьевич совсем не был похож на человека способного справиться с таким классом как наш. Внешне он был удивительно похож на комедийного персонажа Пикси из фильма «Пикси Микси», плохо владел русским и говорил с сильным армянским акцентом. Вскоре наше предположение о его несостоятельности держать наш класс в ежовых рукавицах подтвердилось. Уроки у него проходили под гул разговоров, баловства

и хихиканье учеников. У Ерванда Аркадьевича была привычка в начале урока проверять выполнили ли мы наше домашнее задание. Для этого он ходил между рядами парт и разглядывал наши, открытые для его проверки, тетради. Как правило, он переворачивал их на обложку дабы убедиться, что мы не подсунули ему чужую тетрадь. Однажды на тыльной стороне открывающейся крышки моей парты я вырезал перочинным ножом его карикатурный профиль. Получилось очень здорово и узнаваемо. Как-то в очередной раз проходя мимо меня, он заметил свой портрет (я тогда забыл перевернуть крышку парты) и спросил:

- «Кочаров, ты что художеством занимаешься, ковыряешь парту. Кто это?»

Пришлось сказать ему, что это Пикси из фильма, но я был больше чем уверен, что он понял кто это, был на самом деле. Вскоре моя догадка подтвердилась. На следующий день, Ерванд Аркадьевич, как обычно проходя, мимо наших парт проверял домашнее задание. Дойдя до меня, а я сидел за третьей партой у окна, он неожиданно развернулся и ушёл не проверив ни мою тетрадь, ни тетради сидевших позади меня ребят. После урока, посоветовавшись, мы с ребятами пришли к выводу, что педагог дойдя до моей парты, и опять увидев своё изображение, в смущение удалился. Этим приёмом мы в последующем пользовались не раз.

Как-то я засмотрелся на ребят за окном, гоняющих мяч на футбольном поле. Ерванд Аркадьевич заметил это, и обратившись ко мне произнёс:

- «Кочаров, ты зачем вставал с малчишками связь дэржал?»

Его плохой русский с сильным армянским акцентом всегда вызывал у ребят хохот. Интересно, что Ерванд Аркадьевич раньше преподавал в женской школе №202, что в Завокзальном районе, в которой сейчас работал Сергей Вартанович. Видимо произошла их ротация. Оба математика преподавали там и моей будущей супруге Ире.

Тогда была мода переписываться с девочками из первой смены оставляя им записки на парте. Писали карандашом не зная получателя. Записки были в основном информационного характера. Например, сообщалось, что можно не бояться, так как такого-то педагога сегодня не будет, или у нас было сочинение на такую-то тему. Иногда шутили и флиртовали с девчонками, и с нетерпением ожидая их ответов. Признаюсь что в начальных классах я был очень робок в отношениях с девочками и даже избегал с ними встреч. Другие же ребята уже дружили с ними. Как-то солнечным зимним днём, я тогда уже был в седьмом классе, я шёл в школу. Вокруг бело, уже третий день крупными хлопьями валил снег. От его блеска колело в глазах так, что их трудно было открыть. Я пересёк 8-ю Нагорную улицу, школа была за углом. Повернув за угол, я лицом к лицу столкнулся с двумя девчонками ученицами школы №36, идущих домой после окончания уроков первой смены. Поравнявшись со мной, они неожиданно набросились на меня и повалив в снег, под громкий свой смех стали закидывать

меня снежками. Придя в себя, я свалил обоих на снег, и хорошенько «намылил» им личика. Вдоволь наигравшись, мы весело расстались. После этого случая моя робость перед девочками куда-то исчезла. Тех двух проказниц звали Надя Варганова и Лена Аругюнова. Тогда мы ещё практически не были знакомы, и даже не здоровались при встрече. Только в старших классах мы подружились, и часто встречались на танцах и танцевали. Обе, кстати, прекрасно танцевали. Однажды они подготовили «Восточный» танец и показали его на праздничном вечере в школе. Помимо школы они выступали со своими танцами и на избирательных участках. Ленка через два года переехала с родителями в другой город. Надя закончила десятилетку, и как я поступила в Политехнический Институт. Учились мы в одной группе и окончили ВУЗ в 1957 году. В 1961 году Надя вышла замуж и уехала с мужем в город Нальчик, где скончалась при родах в 1962 году.

До 7-го класса я был одним из высоких в классе, однако позже многие ребята меня переросли. Я перестал расти в 10-м классе, остановившись на 1.75 метра, тогда как некоторые достигли 1.8 метра. С одним из них я подрался в 9-м классе, по какому-то уже не припомнить, поводу. На последней перемене я сцепился с высоким рыжим азербайджанцем Аликом Дадашевым. На азербайджанца он кстати был совсем не похож, и даже не владел родным языком. Драка произошла в окружении толпы мальчишек жаждущих острых ощущений. Я дубасил Алика в ближнем бою, а он долговязый махал руками в воздухе. Зазвенел звонок на урок, толпа начала расходиться. Я расслабился, желая тоже вернуться в класс и занять своё место прежде чем нас не застучала та самая учительница из-за которой меня чуть не исключили из школы. Неожиданно, воспользовавшись ситуацией, Алик нанес мне несколько ударов по лицу и убежал. Озлобленный низким поступком своего противника я с нетерпением ждал окончания урока, чтобы разобраться с ним. Однако «храбрый боец» за несколько минут до окончания класса отпросился и покинул школу, чем привёл меня в бешенство. Ребята свидетели драки тоже были возмущены не мужским поступком Дадашева. Придя домой я никак не мог прийти в себя от возмущения такой подлостью и трусостью и решил выйти во двор проветриться. Я представлял себе как я с ним поквитаюсь завтра. А потом я подумал, а почему завтра, а не сегодня, и не заходя домой отправился к моему обидчику домой. Я знал, что он жил в 220 квартале, но не знал подъезда и номера его квартиры. Пробежав по всем подъездам, я наконец по фамилии нашёл нужную мне квартиру и постучался. Дверь открыла русская бабушка Алика, и по моей просьбе позвала его мне. Я встал чуть правее двери, чтобы он меня сразу не увидел, и как только он появился в дверном проёме, нанес ему два хороших удара между глаз. Охнув, Дадашев вбежал в квартиру, и быстро захлопнул за собой дверь. Я же ему вдогонку крикнул-«Это тебя за твои подлые удары.»

Два дня Алик не появлялся в школе, и только после выходных в понедельник, я увидел его входящим в класс с едва заметным «фонарём» под глазом. Видно не додал я ему тогда.

Это была моя последняя драка в жизни. Я всегда старался их избегать, и мне это удалось.

Учился я чуть выше среднего, предпочтение отдавал предметам входящим в аттестат зрелости. Часто списывал домашние задания у других, не утруждая себя вникать в их содержание. Помню как однажды на одну из контрольных по сочинению на заданную тему, я в очередной раз пришёл неподготовленным, и ещё и без шпаргалки. Пытаясь выйти из положения, я достал учебник по литературе, открыл его на нужной странице, и уложив книгу на сиденье парты. Читая текст в проёме моих ног, я начал переписывать критику на заданное произведение, периодически приподнимаясь перелистать страницы. Тогда нашим педагогом был некий Логинов, сменивший Василия Гавриловича у которого списать на уроке было практически невозможно. Логинов же, когда-то знаменитый в городе педагог, был уже в почтенном возрасте, с трудом передвигался и редко вставал со своего места. Это внушало мне надежду быть незамеченным при списывании. Однако я недооценил физические возможности почтенного старца, который вдруг заявил - «Я знаю, что многие из вас сейчас пользуются шпаргалками, а Кочаров даже верхом сел на книгу, что не делает ему чести. А, впрочем, какая разниц.» - произнес старик и махнул рукой.

Глава 22 Вновь в Мартуни. Шило в мешке не утаишь. 1946

Как я уже упоминал, уезжая из Мартуни в 1943 году, мы все были уверены, что мы туда больше не вернёмся туда. Однако судьба распорядилась иначе. В 1946 году отец был отозван из Кельбенда, и по именной заявке руководства Мартунинского района, вновь был откомандирован в Нагорный Карабах, где по прибытию был назначен на свою прежнюю должность Заведующего Отдела Здравоохранения Мартунинского Района. Тем же летом, после трёхлетнего перерыва мы всей семьёй вновь оказались в Мартуни, и как прежде жили на два города – летом в Мартуни, а в остальное время в Баку. Наша прежняя квартира была занята, и отец к нашему приезду подготовил нам новое жильё. В полу-пустующем здании роддома, который явно был построен на «вырост», отец велел перегородить общий коридор в дальнем конце здания, создав таким образом изолированную 2-комнатную квартиру с кухней и с самостоятельным входом с противоположного главному входу торца здания. В Мартуни за прошедшие три года практически ничего не изменилось, будто бы мы вовсе оттуда не уезжали. Бабушка Мянстан и дедушка Меликсет по-прежнему жили с тетей Аник и маленькой Эльмирой в том

же домике, неподалёку от больницы в который их когда-то поселил отец. Тётя Эльмира работала главным врачом больницы; там же находился и кабинет отца. Здание роддома в котором мы проживали, находилось на окраине Мартуни. Это было довольно далеко от центра села, где располагалась больница, поэтому мы много времени проводили в доме бабушки и дедушки. Там же и столовались. Отец и тётя Аник, работающие в нескольких метрах от этого дома, часто забегали туда на обеденный перерыв. Это жилище было нашим центром общения, отчасти благодаря Ирочке и Эльмире, которых после 3-летнего перерыва было абсолютно невозможно разлучить. Через несколько дней после нашего приезда тётя Аник не на долго уехала в Тбилиси навестить свою родню. Вернулась она не одна. С ней приехала худенькая девочка в косынке поверх наголо постриженной голове. Девочка заметно прихрамывала от какой-то перенесённой в детстве болезни. Тётя Аник представила нам её как свою племянницу Нелли. На вид Нелли выглядела лет на 9, то есть старше Эльмиры на несколько лет. Как позже выяснилось, девочка на самом деле была дочерью тёти Аник от первого брака. Это было большой, годами тщательно скрываемой от дедушки, бабушки и мамы тайной. Тётя Аник обоснованно боялась их реакции на эту новость, осознавая что им было бы трудно понять как их молодой и красивый сын и брат мог жениться на женщине с ребёнком отвергнутой мужем. А может она даже родила ребенка вне брака? По тем временам, такой брак не приветствовался в армянских семьях. Однако шила в мешке не утаишь. Вскоре каким-то образом мои родители узнали об этой тайне. Я узнал об этом из невольно подслушанного мною их разговора. Думаю бабушка догадывалась об этом тоже. Исключение составлял далёкий от всех разговоров и сплетен дед Меликсет. Между тем при том при всём, что происхождение Нелли уже не было секретом, никаких разговоров в нашей семье об этом не велось. Я думаю если бабушка и знала что-то, то она посчитала нужным промолчать. Шёл 1946 год, война закончилась, но никаких известий о судьбе дяди Манвела не было. В семье ещё жила надежда, что он ещё вернётся, ведь похорошки на него не было. С тех пор как он ушёл на фронт, бабушка взяла тётю Аник и Нелли под свою опеку, и ревностно оберегала их от всех невзгод.

К бабушкиному домику со стороны амбулатории примыкала кладовая в которой хранился инвентарь Отдела Здравоохранения. Однажды я заметил как в эту кладовую занесли три велосипеда, и тот же ринулся к отцу и спросил его о них. Как оказалось, это были списанные, но в пригодном состоянии велосипеды присланные сюда из области. Отец собирался распределить их среди сельских медпунктов у которых отсутствовали лошади, как транспорт для посещения больных в отдалённых сёлах. Не питая особых надежд, ссылаясь на скуку я поинтересовался у отца, если я мог немного покататься на одном из них. К моему удивлению, он сразу согласился.

– «Выбери тот, что по лучше, и катайся пока я не решу кому его передать.»

На этом велосипеде я объехал Мартуни вдоль и поперёк. И даже успел совершить дорожное происшествие, едва не стоившее мне жизни. Я был любителем быстрой езды и вытворял на велосипеде различные трюки. Например, разогнавшись резко затормозить прямо перед стоявшими знакомыми мне мальчиками и девочками, наводя на них страх. В тот злополучный день я ехал с небольшой скоростью по хорошо знакомой мне улице. Впереди меня ожидал крутой спуск длиной в 150 метров, пересекающий шоссейную дорогу Агдам-Карягино, проходящую через центр Мартуни. Раннее я неоднократно и без проблем проделывал этот путь. В этот же раз выйдя на спуск я нажал на тормоза, чтобы сбавить скорость, но велосипед не тормозил. Я посмотрел на раму под собой, и увидел болтающуюся, соскочившую с ведущей звезды, цепь велосипеда. Велосипед ускорился. Мои попытки тормозить переднее колесо ногой не увенчались успехом. Я продолжал, уже с бешеной, скоростью нестись вниз на шоссе. Всё, подумал я, столкновение с какой-то машиной было неизбежно. Куча мыслей пронеслось в моей голове в поиске выхода из этой опасной ситуации. И вдруг я заметил на левой стороне дороги, метрах в 20 от неё деревянный столб электропередач. Мгновенно приняв решение, я сворачиваю с дороги и несусь по ухабинам пустыря к столбу. Приблизившись к нему, я на ходу спрыгиваю с велосипеда и буквально беру столб в свои объятия, обхватив его руками. Велосипед, освободившись от ноши, весело подпрыгивая понёсся дальше, на полной скорости пересёк шоссе и свалился в канаву за обочиной. А ведь всё могло кончиться довольно печально.

Недалеко от бабушкиного дома был участок земли на котором дед разбил огород и выращивал на нём всевозможные овощи. Я часто ходил с ним туда поливать огород. Воду по канаве подавали из далека, два раза в неделю и на определённое время. Так как там было много других участков, нередко из-за воды между их хозяевами возникали споры. Всем хотелось успеть оросить свой участок. С огромным ростом и внушительного вида дедом никто не хотел связываться, и терпеливо ждали когда он закончит поливать свой огород. Я очень любил есть прямо тс грядки салат из свежих помидоров, огурцов, перца и лука выложенный на большой капустный лист. Было изумительно вкусно.

Глава 23 О моих бабушке и дедушке по материнской стороне.

Прежде чем приступить к следующей главе, я бы хотел рассказать об очень дорогих мне людях. Дело в том, что сконцентрировавшись на Кочаровых, мой отец в своих воспоминаниях был не очень многословен о моих родственниках с маминой стороны. Я постараюсь восполнить этот пробел.

Мой дед Меликсет Петросян родился в 1877 году в селе Доланлар Гадрудского района НКАО. Там же, в 1891 году родилась и его супруга, моя бабушка Мьястан.

В Доланлар родились и их дети: в 1910 году сын Манвел и в 1913 дочь, моя мама Астхик,⁵⁰ которую позже все стали называть Ася. К сожалению мне ничего о периоде проживания этой ветви моей семьи в Доланлар. Знаю, что они, как и многие Карабахские армяне, спасаясь от резни 1920 года оказались в Баку. Значительная часть моего детства проходила не только в двух Арменикендских квартирах моих родителей, но и в квартире родителей моей мамы, в Завокзальном районе Баку в доме №10 по улице Чапаева. По этой улице курсировали трамваи №8 и чуть позже №14.

Дед Меликсет, которого я всегда называл *Мец-папа*,⁵¹ был немногословным, спокойным и очень серьёзным человеком. Я не могу припомнить его когда-либо смеющимся или говорящим на повышенных тонах. Физически он был довольно крепок и высок (1.90м), лысоват, его правильные черты лица украшал греческий нос и лёгкий загар. Работал дед каменщиком высокой квалификации в строительной организации. Делом его рук была высокая кирпичная труба большого диаметра для котельной обслуживающей Клиническую больницу имени Кирова в Завокзальной.

Дед очень меня любил и проводил со мной много времени. Помню как по воскресеньям он часто усаживал меня на свои плечи, и мы с ним отправлялись на прогулку. Иногда мы заходили в магазины, в основном это были кондитерские или овощные лавки. Там он, не опуская меня с плеч, спрашивал чего бы я хотел из фруктов или сладостей, хотя прекрасно знал мой ответ. С детства и по сей день я люблю карамельные конфеты «Гусиная шейка». Возвращаясь в будние дни с работы, дед редко приходил домой с пустыми руками. Летом он баловал меня арбузами, дынями или уложенными в платочный узелок лучшими фруктами, гранат и виноград. Зимой это были всевозможные сушёные фрукты, пастила и орехи.

В отличие от деда, бабушка Мятан была очень общительной, энергичной и мудрой женщиной. Многие её родственницы и соседи часто обращались к ней за советом и прислушивались к ним. Бабушка отличалась своей добротой, вежливостью и щедростью. Будучи заботливой матерью, она очень любила своих детей и те отвечали ей взаимностью. Большая часть моего детства была связана с ней. Она была самым дорогим для меня человеком, практически став мне второй матерью, если даже не больше. Многому в моей жизни я обязан именно ей. Рожденная в деревне она была неграмотной, но желая идти в ногу со временем, довольно быстро освоила азы русского языка, и в свои 50 лет пошла учиться грамоте в школу Ликбез,⁵² организованную Наркоматом образования. Она

---

⁵⁰ Звездочка (арм)

⁵¹ Дедушка (арм)

⁵² Ликвидации безграмотности. Государственная программа обучения грамоте и письму.

научилось довольно сносно читать и писать. Взаимоотношения между бабушкой и бабушкой были сложными. Сказывалась большая разница в возрасте и характере. Обладая сильным характером, бабушка взяла «бразды управления» в свои руки. К сожалению пользуясь не скандальным характером деда, она иногда позволяла себе перечесть и грубо разговаривать с ним. Дед же очень редко вступал с ней в перепалку. В то же время надо признать, что дед всегда был сыт, ухожен, и в их квартире всегда была идеальная чистота и порядок⁵³. Жили они в квартире на первом этаже трехэтажного дома с большим парадным входом, выходящим на улицу Чапаева. Внутренняя планировка дома была выполнена в стиле общежития коридорного типа, с квартирами расположенными по обе стороны широкого коридора. Все квартиры в доме имели одну хорошего размера комнату, но обладали большим недостатком, в них не было удобств. Некоторые жильцы перегородивали часть комнаты, и таким образом устраивали себе кухню. В конце всегда темных коридоров располагались общие туалеты и прачечные помещения.

По улице Чапаева курсировали трамваи №8 и чуть позже №14. По ней же ежедневно в сторону русско-армянского кладбища проходило по несколько траурных похоронных процессий. В раннем детстве я любил наблюдать за происходящим на улице, удобно устроившись на подоконнике окна квартиры. Я с любопытством наблюдал за похоронными процессиями, считал венки и автомобили провожающих. Особенно я любил наблюдать за музыкантами идущими впереди процессии. Барабанщик бил в огромный барабан который он нес перед собой на ремнях, рядом надув щеки шла пара музыкантов духовых инструментов. В случае армянских похорон состав музыкантов состоял из кларнета, дудука и нагара.⁵⁴ Часто среди музыкантов я узнавал дядю Енока. Тогда он только начинал свою музыкальную карьеру, и подрабатывал таким образом. Проходя мимо наших окон, он всегда глазами искал меня в них, и заметив меня махающим ему руками, обязательно слегка кивал мне в ответ. В этом доме в 1940 году я во второй и последний раз в жизни увидел моего дядю Манвела. Он тогда приехал на три дня из Армении, где служил военврачом, повидать родителей. К сожалению наше общение было непродолжительным, дядю постоянного приглашали к себе кто-то из родственников или друзей. Частым его гостем был проживающий неподалёку его самый близкий друг Смбат. Дядя Манвел запомнился мне высоким и хорошо сложенным мужчиной, с очень густыми кудрявыми волосами. Он был всегда одет в неизменную военную форму, обтянутую на поясе широким кожаным ремнём с кобурой для пистолета и портупей. Помню что оно часто курил на улице у подъезда дома. Как и когда он

⁵³ Моя бабушка Ася многое переняла от своей мамы и стала великолепной хозяйкой.

⁵⁴ Дудук (арм) духовой язычковый инструмент, Нагара (аз) вид двухстороннего барабана

уехал, и почему моя мама не была в доме её родителей во время его приезда, я не помню. Дядя Манвел сделал мне хороший подарок подарив 4-х колёсный, похожий на дрезину колесный аппарат, который с большой натяжкой можно было назвать велосипедом. Не знаю где он приобрёл его, но такой конструкции велосипедов я больше не встречал. Каждый мой выезд на нём на улицу собирал толпы любопытных ребятишек и взрослых.

Когда началась война, Дядя Манвел одним из первых отправился добровольцем на фронт. Мы регулярно получали от него письма, из которых узнали, что он был повышен до звания майора медицинской службы и назначен начальником полевого госпиталя. В начале 1942 года письма от него перестали приходить. Через какое-то время мы получили извещение из штаба армии Воронежского фронта, из которого узнали, что дядя Манвел был осуждён на десять лет из-за несвоевременной эвакуации госпиталя. Ему, как альтернативу заключению, предложили службу в дисциплинарном батальоне, и он предпочёл её принять. Писем от него так и не было. Родители дяди Манвела послали запрос в Министерство Обороны, и получили ответ, что дядя Манвел пропал без вести. Это вселяло какую-то надежду в его родителей и в беззаветно любившего брата, мою маму. К сожалению Манвел так и не вернулся с войны. В доме у бабушки и дедушки, я впервые увидел тётю Аник, переехавшую к ним с шестимесячной Эльмирой после ухода мужа на фронт.

Недалёко от дедушки, на 3-й Завокзальной улице жили два его племянника Гайк и Самсон Петросяны, с которыми он по какой-то причине не общался. В отличие от деда, бабушка поддерживала с ними отношения, и даже часто посещала их, иногда прихватив меня с собой. Повзрослев и подружившись с сыном дяди Гайка Сергеем, я стал ходить к дяде Гайку домой самостоятельно. Иногда, несмотря на их маленькую однокомнатную квартиру, я оставался у них ночевать. Принимали меня там всегда как своего, и мы хорошо проводили время. Особенно было весело когда приходили многочисленные друзья Сергея.

Углубляясь дальше в лета, поделюсь тем что я знаю о моих с вами предках со стороны моей матери.

Моего прадеда, отца моего деда Меликсета, звали Арзуман. У него помимо моего деда был ещё младший сын Дауд.

Отца моей бабушки Мянстан звали Зораб, у него помимо бабушки был сын Тигран и дочь Фируза. Тигран был женат на Сатеник Минасовне.⁵⁵ Оба они уже умерли.

Тигран скончался в 1957 году в Пятигорске, где он навещал свою дочь Женю.

Сатеник умерла в Баку в 1978, куда переехала их семья. У Тиграна и Сатеник было шестеро детей, двое сыновей и четыре дочери:

Беник 1914 -1997, проживал в Баку и умер в Москве.

---

⁵⁵ Очевидно отец не знал её фамилии, только имя и отчество.

Люся 1917 -1994. Умерла в Ереване.

Женя 1920 – в настоящее время проживает в Пятигорске.

Акуля 1923 - ?, умерла в Москве

Забела 1927 - в настоящее время проживает в Ташкенте, Узбекистан

Эрик⁵⁶ 1937 - в настоящее время проживает в Москве

Женя с мужем Володей на данный момент живут в Пятигорске. Мы раньше часто навещали их, но последнее время в основном только перезваниваемся.

Сказывается наш возраст.

Ну а теперь пора возвращаться в Мартуни 1946 года.

Глава 24 Поездка в Гадрут. 1946

Как-то вечером сидя за чаепитием у бабушки во дворе, между ею, мамой и дедушкой зашёл разговор об их родовом селе Доланлар. Они вспоминали и рассказывали много интересного об их жизни в селе, о событиях тех времён, о родных и близких о которых они давно не слышали. Там жили младший брат дедушки и многочисленные родственники бабушки. Я с интересом слушал их разговор, и вдруг неожиданно для себя и их, предложил им довольно дерзкую идею-«Разрешите мне съездить туда навестить наших родственников. Это ведь не очень далеко. До Гадрута идут автобусы. Я видел рейсовый автобус Степанакерт - Баку с остановками в Мартуни и Карягино.⁵⁷⁵⁸ С большим трудом я всё-таки сумел уговорить их. Так как в Мартуни тогда автовокзала не было, все междугородные автобусы останавливались в центре села у кягриза. Пока мои родители не передумали, я на следующее утро, а это была среда, сходил к остановке и разузнал расписание нужного мне рейса. Автобус курсировал два дня в неделю по средам и пятницам, и прибывал на остановку в 10 утра. Дома мне сказали, что на пятничный автобус я уже не успею, так что поеду в следующую пятницу. И хотя я не совсем понимал почему я не могу поехать в следующую среду, ведь мне всего нужны 30 минут на сборы, уже от мысли, что дата моей поездки утверждена, меня окрылило. Казалось, что дни недели стали тянуться намного дольше обычного. Я уже давно приготовил нужные мне в поездке вещи, помимо одежды, это были карандаши, альбом для рисования и акварельные краски с кисточкой. Вскоре я понял причину задержки моего отъезда. Моим родителям нужно было время

⁵⁶ Я впервые услышал о нём от моей бабушке Аси в середине 70-х. Как я понял он долгое время проживал в Москве, где дослужился до большой, по моему строительной, должности в Московском метрополитене.

⁵⁷ Карягино в прошлом Варанда, переименованный в честь русского полковника Карягина освобождающего край от власти персидского шаха в 1805 году. Расположен в 32км от ж/д станции Горадиз. Физули. В 1959г переименован в Физули. Не путать с городом Физули, Физулинского района Азербайджана.

⁵⁸ Насколько я понимаю этот маршрут, автобус ехал из Баку через Мартуни до Степанакерта и далее через Карягино до Гадрута. Не понятно зачем этот маршрут назывался Баку-Степанакерт. Возможно автор делал в Степанакерте пересадку до Гадрута, которую он по каким-то причинам не упомянул.

приготовить подарки для родственников. Все эти дни они собирали в кучу ненужную одежду, отрезки тканей и прочее. Помимо этого они напекли много армянской кяты. Всё это поместилось в моём чемоданчике, который в купе с маленькой сумкой с едой в дорогу, составили весь мой багаж. На автобусную остановку провожала меня мама, которая всю дорогу напутствовала меня как найти в Гадруте дом Зари Баджи, и как там себя вести. Проехав полпути, автобус сделал короткую остановку в Карягино, и к полудню я уже был в Гадруте. Автобус остановился на уже знакомой мне площади, слева от которой стояло то самое знакомое мне с детства огромное дерево. Как и тогда, над ним кружилось и щебетало множество птиц. Обернувшись направо, я увидел там на возвышенности дома, первый из которых, как я помню, должен был быть домом Зари Баджи. Однако, почему-то на переднем его фасаде были видны только два окна, хотя я хорошо помнил, что там должна была быть и входная дверь. Прежде чем начать подъём к дому, я решил немного передохнуть в тени дерева, и привести себя в порядок. Есть мне не хотелось. Я так и не притронулся к еде в сумке. Ниже, но ни так низко как мне казалось в детстве, недалеко от дерева располагался родник. Спустившись к нему по каменным ступеням, я напился вкусной и такой же холодной, как и 14 лет назад родниковой воды. Умывшись и передохнув, я отправился к дому Зари Баджи. Дверь в дом оказалась с боку и была приоткрыта. Я постучался. Ко мне вышла взрослая девушка, дочь Зари Баджи подумал я. Это действительно была Седа, которую я не сразу узнал. Седа была лет на 8–9 старше меня и конечно меня не узнала. - «Я внук Мястан Баджи.»- представился я. Узнав кто я, она к моему большому удивлению радостно воскликнула-«Боже мой Юрик! Как ты вырос, я бы тебя никогда не узнала. Вот это сюрприз! Заходи. Сейчас мама придёт. Вот она обрадуется. Ты сразу не представляйся, пусть она сама угадает.» И действительно скоро пришла Зари Баджи, которая меня конечно не узнала. Я же узнал её мгновенно, она не сильно изменилось за последних 14 лет, тоже доброе лицо и тот же красно-синий *ахулук*⁵⁹. Узнав кто я, она долго и крепко меня обнимала и целовала, и расспрашивала о бабушке и всех наших.

Чуть позже пришёл и её сын Ваган, который жил отдельно со своей семьёй. Тот самый Ваган, который тогда пальнул из пистолета по дереву, страшно меня напугав. Ваган зарезал петуха, и женщины бойко засуетились на кухне. Вскоре мы уже сидели за хорошо накрытым столом, и вели долгие беседы. Одним словом, меня приняли на самом высоком уровне. Узнав о моём намерении посетить Доланлар, мои гостеприимные хозяева стали уговаривать меня погостить у них хотя бы неделю. Я их поблагодарил, и пообещал это сделать на моём обратном пути. Встал вопрос о том как мне добраться до села. Доланлар был наверное самой южной точкой НКАО, и располагался в окружении азербайджанских сёл.

---

⁵⁹ Традиционный костюм карабахской женщины

Кротчайший путь до него составлял около 20 км по сильно пересечённой горной местности. Обычно по нему передвигались верхом на лошадях или ослах, или запряженных буйволами арбах и фургонах. Дядя Ваган сказал, что вопрос моей доставки в деревню он берет на себя. Я же пока должен спокойно отдохнуть, познакомиться с Гадрутом – районным центром одноимённого района в который входил Доланлар. На утро, после завтрака я отправился знакомиться с городом. В отличие от Мартуни, Гадрут был очень озеленённым городком. Дома прямо утопали в тени высоких деревьев, маячили только их крашеные жестяные крыши. Райцентр, простирающийся с севера на юг с трех сторон был окружён лесистыми горами. В это время года в городе всегда было много отдыхающих, в основном это были жители Баку и Еревана. На одной из улиц я встретил знакомого мне мальчика из моей бакинской школы. К сожалению имени его я не запомнил. В школе мы с ним не общались, так как учились в параллельных классах, и знали друг друга только в лицо. Несмотря на это, мы были несказанно рады нашей случайной встрече. Он гостил здесь с мамой и младшим братом у родственников,⁶⁰ и пригласил меня к себе домой. Вскоре туда заявили его знакомые брат и сестра, тоже бакинцы. Стало веселее. Мы поиграли в волейбол и в карты. Мама мальчика угостила нас горячим тундирным хлебом и мацони. В тот день в местном клубе шла хорошая картина, и мы договорились встретиться у него вечером и пойти в кино. Пообщавшись с моими новыми знакомыми с которыми я провёл почти полдня, я вернулся к обеду домой к Зари Баджи. Ближе к вечеру пришёл дядя Ваган и сообщил, что дозвонился до Доланлар и узнал, что оттуда в Гадрут вчера вечером верхом на лошади выехал на 3-дневное совещание председатель колхоза. Нам посоветовали переговорить с ним, и воспользоваться его лошастью пока он будет находиться на совещание. Дядя Ваган также сообщил, что он уже переговорил с председателем и получил его согласие.

- «Так что Юрик давай готовься, завтра с утра отправишься в Доланлар верхом на лошади.»

-«Вот это да!»-восхищённо подумал я. Чего-чего, но о самостоятельной верховой поездке я даже и не мечтал, ожидая что меня отправят на какой-нибудь попутной арбе, или в лучшем случае на фургоне. Здорово! В тот момент я наверное впервые почувствовал себя взрослым, ведь мне стали доверять. Но тут Зари Баджи чуть не испортила мне настроение своими упрёками дяде Вагану - «Куда ты отправляешь мальчика одного на такое большое расстояние по неизвестному ему пути? Как Юрик никогда не сидевший в седле поедет один? Нечего торопиться, пусть пока у нас погуляет, а потом отправим его с попутным фургоном.» Однако дядя Ваган быстро её успокоил сообщив, что председательский конь очень спокойный и послушный, управлять и погонять его не надо, он сам прекрасно знает дорогу и

⁶⁰ Основную массу отдыхающих в Карабахе составляли бывшие его жители и их родственники.

доставит Юрика без проблем. Мне нужно будет только спокойно сидеть в седле, свободно держать вожжи, не потягивая их в стороны. Я слушал этот разговор с улыбкой, дело в том, что я был неплохим наездником, и даже хорошо держался на неосёдланной лошади. В Мартуни я не раз с друзьями верхом на неосёдланных конях водил их за окраину села на речку на водопой и купание.

Под вечер, как мы и договаривались с ребятами, мы встретились в центре села у того самого большого дерева, и отправились к стоявшему неподалёку от него клубу. На столбе у клуба висела афиша - «Сегодня и завтра в клубе будет показана картина «Они защищали родину.» в 10 частях. В ролях Марецкая, Смирнова, Алейников.» Я хорошо запомнил текст афиши, ведь все тогда ещё были под впечатлениями недавно окончившейся войны, и с большим интересом смотрели выходявшие один за другим о ней фильмы. В клубе был полный аншлаг. Было много отдыхающих и военных с семьями; в Гадруте располагалась воинская часть. Я обратил внимание на то, что публика здесь была более интеллигентной чем в Мартуни. Здесь, так же как и в Мартуни, ленту крутили на одном проекторе, и после просмотра каждой части включали свет и устраивали небольшой перерыв для смены бобин проектора. Вернулся я домой поздно, и под впечатлением картины ещё долго не мог заснуть. А ведь мне предстояло встать с петухами, и побыстрее отправиться в дальний путь, дабы не попасть в тёмное время суток.

Гадрут современный.

Глава 25 Путешествие на Родину Мамы.

Меня разбудили с наступлением утренней зари, когда пришёл дядя Ваган ведя под уздцы председательского коня. Наскоро позавтракав, я попрощался с Зари Баджи, и в сопровождении дяди Вагана покинул её гостеприимный дом. Ведя коня под уздцы, мы прошли пешком через ещё спящий город и вскоре оказались за его околицей. Попрощавшись со мной, дядя Ваган напомнил мне, чтобы я не пытался управлять конём и напоил его когда доберусь до кягриза, что на полпути к Доланлар. На этом мы расстались, и я тронулся в путь по узкой грунтовой дороге. Скоро совсем рассвело, и я сидя высоко на коне в удобном мягком седле на минуту ощутил себя птицей в полёте, но глухой топот копыт в абсолютной утренней тишине быстро опустил меня на землю. Только теперь при свете у меня появилась возможность хорошо разглядеть коня с которым мне предстояло провести следующие несколько часов. Это был стройный и высокий, я с трудом взобрался на него, конь темно-коричневой масти с белыми пятнами на передних ногах и клинообразной узкой белой полосой на лбу. Дорожка шедшая в начале через густой лес, вскоре вышла на ровное открытое пространство с пашней по обе её стороны. Переживая, что я могу не добраться до села до темноты, я вопреки напутствию дяди Вагана, чуть прищпорил коня и он на некоторое время перешёл на рысцу. За пашней виднелся тутовый сад, признак того, что где-то рядом есть село. Добравший до сада, я не удержавшись от соблазна остановил коня под одним из тутовых деревьев, и прямо с него начал прямо с веток поедать холодные, всё ещё покрытые росой, чрезвычайно сладкие и вкусные белые ягоды. Если бы не необходимость продолжить путь, я бы так и ел бы это лакомство. Ещё довольно долго мы пересекали этот сад, за которым нас встретило яркое солнце и всё ещё равнинная, покрытая кустарником местность. Вдали по всему горизонту были видны темные лесистые горы. Зная от родителей, что Доланлар расположен в горах, я предположил, что мне скоро предстоит их пересечь. К полудню, судя по положению солнца, после до сих пор гладко проходившего путешествия, я оказался перед дилеммой. Дело в том, что дорожка по которой я передвигался, сворачивала влево, а лошадь сошла с неё вправо на тропу идущую в сторону гор. Куда идти? Пройдя метров 50 по этой дорожке, я засомневался и развернул коня назад к развилке. Там я предоставил ему возможность ещё раз выбрать путь, и он вновь свернул на тропу. Казалось всё очевидно, надо продолжить путь по тропе, но нет я опять свернул влево и буквально заставил коня идти по первоначальной дороге. Сейчас, когда я пишу эти строки, я задаю себе вопрос, почему несмотря на многократные наставления дяди Вагана довериться коню, я всё-таки его не послушался? Думаю, что я поступил так из-за страха перед неизвестностью ожидающей меня впереди той узкой, окружённой высоким кустарником, тенистой тропы. У меня конечно были сомнения в своём выборе, но я тем не менее

подстегнул коня, чтобы наверстать потерянное время. Вскоре слева от дороги появилось сельское кладбище, за которым дорога вновь резко повернула влево, и я чётко увидел окраины какого-то села. Это насторожило меня. Никто не говорил, что на моём пути будет село. Я остановил коня и призадумался. Идти ли мне дальше, или всё-таки повернуть назад к развилке? Тут я увидел впереди слева от дороги пасущегося осла, а неподалёку от него мужчину косящего траву.

Я двинулся в его сторону. Это был старик-азербайджанец. Поздоровавшись с ним на его языке, я спросил доберусь ли я до Доланлар по этой дороге?

- «Можешь сынок, но зачем? - ответил старик - Это же длинный путь. Вернись к развилке и сверни на тропу. Это самый кратчайший путь.»

Поблагодарив его, я последовал его совету. Вступив на знакомый путь, конь сам прибавил шаг. Между тем становилось всё жарче и жарче. Я видимо подустал, так как закрепленный позади меня на седле чемоданчик начал доставлять мне неудобство. Раньше он мне не мешал. Было бы неплохо передохнуть и закусить. Я намеревался сделать это на кягризе, но он всё не появлялся. Как-то незаметно тропа стала опускаться вниз, по обе её стороны появились густые деревья и стало немного прохладнее. Дальше последовал крутой спуск к маленькой речушке за которой я разглядел кягриз. Перед родником была открытая площадка по всей видимости вытопанная скотом который пригоняли сюда на водопой. Вокруг ни души, мне даже стало немного не по себе. Спешившись, я подвёл коня к рядом стоявшему рядом с водой, а сам хорошенько напился и умылся чистой и вкуснейшей ледяной водой. Присев на небольшой камень под одиноко стоявшим поодаль грушевым деревом, я с большим аппетитом начал уплетать бутерброд из тандырного чурека с маслом и сыром.⁶¹ Ел я медленно, давая отдохнуть коню, который уже щипал поблизости травку.

Забегая в будущее, отмечу, что в описание этой поездки, не малую роль сыграла административная карта НКАО 1940 года. Та самая карта, что висела в войну на стене кабинета отца в Мартуни. Я её забрал с собой из Баку, и теперь она хранится у меня здесь в Ессентуках.⁶² Это наиболее подробная карта области с обозначением всех маломальских сёл, деревень посёлков, рек и дорог. На ней я даже нашёл родник у которого я сделал привал, и название села, в которое я забрёл по ошибке. Оно называлось Мюлькюдаре. Любопытно, что на карте очертание административной границы НКАО очень напоминало контуры Каспийского моря. Я был поражен скрупулёзной работой картографов, так детально очертивших границы области разделяющей её территорию от республиканской. Дело том, что на карте не было ни одного участка прямой линии границ, это была кривая линия с множеством зубцов, где республиканские

⁶¹Этот бутерброд является самым распространённым завтраком среди армян, по крайней мере карабахских.

⁶² К сожалению со смертью автора эта карта пропала.

земли вклинивались в областные и наоборот. Глядя сейчас на неё я понимал, что тогда для того, чтобы добраться до Доланлар мне ещё предстояло пересечь один из таких зубцов.

Но пора возвращаться в 1946 год.

Немного передохнув и подкрепившись, я продолжил свой путь. Тропа петляя через лес стала постепенно подниматься всё выше и выше. Передо мной на горизонте раскрывались горы, а за ними очертания других гор. Тропа уже петляла над краем ущелья. Вначале было страшновато, но видя как конь уверенно ступает по ней, тревога отступила. Я вспомнил слова дяди Вагана-«... сиди крепко в седле и ничего не бойся. Конь эту дорогу тысячу лет знает.» Однако, через час или два, когда на очередном крутом повороте конь неожиданно фыркнул и подался назад, я невольно вскрикнул. Буквально под ногами коня быстро промелькнула пересекающая тропу большая ядовитая змея гюрза. Я уже потерял ощущение времени, солнце по которому я ориентировался, постепенно опускалось. Над ущельем начал подниматься туман, который к счастью вскоре рассеялся рваными клочьями. Над золотистой каймой гор снова появились лучи солнца, от этого у меня на душе стало светлее и веселее. Я облегчённо вздохнул, когда тропа наконец то влилась в довольно широкую грунтовую дорогу, поднимающуюся откуда-то слева. Я уже не сомневался, что эта дорога приведёт меня в Доланлар. И действительно, на встречу мне из-за поворота появилась арба запряжённая волами. Поравнявшись со мной, один из сидящих в ней мужчин спросил меня не являюсь ли я внуком Мьястан Баджи. И услышав мой положительный ответ сообщил, что впереди за утёсом меня ожидает Рантик, сын Енока. Наверняка люди в арбе из далека узнали председательского коня, и поняли кто на нём сидит. Дело в том, что когда в деревне происходят какие-то маломальские события, то о них в течение нескольких минут будут в курсе все сельчане от мала до велико. Тут надо уточнить, что упомянутый Енок это тёзка моего дяди Енока, который приходится двоюродным братом моей маме и племянником моей бабушке, сыном её сестры Фирузы. За поворотом, перед моим взором наконец-то предстал расположенный на косогоре Доланлар. До него оставалось ещё километра полтора, но конь почуввав окончание нашего путешествия прибавил шаг. Впереди с небольшого утёса соскочил мальчишка, и активно жестикулируя руками побежал мне на встречу. Это и был Рантик, худенький и очень шустрый мальчуган лет 9–10. Ему так не терпелось познакомиться со мной, что он не выдержал и побежал мне навстречу за окраину села. Я помог ему забраться на коня, усадил его перед собой и мы двинулись в село. Меня поразило в Рантике нехарактерная для мальчишек его возраста раскованность. Он вёл себя так, как будто мы с ним были давно знакомы, а ведь мы видели друг друга впервые. На протяжении всего пути глаза его светились от радости, он бесперебойно не умолкая болтал и задавал кучу вопросов. Наконец мы вошли в село. Пока мы

пробирались по улице, все прохожие с нами здоровались, а многие спрашивали о моих бабушке и дедушке.

Современный Доланлар.

Глава 26 Доланлар. 7 класс?

У дома дяди Енока нас уже ждали он сам, и почти вся его семья, включая замужнюю дочь живущую неподалёку. Рантик тут же отвел коня в колхозную конюшню и быстро вернулся. За ужином я вытащил из моего чемоданчика большую часть кяты оставшейся после угощения Зари Баджи в Гадруте, сохранив остальное для угощения брата моего дедушки Дауда и его супруги Сатеник. Что касается вещественных подарков, то они все были завернуты в бумагу и вложены в мешочки из белой ткани с подписанными карандашом именами получателей. Что конкретно было в мешочках я понятия не имел.

На следующий день я с Рантиком посетил дом деда Дауда. Вообще, Рантик за все время моего пребывания в деревни ни на минуту меня не покидал и был моим постоянным попутчиком и гидом. Дом в котором родился мой дед Меликсет после того как рядом с ним были построены здания сельсовета, правление колхоза и сельмаг оказался как бы в центре села. Одноэтажный дом с годами обветшал, а ремонтировать его было некому. Дед Дауд с бабкой жили бедно, часто болели и перебивались как могли. Были ли у них дети я не знаю. Дед Дауд сидел на тахте полудёжа опираясь головой на две высокие подушки. Он редко вставал, по его слова его «ножки не слушают.» Всем в доме ведала бабушка Сатеник, хотя сама тоже тяжело болела астмой, часто задыхалась и кашляла. Меня поразило сходство деда Дауд с его братом Меликсетом. Разница была в том, что мой дед не носил бороду и был намного выше. Несмотря на свою болезнь, дедушка Дауд оставался оптимистом, охотно разговаривал и шутил, что отличало его от моего

необщительного и неразговорчивого деда. Я заметил, что он постоянно подтрунивал над бабкой, а та принимала его шашни с юмором, и только улыбаясь махала в его сторону раскрытой пятерней причитая – «*Ка э ка!* ,или *Ара, э.*⁶³» Перебранку престарелых супругов я наблюдал в каждое моё посещение их дома. Это было годами отрепетированное представление, в котором старики как истинные актёры, всегда находили возможность импровизировать. Им очень понравились привезённые мною подарки, которые бабка тут же раскрыла. Там оказалось, что-то им очень нужное, а что я уже не помню.

Во время моего пребывания в селе мне довелось встретить того мужчину из детства, который вёз меня на осле, с которого я упал в реку. Звали его Армик. Я его сразу признал по его увечьям. Несмотря на его физические недостатки, любой здоровый человек мог бы позавидовать его активности. На своих полусогнутых скрюченных ногах он успевал везде, юрко передвигаясь по селу. То его можно было видеть косящим траву, то он уже работает на колхозном току, пересеивая на ветру новый урожай пшеницы. Мы с Рантиком приходили к нему на поле, и в качестве балласта катались на деревянных санях (не помню их армянского названия) запряжённых двумя волами. Волоча за собой эти сани, вола ходил кругом по току размалывая сухие копна пшеницы, выложенные толстым слоем на земле. Армик был также активным членом художественной самодеятельности села. В ветхом колхозном клубе он был организатором постановок спектаклей, и в меру своих способностей участвовал в них в качестве режиссёра и суфлёра. Я побывал пару раз на некоторых из них и должен сказать, что они выглядели довольно серьёзно и одновременно забавно.

Мне очень нравилось ходить в сельмаг, просто так не покупая ничего. Этот мини универсам был для меня островком городской жизни. Здесь одновременно продавались продукты питания, промышленные, канцелярские, хозяйственные товары и керосин. Магазином заведовал отец Рантика дядя Енок, который был один из самых грамотных людей села. Он закончил бухгалтерские курсы в Баку, и неплохо говорил по-русски. Это был очень подвижный, невысокого роста усатый мужчина, очень быстро говорящий и обладающий хорошим чувством юмора. Рантик явно пошёл весь в него и по внешности, и по темпераменту и по характеру.

Хорошо запомнился и огромный тутовый сад. Дело в том, что в отличие от большинства садов в Нагорном Карабахе, в этом саду деревья плодились не белыми ягодами, называемые за их большой размер и сладость Шах-тут, а чёрными, имевшими лучшие вкусовые качества. Водка полученная из этого тута считалась наилучшего качества, и что удивительно, была на цвет светлее чем водка из Шах-тута. Садов черного тута я больше нигде в Карабахе не видел. Помимо

---

⁶³ В данном случае первое могло означать « Эх ты. Как тебе не стыдно, или Вот тебе.», или шуточная угроза «Эй ты!». Как например в предложении «Эй ты , смотри у меня.»

этого сада, в окрестности Доланлар было много садов Шах-тута с деревьями усыпанными крупными ягодами тающими во рту туты. Наелся я тутой вдоволь, хотя разве можно ею наестся. Особенно полезно есть эту ягоду натошак.

Мой приезд в Доланлар был непродолжительным, всего чуть более двух недель, и завершился на три дня раньше запланированного. Дело в том, что появилась хорошая okazия вернуться в Гадрут - один из бригадиров колхоза собирался съездить туда по своим делам на своей лошади, и заодно доставить коня опять находившемуся в Гадруте председателю. О поездке бригадира я накануне случайно узнал в сельском клуб из разговора двух односельчан. Чтобы не доставлять хлопот родственникам с моей отправкой, я и решил напроситься на поездку с бригадиром. Выезжать надо было уже завтрашним утром. Эта новость застала врасплох семью дяди Енока, и они очень сожалели о моём преждевременном отъезде - «Как это мы тебя отпустим с пустыми руками?», заволновались они. Но я был тверд, и настоял на своём решении. Особенно был огорчён Рантик, который за эти дни очень сильно привязался ко мне. Пустым меня конечно не отпустили, уже к вечеру мой чемоданчик был заполнен всякой всячиной: орехи и куркут, по бутылке дошаба и тутовки из чёрного туты, сухофрукты и прочие гостинцы.

Приехав в Гадрут, я уже на следующий день в пятницу сидел в автобусе до Мартуни. В противном случае мне пришлось бы ждать его до следующей среды. Мне было неловко задерживаться у Зари Баджи ещё на несколько дней, хотя она очень просила меня об этом. Это поездка оказалась настолько короткой, что я не успел воспользоваться взятыми с собой предметами для рисования.

По возвращению в Мартуны я поделился своим впечатлениями о Доланлар и встрече с близкими, чем вызвал у них, особенно у бабушки, ностальгические воспоминания о малой родине. Они поклялись себе, при первой возможности посетить её. Насколько я помню, такая возможность у них появилась только через 4 года, после смерти дедушки.

В конце августа все дачники стали покидать Мартуни. Скоро начинался учебный год и нам всем, включая бабушку с дедушкой, впервые возвращающихся в Баку на зиму, тоже нужно было покидать село. Чуть раньше тётя Аник отвезла Нелли в Тбилиси и вернулась.

По неизвестной мне причине, через какое-то время мама на время перевела меня из моей школы в школу №142 в Завокзальном районе, а сама с Ирочкой вернулась в Мартуни. Я естественно переехал к бабушке и дедушке. Новая школа находилась не далеко, всего на расстоянии одной трамвайной остановки от их дома, и я добирался туда пешком. Учился я в этой школе к счастью недолго, всего только 2-ю и 3-ю четверти. Учеба в новой школе была большим испытанием для меня - новые учителя, незнакомые одноклассники. Я чувствовал себя там некомфортно. У меня сразу начались проблемы по некоторым предметам, в

частности по химии и алгебре, где я нахватал много двоек. Однако, я вовремя взял себя в руки и вернулся в свою школу с неплохими оценками, успешно закончил 4-ю четверть и перешёл в 7-й класс.

Глава 27 Увлечение чтением и приобщение к искусству. Возвращение Баку к мирной жизни.

С раннего детства я пристрастился к чтению, читал запоем всё подряд, но особенно увлекался приключенческой литературой. В 13 лет я прочитал всего Жюль Верна, и множество исторических романов и книг из серии ЖЗЛ⁶⁴. Наверное первым в классе я узнал почему Америка была названа в честь Америго Веспуччи, а не Христофора Колумба, какие страны входят в состав Британской империи, кто победил в Гражданской войне в США и много чего ещё интересного. Много раз мне доставалось от мамы за полуночное чтение.

Бывало что она зайдет в мою спальню, захлопнет книжку и сердито произнесет – «А ну давай спать.» Приходилось прибегать к уловкам, особенно когда мне одалживали книги на день-два. Тогда я притворялся спящим, и дождавшись когда все засыпали, босиком пробирался в другую комнату и читал там до 3-4-х утра. Ну а если я был пойман, то мне конечно сильно доставалось от мамы. Чтение книг развивали во мне страстный интерес к новому и неизвестному, заставляли мечтать и фантазировать.

Большую часть моего свободного времени я конечно отдавал всевозможным играм и прочим развлечениям. Как-то зайдя к дяде Ерванду, чтобы пригласить Ларису в кино, я застал её за шитьём.

– «Что шьёшь? Лучше давай пойдём в кино.» - сказал я.

– «Подожди, я уже заканчиваю. Сейчас поймёшь, что это такое.», сказала она и удалилась в другую комнату. Через несколько минут она вернулась.

– «Ну как?», спросила она. Я обомлел, передо мной стояла вся сияющая от радости полуголая Лариса, на которой из одежды были только белая майка и трусики. На талии у неё был надет какой-то незнакомый мне элемент одежды, напоминающий раскрытый зонт, на ногах белые тапочки. Она вдруг принялась бегать вокруг меня высоко задирая ноги и выполняя какие-то упражнения.

Я оторопел – «Ты что с ума сошла, прыгаешь здесь почти голая? Что это за зонт?»

– «Это пачка, часть костюма балерины. Я собираюсь ею стать. А что касается моих трусов, то ничего стыдно в них нет. Мы же ходим в трусах на физкультурный парад, а у меня ещё и пачка одета поверх них.» - разъяснила мне Лариса. Она звучала убедительно, но всё же это было как-то непривычно для моего глаза. Лариса поведала мне, что на днях она с её двоюродной сестрой Лаурой впервые

⁶⁴ Книжная серия «Жизнь Замечательных Людей»

побывала в Оперном театре и смотрела балет Чайковского «Лебединое озеро». Выйдя из театра в большом восторге от увиденного, она решила обязательно стать балериной. Заинтригованный её рассказом и восхищением балета, я согласился пойти с ней в следующую субботу на балет Минкуса «Дон Кихот». Лариса переоделась, и мы отправились в кинотеатр «Форум» на фильм «Багдатский вор». Я тогда учился в 5-м классе, а Лариса в 6-м, и мы были далеки от балета, оперы и телевидения и понятия не имели о них. Впервые побывав в театре опера и балета имени М. Ф. Ахундова и посмотрев с Ларисой «Дон Кихот» я остался под большим впечатлением от увиденного и решил продолжить моё знакомство с искусством. Вскоре я пошёл на оперу Бородина «Князь Игорь». Будет к месту упомянуть, что здание Бакинского театра оперы и балета с его великолепной акустикой было одним из лучших в Союзе. Театр был построен ещё в царские времена армянским промышленником и меценатом Маиловым, и был известен в народе как Маиловский театр. Помню с каким волнением я входил в театр. Обстановка торжественности начиналась с великолепного убранства фойе, изысканной и хорошо одетой публикой, медленно передвигающейся по подиуму в ожидание 3-го звонка, и с желанием показать себя и посмотреть на других. Наконец звенит долгожданный звонок, и все оживлённо начинают перемещаться в зал и рассаживаться по своим местам в амфитеатре, лоджиях и партере. Затем наступает самый волнующий момент, тушится свет огромной люстры, зажигается свет в оркестровой яме, там появляется дирижёр, взмахивает палочкой и звучит волшебная музыка увертюры. Занавес на сцене открывается и спектакль начинается. Забегая вперёд замечу, что в последующие школьные и студенческие годы я регулярно посещал этот театр. Став большим почитателем балета, я посмотрел практически все балетные постановки театра от классических балетов до балетов советских композиторов. К сожалению мне не удалось посмотреть два великолепных балета Арама Хачатуряна «Гаяне» и «Спартак», ставших классикой мирового искусства. Надо сказать, что балетная труппа театра имени Ахундова того времени была наверное одной из лучших в СССР. Среди танцоров особенной популярностью у публики пользовались Ирина Михайличенко и Юрий Кузнецов. Их встречали шквальными аплодисментами, забрасывали цветами и толпами дожидались у выхода из театра в надежде получить их автограф. В основном это были русскоязычные поклонники, в числе которых были и мы с Ларисой. Однако это явно не нравилось кому-то во власти, кто из-за всех сил повсюду проталкивал национальные кадры. Не выдержав такого давления, лучшие артисты стали покидать Баку. Михайличенко стала примой балериной в Киеве, а Кузнецов перебрался в Одессу, и стал там ведущим танцором.

Немало я прослушал и оперных постановок. В отличие от балета состав оперной труппы вовлечённый в классические постановки был не звёздный, и поэтому основные партии исполнялись приглашёнными на определённые спектакли

певцами. В то же время, в национальных операх блистали выдающиеся певцы такие как Бюль Бюль Мамедов, Рашид Бейбутов и Фирянгиз Мамедова. Считаю эти годы самыми счастливыми в моей жизни. Прикоснувшись к искусству, я обогатился этикой и эстетикой. Я до сих пор могу, безошибочно определить автора балетной и оперной музыки исполняемой по радио или телевидению. Меня уже не застанешь врасплох такими терминами как Па-де-де, Гранд-па, адажио, Увертюра, Ария итд.

Вскоре после окончания войны на экранах кинотеатров появились трофейные фильмы. В основном это были американские, такие как: «Серенада солнечной долины», «Девушка моей мечты» и многие другие. Мы тогда впервые услышали джаз, и увидели кабаре и балет. В эпизоде «Девушки моей мечты» в котором героиня купается в ванне, были показаны её обнажённые ноги и на миг промелькнула её обнажённая грудь, это приводило мужскую половину зрителей в неопишуемый экстаз. Многие из них из-за этого эпизода смотрели этот фильм по несколько раз, простаивая длинные очереди в кассах. В наших советских фильмах такое конечно было невозможно увидеть, это считалось аморальным. В конце концов, «по просьбе трудящихся» этот эпизод был вырезан из киноленты.

Не могу не упомянуть и мою детскую любовь к цирку. Мои родители и близкие часто водили меня в городской цирк, который тогда находился недалеко от приморского бульвара и школы №6. Цирк был построен из дерева, и по форме напоминал шатёр цирка шапито. Помню огромные красочные афиши выставленные на улицах в виде транспарантов и настенных панно. Своей труппы цирк не имел, и в нём выступали исключительно заезжие артисты, среди которых такие именитые артисты и коллективы, как Кио отец, укротительница львов Ирина Бутримова, укротители тигров Запашные, клоун Карандаш и другие. Запомнилось также выступление борцов французской борьбы, месяцами гастролирующих на арене старого цирка. Самыми знаменитыми из них были Плясуля и Абдурахман по прозвищу Великан. Последний действительно благодаря своим внушительным размерам соответствовал своему прозвищу. Как-то годы спустя я повстречал Абдурахмана в недавно открытом на проспекте Кирова универмаге. Универмаг располагался на первом этаже нового жилого дома построенного напротив кинотеатра Художественный (позже Низами⁶⁵) построенный на месте снесённого ветхого кинотеатра «Форум». Я тогда стоял наклонившись над стеклянным прилавком и рассматривал выставленные товары. Вдруг рядом со мной на стекло кто-то положил нечеловеческих размеров руку. Невольно обернувшись и вынужденно взглянув вверх, я увидел двухметрового великана с огромной головой, сверкающими как велосипедные фары глазами,

---

⁶⁵ Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф, известный под псевдонимом Низами родился около 1141 в г. Гянджа, в государстве Ильдегизидов (в н. в. - город в современном Азербайджане), является классиком персидской поэзии и одним из крупнейших поэтов средневекового Востока.

огромным длинным носом, и ушами величиной с большую морскую раковину. Все посетители универсама замерли в восхищении, и наблюдали за борцом. У меня вдруг возник резонный вопрос, разве возможно победить такого гиганта на ринге? Вспоминая виденные мною бои Абдурахмана проигранные борцам раза в два меньшего его, я невольно подумал, а не договорными ли они были? В то время было обычным явлением, делать ставки на борцов. У меня сохранились очень добрые воспоминания о старом цирк.

Баку между тем возвращался к мирной жизни. Многие строительные объекты законсервированные на время войны, возобновили работу. На некоторых из них работали немецкие военнопленные. Удивительно, но горожане не испытывали к ним ненависти, некоторые даже подкармливали их и угощали сигаретами. На улицах и во дворах вновь появились привычные глазу бакинцев одетые в фартуки мастеровые предлагающие различные услуги. Я долго мог наблюдать за работой точильщиков, которые тащили на себе по дворам примитивные точильные станки, пронзительно выкрикивая:

- «Точить ножи, ножницы, бритвы править!», снова и снова зазывая клиентов. Точильщикам вторили стекольщики с тяжелыми деревянными ящиками на плечах:

- «Стёкла вставляем! Стёкла вставляем!»

Сними перекликались старьёвщики:

- «Старьё покупаем! Старые вещи покупаем! Старьё берем, шурум-бурум!

Жильцы услышав призывы мастеровых, которые в основном были из русских, выходили к ним из своих подъездов неся в руках ножи и ножницы.

Сезонно появлялись и торговцы-азербайджанцы.

-«Мацони, молоко! Мацони, молоко! Молоко!», крича именно в таком порядке на весь двор молочники. В одной руке они несли тяжёлую корзину, с аккуратно уложенными в ней баночками мацони, в другой большой бидон с молоком.

-«Зелен, зелен, помадор! Зелен, зелен, помадор!»

-«Редись, редись, марков! Редись, редись, марков!», кричали на «чистом» русском продавцы зелени. Было забавно видеть, когда в современном промышленном городе у нас во дворах на радость детворе появлялись торговцы ведущие за собой ослов, гружённых тяжёлыми корзинами с тутом, хартутом, инжиром или виноградом.

-«Тут, тут, белый, черный! Тут, тут, белый, черный!»

-«Хартут, Хартут! Покупай, не жалеи!»

-«Инжир, инжир, виноград!»

-«Шааны, шааны! Дамские пальчики!⁶⁶Покупай, не жалеи!», зазывали торговцы.

---

⁶⁶ Сорта винограда

Хартут — это разновидность тутта с крупными, сочными, красно-чёрного цвета. Ягоды хартута очень тяжело отрываются от ветки, поэтому его при сборе в отличие от Шах-тута не трясут с деревьев, а собирают вручную. Ну о качестве и разнообразии уникальности бакинского винограда выращенного под палящим солнцем в песках Апшерона ходят легенды. Появление мастеровых и торговцев в бакинских дворах и шум и гам сопровождающий их, вселяли людям надежду на возрождение прежней довоенной жизни.

Другой достопримечательностью Баку того времени была городская толкучка известная в городе как Кубинка. Она образовалась и начала функционировать без ведома властей, которая вынуждала торговцев перемещаться с места на место, пока она окончательно не закрепилась на большом пустыре почти в центре города, в городском районе прозванным *Похлу дари*, переводимое как дерьмовое ущелье. Этот одноэтажный район был заселен исключительно азербайджанцами-даргинцами⁶⁷, которые составляли основной костяк торговцев. На Кубинке можно было практически приобрести всё, от старья, трофейных вещей привезённых с войны до абсолютно новых вещей. Помимо этого, Кубинка была известна своей криминальной активностью, тут реализовывали краденое воры и бандиты, торговали наркотиками и даже оружием. Милиция здесь часто устраивала облавы, однако, они были малоэффективны, так как свои люди в милиции заранее оповещала торговцев. Кубинка работала в основном по субботам и воскресеньям. Там же можно было и перекусить всякой всячиной от горячего чая, пирожков до шашлыка и выпечки. В каждый из моих частых походов с родителями на Кубинку, я непременно просил их купить мне *Джиз-быз*.⁶⁸ Забавно было наблюдать за шустрými, всюду успевающимися мальчуганами торгующими поштучно самодельными папиросами – «Папиросы по рублю, торговаться не люблю.»

Однажды родители мне купили там очень модные тогда римлянки,⁶⁹ сшитые армянами-сапожниками. Там же мне приобрели и трофейную кожаную куртку с множеством карманов на замочках. Я очень любил эту куртку и долго её носил, пока наконец не вырос из неё.

В 1945 году отец приобрёл там старинные настенные часы, которые до сих пор исправно показывают время. Символично, что на маятнике этих часов выгравированы буквы К и А совпадающие с инициалами моего отца. Они долго висели в отцовском доме, и теперь тикают у меня здесь в Эссентуках. Я намерен в дальнейшем, как обещал, отослать эти часы в далёкую Америку моему любимому внуку Ашоту. Ведь его инициалы тоже АК. Звуки хода и боя этих часов действуют на меня успокаивающе, как бы говоря мне, что всё в порядке не волнуйся.

---

⁶⁷ Горцы

⁶⁸ Блюдо из жаренных субпродуктов и картофеля, название происходит от звука издаваемого при жарке жира (аз)

⁶⁹ Что-то среднее между сандалиями и босоножками

В отсутствие товаров в магазинах в военные и послевоенные годы вплоть до середины 60-х годов, Кубинка стала для населения основным местом приобретения предметов первой необходимости.

Глава 28 Жора Дагунц и наше с ним приключение в Степанакерте. 1947

1947 год был знаменателен двумя важными событиями - денежной реформой и отменой продовольственных карточек. Ещё в конце 1946 года по стране поползли слухи о грядущих важных изменениях в ценообразование, но в чём заключались эти изменения никто толком не знал. Это держалось в строгом секрете. Между тем слухи сделали своё дело, и народ в панике начал принимать определённые шаги в попытке сохранить свои сбережения. Одни стали класть деньги в банк, другие напротив снимать свои вклады со сберегательных книжек, третьи решили ничего не предпринимать оставив всё как есть. И действительно, вскоре было официально объявлено о проведении денежной реформы-« ... для ликвидации излишков денег у населения путём уменьшения их номинала из расчёта 10:1.⁷⁰»

Вторым знаменательным событием стало отмена в Декабре 1947 карточек введённых в самом начале войны. Это было хорошим знаком, говорящим о том, что в послевоенной стране дела стали потихоньку налаживаться. На полках государственных магазинов пустовавших всю войну стали изредка появляться некоторые продукты питания. Оживилась торговля и в коммерческих магазинах, где с ассортиментом продуктов было намного лучше, но стоили они значительно выше чем в государственных магазинах. Там например всегда можно было купить хлеб. Один из таких магазинов появился и в Арменикенде на 3-й Нагорной, угол проспект Ленина. Хлеб продаваемый в таких магазинах отличался от привычных нам буханок,⁷¹ он пёкся в форме калача. До появления коммерческих магазинов вплоть до 50-х годов людям приходилось с раннего утра идти в магазины занимать там очередь на покупку самых необходимых продуктов питания: муки, хлеба, сахара, макарон, мыла и прочих продуктов. Часто в очередях можно было увидеть взрослых с детьми, которых им наверное не с кем было оставить. В коммерческих магазинах продукты хоть и продавались без карточек, но купить их можно было лишь в количестве установленным государством. Многие горожане ухитрялись занимать очередь по несколько раз, или приводили своих родственников и детей, и таким образом покупать больше чем положено. Однако, за это можно было попасть в неприятную историю с людьми из очереди.

⁷⁰ 10 рублёвая блокноты стала стоить 1 рубль. Большинство населения было недовольно этой реформой

⁷¹ Прозванный в народе «кирпич»

В последние годы войны и по её окончанию многие фронтовики, особенно из офицерского состава, посылали с фронта или привозили с собой одежду, ткани, промышленные товары, швейные машинки, мебель, велосипеды, мотоциклы и даже автомобили. Наш сосед по лестничной площадке рядовой Сухрай Мамедов несколько раз высылал бедствующей семье посылки со всякой всячиной. Они в свою очередь продавали их на «Кубинке», и на вырученные деньги покупали продукты, которые помогали им выжить. Ещё один наш сосед по дому из 1-го подъезда подполковник Андроник привез с войны автомобиль «Опель», груженный всякой всячиной. Автомобиль, к слову, был вскоре продан. Высокий, стройный, красивый и представительный мужчина, Андроник всю жизнь ходил в форме подполковника,⁷² я ни разу не видел его в гражданском. Военные тогда пользовались у народа огромным авторитетом, и подполковник этим хорошо пользовался. Ему были открыты двери многих госучреждений, и не приходилось стоять в очередях в магазинах.

Летом 1948 года мы опять провели у отца в Мартунах. В посёлке тогда стояла невыносимая жара из-за которой мне приходилось отсиживаться дома. К тому же поиграть на улице было не с кем, все знакомые мне мальчишки давно разъехались на лето в родовые сёла. Единственным моим утешением было посещение дома бабушки и находящейся рядом амбулатории, медперсонал которой в основном сносно говорил по русский и мне было с кем там пообщаться. Там же находился и кабинет отца. Вскоре отец принял на работу зубного техника из Баку по фамилии Дагунц⁷³ у которого был сын Жора. В одно из моих посещений отца на работе, мы с Жорой познакомились, быстро нашли общий язык и подружились, проводя много времени в играх, шатаниях по селу, в походах в кино и на речку. Речка находилась недалеко от нашего дома в южной части села. В этой полу высохшей безымянной речушке водилась мелкая рыбёшка. Чтобы её ловить мы выстроили небольшую дамбу из камней вперемежку с ветвями деревьев срубленных в рядом расположенном саду. Подняв таким образом уровень речки, мы купались в ней и ловили рыбок руками.

С Жорой у меня связана одна история, которую, я больше чем уверен, мы оба запомнили на всю жизнь. Однажды, я даже помню что это была среда⁷⁴ 7 июля 1948 года, мы с ним рано утром случайно встретились в магазине в центре села.

⁷² В детские годы мне довелось видеть этого полковника и я был знаком с его женой Забелой

⁷³ Помимо окончаний -ян и -янц, армянские фамилии могли оканчиваться на -унц или -енц. Насколько мне известно это окончание имеет карабахское происхождение и является адаптацией названия рода в качестве фамилии. Род к которому принадлежала семья моей матери, назывался Чёрунц, что означало владеющие волами. Другим примером, является фамилия армянского поэта Чаренц.

⁷⁴ В оригинале автора ошибочно было указано воскресенье. Образование НКАО произошло в среду 7 июля 1948 года.

Я пришёл туда за хлебом, а он с бидоном в руках за керосином. Побеседовав о том о сём, мы вскоре заметили как к расположенному недалеко от нас роднику подъехал грузовик. Он привлёк наше внимание своим кузовом оббитым листами выкрашенной фанеры, на котором по обе его стороны большими буквами было надпись «КИНО». Не сговариваясь, мы бросились к машине, чтобы узнать какой сегодня в клубе будут показывать фильм. Для нас это было чрезвычайно важно, так как кино было нашим спасательным кругом в огромном море беспробудной скуки. Дождавшись спустившихся к роднику водителя и его напарника, мы поинтересовались какую картину они привезли. Их ответ нас огорчил, потому что они здесь были только проездом из Гадрута в Степанакерт. Мы с Жориком как раз пару дней назад разговаривали о Степанакерте, оба много слышали хорошего о красоте областного центра НКАО и сожалели о том, что ни разу там не бывали. Не договариваясь, мы заговорщицки переглянулись. Вот он, наш случай увидеть Степанакерт.

- «А вы могли бы взять нас с собой? Очень хочется увидеть Степанакерт.» - обратились мы к водителю. Оглядев нас с ног до головы, и оценив нашу платёжеспособность как зеро, водитель будучи патриотом своего города произнёс – «Без проблем. Полезайте быстро в кузов. Я тороплюсь на праздник, и как только мотор остынет мы тронемся в путь.»

Нас особенно не заинтересовало на какой праздник спешит шофёр, потому что мы вспомнили по какой причине мы встретились с Жорой в магазине. Черт! А как быть с хлебом, который ждут дома мои родители, и куда деть бидон с керосином? И вообще, куда это мы едем не предупредив родителей? Времени на раздумье не было, и поэтому как только водитель крикнул что пора ехать и предупредил нас не трогать киноаппаратуру, мы поняли, что наш Рубикон пройден. Жорик быстро спрятал бидон в близлежащих кустах, и мы тронулись в путь. Через несколько минут мы окинули друг друга взглядом и разразились диким смехом, только сейчас заметив наш непрезентабельный вид. Худой и высокий Жора, одетый в короткие порядком изношенные отцовские брюки, (он был заметно выше своего отца, и к слову сказать меня тоже) задрипанную майку болотного цвета и шлепанцах на ногах. Я бы описал его «стиль» одежды как а-ля Дон Кихот Ламанчский. В своих старых обесцвеченных финках, мягкой полосатой рубашке и римлянках на босу ногу я выглядел не лучше.

До Степанакерта было не так уже далеко, всего 65 км, из них 34 км до Агдама, через центр которого мы проехали. Так что уже к 10 часам утра мы были в Степанакерте. Магическое слово КИНО на грузовике воздействовало не только на нас, но и на местных милиционеров, которые без задержек пропустили нас через три пропускных пункта. Высадившись с грузовика на центральной площади, мы можно сказать сошли с корабля на бал. На площади праздновали 25 годовщину образования Нагорно Карабахской Автономной области в составе

Азербайджанской ССР. Праздник отмечался торжественно, и с широким для области размахом. Из громкоговорителей, установленных на площади и центральных улицах, раздавались торжественные лозунги и звуки маршей, под которые по площади проходила демонстрация трудящихся. На трибуне стояли руководители области и многочисленные гости из других республик и областей. На импровизированных площадках, сооружённых по случаю праздника, выступали с концертами как артисты местной самодеятельности, так и артисты из Баку и Еревана. На местах работали кинооператоры снимающие торжество на киноплёнку. Повсюду царила праздничная атмосфера, народ был нарядно одет, и только мы с Жорой в своих лохмотьях торчали на виду у всех как два огородных пугала. Это скоро было замечено тем кому было надо, и нас прогнали с площади, чтобы не дай бог мы попали в кадры кинохроники. Растворившись в толпе мы наблюдали за происходящим до тех пор, пока не почувствовали голод, ведь мы даже не завтракали. Поскребя в карманах я нашёл в них 85 копеек, Жора оказался богаче на 45 копеек. Итого, на двоих у нас было 2 рубля и 15 копеек. Мы решили отправиться в столовую, но вовремя спохватились, вспомнив что нам бы следовало позвонить родителям прежде чем они подняли бы там панику. Помимо того, нам ещё нужно было добираться домой, и мы сомневались, что легко найдём кого-то, кто бы довёз нас бесплатно. Поэтому мы решили не транжирить наш капитал, и купив себе по булочке, отправились на почту. Так как у Жоры дома не было телефона, звонить пришлось мне. Нарвался я на маму, которая сначала обрадовалась услышав мой голос, но затем принялась беспощадно меня ругать. Отец же был спокоен, по крайней мере он не выдавал свои эмоции. Я попросил его предупредить отца Жоры, хотя понимал как трудно это будет ему сделать. Дело в том, что было воскресенье и отцу некого будет послать к Жоре домой на другой конец села, и ему придётся переть туда самому. Я пообещал отцу, что мы вернёмся к вечеру.

Как показало дальнейшее развитие событий, лучше я бы этого не делал. На булочки мы потратили 30 копеек, телефонный разговор стоил нам 60 копеек, итого в остатке у нас было 1 руб. 25 коп.

Мы продолжили наше знакомство с городом, который превзошёл наши ожидания своими современными постройками, зелёными и широкими улицами. Перед центральной городской площадью на которой проходили торжества, располагался круглый сквер - любимое место отдыха степанакертцев. В сквере были установлены два памятника, памятник Сталину, обращенный лицом к площади, и памятник Шаумяну, чьим именем был назван город. Памятник Шаумяну стоял в противоположной от памятника Сталину стороне сквера, и был обращён в сторону основной дороги въезжающей в город, как бы приветствуя его жителей и гостей города. В сквере я повстречал своего одноклассника Алика

Айрияна, нашего школьного футболиста по прозвищу «Саткац».⁷⁵ Эта случайная встреча была очень кстати, мы намекнули Алику на наши голодные желудки и он щедро угостил нас обедом в столовой.

Мы продолжали хорошо проводить время, которое пролетело быстро и нам было пора подумать о том как мы будем возвращаться домой. На автовокзале нас ожидало полное разочарование, следующий автобус до Мартуни будет только в 8 часов завтрашнего утра. В надежде поймать попутку мы вышли на трассу, но тщетно и долго прождав там попутный транспорт мы наконец поняли, что ночевать нам придётся не известно где. Автовокзал на ночь закрывался, а на гостиницу у нас денег не было. Вот с такими мыслями, но совершенно неунывающие, мы возвращались в город. По пути неумолимый юморист и затейник Жорик, неожиданно заявил:

- «Отступить некуда-позади Москва⁷⁶, будем обедать в лучших ресторанах Парижа и ночевать в Четырёх Сезонах.»

- «Ты знаешь чего-то, что я не знаю? Что это значит?», отозвался я.

- «А это значит, что у меня в Степанакерте живёт двоюродный брат моей матери. Он большой начальник, второй секретарь обкома партии, и мы пойдём к нему домой. Правда, он меня видел только раз, да и то когда я был совсем маленьким, а его совершенно не помню. Я не хотел его беспокоить, да ещё и заявляться к нему в таком виде, но теперь, по-видимому, придётся.

Надо ещё найти его дом, я только приблизительно знаю где он.»

Найти нужный нам дом было делом нетрудным, город небольшой и все знали где живет такой большой начальник как второй секретарь партии. Жил дядя Жорика недалеко от центра города в двухэтажном особняке. Когда мы подошли к зелёным воротам дома дело уже шло к вечеру. Калитка в воротах была приоткрыта и мы увидели во дворе сидящую на асфальте седоволосую старушку, бьющую длинным и гибким деревянным прутом белую шерсть, высланную на асфальт на куске брезента. Мы вошли во двор и поздоровались со старушкой. Жора поинтересовался дома ли его дядя. Как оказалось он отсутствовал, велел нам подождать в садике, старушка удалилась за хозяйкой дома. Мы поднялись по каменным ступеням в сад и уселись под большим деревом на скамью, стоящую рядом со столом и широкой покрытой ковром деревянной тахтой. Вскоре пришла хозяйка, довольно красивая с огромными глазами женщина средних лет.

Поздоровавшись она оценивающе нас осмотрела, и наверняка подумала что мы ошиблись дверью. Тут Жора представился, объяснил кто он, как мы тут оказались,

⁷⁵ Дохлый (арм)

⁷⁶ Крылатая фраза авторство которой оспаривается. По самой популярной версии, вошедшей в советские учебники, слова: «Велика Россия, а отступить некуда – позади Москва!» – произнес политрук Василий Клочков 16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково на Волоколамском направлении во время боя известного боя с фашистами.

и что ему хотелось бы встретиться с дядей, попутно намекнув на ночлег в их доме. От последних слов женщина внезапно позеленела, её большие глаза расширились и полезли на лоб, а и без того тонкие губы куда-то исчезли, и она прямо на наших глазах из красивой женщины превратилась в огромную зеленую жабу готовую проглотить свою добычу. Однако выдержав паузу, женщина взяла себя в руки, и выдавив из себя дежурную улыбку предложила нам дожидаться дядю здесь в саду и пообещав принести нам чаю удалилась.

Мы с Жориком уже давно научились понимать друг друга с одного взгляда, и потому единогласно пришли к выводу, что мы действительно «ошиблись адресом». Сказав бабушке, которая уже собирала шерсть, что мы идём на почту звонить домой мы гордо удалились. Мы действительно ходили на почту и позвонив в Мартуни уведомили родителей, что вернёмся только завтра.

Гуляя по празднично освещённому вечернему Степанакерту, мы одним глазом присматривали себе место для ночлега. Увы тщетно. Уже за полночь Жора ещё раз блеснул своей находчивостью, предложив вернуться в дом дяди и незаметно прокравшись во двор переночевать в саду на тахте. Идея мне очень понравилась, и мы покатываясь со смеху бодро зашагали к месту нашего ночлега. Свет в окнах дома был погашен, его обитатели наверняка уже видят второй сон. Мы знали, что в доме нет собаки, и уверенно перебравшись через низкий каменный, скорее символический, забор оказались в саду. В ночной тишине стрекотали сверчки, летали светлячки и множество всякой другой мошкары, так и желающей на нас «приземлиться». Еле сдерживая смех, мы тихонько пробрались к знакомому уже нам большому дереву, и начали устраиваться на ночлег. Жора на правах «хозяина», уступил мне как «гостю» тахту, а сам улегся на длинный, под стать его росту стол. Мне конечно повезло, тахта была покрыта ковром и лежание на ней было не сравнить с лежанием на накрытом скатертью столом. Мертвецки уставшие, мы быстро заснули. Проснулся я посреди ночи от холода. В темноте я разобрал на столе силуэт скрюченного от холода спящего Жорика. Заметив, что ковер был сложен вдвое, я влез между его слоями. Мне стало тепло и уютно и я вновь уснул, но ненадолго, потому что вскоре я проснулся от прикосновения чего-то холодного. Это был Жорик, который спасаясь от холода влез ко мне под ковер, и поджав под себя свои длинные и костлявые ноги улегся «валетом». Так мы провели эту казавшуюся бесконечной ночь. Утром мы помчались на автовокзал, где нам повезло сесть в дополнительный автобус специально выпущенный на маршрут для возвращающихся домой гостей праздника. В 10 утра мы уже были в Мартуни.

Так закончилось наше приключенческое путешествие в Степанакерт.

Через неделю Жора уехал в Баку. Встретились мы с ним только через несколько лет в стенах Политехнического Института, куда мы оба поступили на учёбу. Учились мы на разных факультетах, он на архитектурно-строительном, я на

гидро-мелиорационным. Поэтому мы встречались редко, а после окончания института пути наши к сожалению окончательно разошлись.

Глава 29 Нелли. Поездка в Карадоглу. Поступок или бравата? 1948

С отъездом Жоры жизнь моя вновь вернулась в колею безутешной скуки и безделья. Тётя Аник, видя как я маюсь, сообщила мне о скором приезде Нелли, добавив, что мне будет с кем проводить время. Зная прежнюю Нелли, я не очень-то разделял её оптимизма. Через неделю тётя Аник отправилась в Евлах встречать поезд Тбилиси – Баку, и вернулась с дочерью. Надо признаться, что это была уже совершенно другая Нелли, превратившаяся в хорошенькую, жизнерадостную и озорную девчонку. Да и её прихрамывание стало менее заметным.

Вскоре мы несмотря на заметную разницу в возрасте подружились, и проводили много времени вместе. Нелли была не по возрасту умна, обладала хорошим чувством юмора и без комплексов. Сказывалось и то что она была горожанка, и то что она была из знаменитого армянского района Авлабар.⁷⁷ Узнав её поближе, о её достоинствах можно было бесконечно говорить. Нелли великолепно рассказывала бесконечные грузинские анекдоты и байки, прекрасно игра в нарды, карты и домино, в которые мы с ней почти ежедневно сражались. Она, как и я, была очень азартна в игре, и на этой почве у нас с ней происходили бесконечные споры. Нелли была прекрасным собеседником в разговорах о кино, театре и спорте. Мы часто с ней ходили в кино и на спектакли артистов драмтеатров Степанакерта и Агдама. Словом, скучать мне теперь было некогда.

По Мартуни поползли слухи о том, что тётя Аник тайно встречается с неким Рубеном. По-видимому, они дошли и до бабушки, и она как мне кажется в желании избежать неприятного разговора с тётей Аник, неожиданно объявила, что хочет ненадолго съездить в какое-то азербайджанское село кого-то навестить. С большим трудом моим родителям удалось уговорить её взять меня с собой. Никакого неприятного разговора бабушки с тётей Аник, на сколько я знаю, тогда не произошло. Так мы с ней оказались в селе *Карадоглу*.⁷⁸ Маленькое, всего на 10–15 дворов, село располагалось у подножья высоких гор. Если из села взглянуть вверх, то на самой вершине этих гор можно было увидеть очертания нескольких домов. Это была окраина высокогорного армянского села Хагорты - родины моих предков. Там в 1875 году родился отец моего отца, мой дед Мартирос. Мне не раз довелось побывать в этом селе и узнать и увидеть много интересного. В Карадоглу мы жили у какой-то женщины имени которой я теперь к сожалению не помню.

⁷⁷ Тбилисский аналог бакинского Арменикенда

⁷⁸ Черная гора (аз)

У женщины был сын примерно моих лет, с которым я подружился, общаясь с ним на моём плохом азербайджанском. Мы проводили вместе время, в основном у маленькой речки вблизи села.

На четвертый или пятый день нашего пребывания я в компании трёх мальчишек отправился собирать землянику на лесных горных полянах. Медленно, вместе или порознь, мы переходили от одной поляны к другой, поднимаясь всё выше и выше в горы по узкой просёлочной дороге идущей через лесное ущелье между двух гор. В какой-то момент, когда я был вне видимости других ребят, я услышал сильный, быстро приближающийся ко мне грохот, сопровождающийся мужским криком взывающим о помощи. Поляны располагались по обе стороны от дороги, поэтому услышав крик, я быстро вернулся на дорогу. Сверху, шарахаясь из стороны в сторону, трясясь и подпрыгивая, по дороге катилась вниз запряжённая двумя волами гружённая дровами арба. Страшная и полная драматизма картина. Присев на задние ноги, и как кони задрав перед собой вверх передние, волы скользили вниз, из-за всех сил пытаюсь остановить своё движение. За ними бежал мужчина средних лет, и беспомощно кричал-«*Сахла! Сахла!*⁷⁹». На крик откликнулись ещё двое из ребят, и попытались запрыгнуть на арбу, но увы, та слишком быстро неслась вниз. Мужчина всё продолжал кричать-«*Сахла! Сахла!*» и, что плевать ему на дрова, лишь бы спасти его волов. Пришёл мой черед. И хотя я никогда не оказывался в подобной ситуации, я знал как поступить. Нужно было запрыгнуть на дрова, а затем любым способом добраться до оглобли и стать на неё, чтобы своим весом сместить баланс центра тяжести и помочь волам встать на ноги. На всё про всё у меня были секунды, и я моментально приготовился к прыжку. Арба с грохотом приближалась ко мне, на выпученные от страха глаза волов страшно было смотреть. Быстро прикинув куда прыгать, я пригнулся и в отчаянном прыжке зацепился за одну из веток и еле удержавшись оказался на арбе. Мне удалось сделать то, что не получилось у моих товарищей. Теперь нужно было закрепить свой успех и добраться до оглобли. А арба в это время всё продолжала нестись вниз, подпрыгивая вверх и шарахаясь в стороны. Из неё стали выпадать бревна, видать связка от тряски расслабилась. На четвереньках, ухватившись за какую-то большую ветку, я стал подбираться к оглобле. Тут арба чуть не перевернувшись высоко подпрыгнула правой стороной, когда правое колесо переехало большой камень. Я попытался крепче ухватиться за ветку, но она оказалась слишком короткой. Меня отбросило вправо и я вместе с веткой полетел вниз. На лету я чудом увернул голову от огромного, обрамленного железом деревянного колеса и рухнул на землю. Арба продолжила свой путь вниз, и где-то там на повороте дороги перевернулась. На счастье мужчины его волы отделались лишь легкими ушибами. Я был расстроен своей неудачей, но одновременно рад,

---

⁷⁹ Остановите (аз)

что мне удалось увернуться от колеса и не получить тяжёлых травм. Не чувствуя никакой боли, я встал на ноги и попытался встряхнуть с себя пыль, но если мне удалось это сделать правой ладонью, то левая почему-то отказывалась мне подчиняться. Взглянув на неё я пришёл в ужас от увиденного - ладонь кисти была чуть смещена назад и безжизненно висела держась исключительно на одной коже. На руке не было ни капли крови, лишь глубокая вмятина от железного обода колеса. Я так никогда и не понял, как моя рука оказалась под колесом, а я этого совсем не почувствовал. Боль я стал ощущать на полпути в село. Бабо была в шоке, она причитая, металась, вокруг меня не зная как мне помочь. Между тем боль становилась всё сильнее и сильнее, и я уже с трудом сдерживал свои эмоции, чтобы не усугубить состояние Бабо. В селе не было медпункта, возить в Мартуни было далеко, да и не на чем? Разве, что на арбе, но это займёт до 8 часов. Да и там не было квалифицированного хирурга-травматолога, меня пришлось бы везти в Степанакерт в областную больницу. Я подозревал, что бабушка, из-за страха перед моими родителями, не очень-то стремилась везти меня в Мартуни.

Моя травма стала главной новостью в селе. К нам друг за другом стали заходить жители села, считающие своим долгом поинтересоваться моим состоянием. Среди них оказалась пожилая женщина-знахарь и костоправ, которая вызвалась помочь мне поставить кисть руки на место. Попросив всех удалиться из комнаты, она с сыном принялись за работу. Предупредив, что будет больно, и что я должен как мужчина держать себя в руках, она дала мне выпить рюмку *тутовки*⁸⁰. Изнемогая от боли я был готов на всё, и потому не моргнув глазом залпом выпил тутовку. Выпил и чуть не задохнулся, до того крепкая она была. Так впервые в моей жизни я попробовал тутовку. Обтерев свои руки той же жидкостью, старуха слегка помассировала мою поврежденную кисть, и принялась нежно и долго ощупывать её изучая травму, и вдруг без всякого предупреждения резко дёрнула мою ладонь на себя. Попытка свести концы переломанной кости друг с другом с первого раза ей не удалась, и тогда она начала с помощью сына разворачивать мою кисть вправо-влево вокруг оси. Вновь её дернув, она решила, что достигла своей цели, и приступила к наложению гипса, который таковым можно было назвать только с большой натяжкой. В глухой деревне понятия не имели, что такое гипс. То чем старуха обмазывала мою кисть, был замес муки и куриных яиц, обмотанные поверх лоскутами марли. Никогда больше в своей жизни я не испытывал такой острой боли.

Каким-то образом, весть о моей травме дошла до отца, и через неделю за нами приехала машина скорой помощи, и нам пришлось вернуться в Мартуни раннее запланированного бабушкой срока. Провожать нас вышло почти всё село.

---

⁸⁰ Водка из ягод тутовника

В моей памяти сохранились очень добрые воспоминания о Карадоглу и его гостеприимных жителях. На всём протяжении нашего в нём пребывания, в дом нашей хозяйки с визитом вежливости приходили многие селяне. При этом они всегда приносили с собой неизменные гостинцы в виде свежей курицы, яиц, мацони, молока и сухофруктов.

В Мартуни к моему удивлению нас встретили спокойно. Ни отец, и что удивительно ни мать, не принялись отчитывать нас с бабушкой упрёками и нравоучениями. Для полной реабилитации кисти, достигнутой сессиями физической терапии, понадобилось почти два года. Неровно зажившая кисть на всю жизнь стала мне визуальным напоминанием о поступке совершённом мною в далёком детстве. К слову, то происшествие было неоднозначно воспринято моими близкими и друзьями. Одни называли его поступком, другие бравадой. А я и тогда и сейчас считаю, что просто хотел помочь человеку попавшему в беду, так же как это пытались сделать двое других ребят.

Глава 30 Альберт Тер-Акопов. Увлечение танцами. Школьные вечера. 1947-1948

Последние годы моей учёбы в школе⁸¹ были для меня наверное самыми запоминающимися. Тогда я подружился с моим одноклассником Альбертом Тер-Акоповым,⁸²весёлым неунывающим оптимистом, фантазёром и балагуром. Он как барон Мюнхгаузен мог бесконечно рассказывать о многочисленных произошедших с ним историях, при этом не краснея врать, даже при мне, очевидце произошедшего. Альберт обладал уникальным каллиграфическим почерком и прекрасно мог писать художественной кистью; только ему поручалось писать заголовки школьной стенгазеты. Как-то в конце 1947 года директор школы собрал членов редколлегии школьной газеты, куда входил и Альберт, и поручил им выпустить праздничный номер посвящённый 30-й годовщине Великой Октябрьской революции.⁸³ Директор добавил, что номер должен быть красочно оформлен, желательна портретом товарища Сталина на фоне богатства нашей республики- нефти и хлопка. Он также сообщил, что по школам будут ходить члены специальной комиссии БОНО⁸⁴ и отбирать лучшие газеты для поощрения. Тут Альберт, возьми и скажи, что надо бы привлечь в редколлегию Кочарова, он прекрасно рисует, чего никто в коллегии не умеет делать. Вот так я оказался

---

⁸¹ 1947 по 1950

⁸² Приставка «Тер» ставилась перед армянскими фамилиями когда её обладатель являлся сыном или потомком священника.

⁸³ Праздник отмечался 7 Ноября

⁸⁴ Бакинский отдел народного образования

вовлечённым в создание праздничного номера школьной газеты, и так и остался членом её редколлегии до моего окончания школы.

Альберт предложил работать над газетой у него дома. Жил он через дорогу от нашего дома в 188 квартале в коммунальной квартире с матерью, красивой женщиной польских кровей. Работала его мама медсестрой в больнице имени Семашко и часто дежурила, так что в это время их комната была в нашем полном распоряжении. Я заезжал к Альберту почти каждый день, и мы вместе или работали над газетой под названием «Комсомолец», или просто проводили вместе время. Совместная работа нас сблизила, и мы стали хорошими друзьями, хотя раньше почти не общались, вращаясь в разных компаниях. Моим близким другом в то время был Гена Арутюнов, который жил тоже недалеко, на одной со мной улице. Закончив десятый класс, Гена уехал в Ленинград поступать в морское военно-инженерное училище, в котором преподавал его дядя.

Памятуя о том, что газету будут смотреть члены отборочной комиссии, мы отказались от использования в ней аппликации из вырезанного из журнала портрета Сталина. Это было заманчиво, но просто. Наверняка многие ребята из других школ поступят именно так. Взамен я предложил самому написать этот портрет считая, что если мы хотим победить, то наша работа должны выделяться на фоне газет конкурентов. Естественно я отдавал себя отчёт в том, что брал на себя большую ответственность и риск. В случае искажения или несхожести портрета оригиналу, неприятности падут не только на мою голову, но и на голову всех членов редколлегии и даже самого директора. Советский Союз тогда жил в период жесточайшей и страшной цензуры. За малейший проступок можно было надолго оказаться далеко от родных мест.

Не желая испортить лист ватмана на котором Альберт уже написал заголовок, я стал работать на новом листе, а Альберт в случае моей удачи обещал написать название на моём листе. Портрет, который я акварелью писал с картины художника Б. Карпова, получился удачным и схожим с оригиналом. Иосиф Виссарионович был изображён без головного убора, в маршальском мундире с орденами. Все члены редколлегии единодушно одобрили мою работу. Однако прежде чем передать лист Альберту, я решил подстраховаться и показал её директору школы, который пришёл в абсолютный восторг от увиденного. В ответ на его похвалу я подмигнул ему, и намекнул на то, что наша газета может потянуть на премию. Директор рассмеялся, и признался, что тогда пошутил и что нет никакой премии. Он её видите ли придумал, чтобы нас мотивировать. Однако он пообещал в случае нашей победы обязательно объявить нам благодарность в письменном виде приказом по школе. Я конечно не хотел расстраивать ребят, и ничего им не сказал. Альберт прекрасно написал заголовок к газете, я добавил к ней фон в виде нефтепромысла с вышками и качалками, и бескрайних хлопковых

полей. Директор сдержал своё слово, и мы были отмечены благодарностью, а наша газета провисела в фойе школы целый год.

Несмотря на жёсткий запрет джазовой и зарубежной эстрадной музыки, обвиняемых в буржуазном разложении советской молодёжи, в разных частях города, в частности у нас в Арменикенде, устраивались танцевальные вечера на которых доминировала именно такая музыка. Вначале они происходили на частных квартирах некоторых смельчаков, где молодёжь танцевала под патефон или даже граммофон. С появлением магнитофонов танцевальный бум вышел на новый, более широкий простор. Счастливые владельцы магнитофонов обменивались кассетами, тогда это были бобины, переписывали музыку друг у друга, и передавали её дальше по цепочке. Вскоре квартиры и частные дома стали тесны, и танцы уже стали организовывать на дворовых и квартальных площадках. На одной из таких площадок побывал и я, придя туда с Альбертом, который уже не раз бывал на ней. Танцплощадка находилась в центре города в районе школы №6. Мне там очень понравилась, молодёжь наслаждалась доселе запрещённой музыкой и общением друг с другом. Танцевали парами, парень с девушкой, а новички, такие как мы с Альбертом, танцевали друг с другом. В отличие от бальных танцев, где все движения были придуманы несколько веков назад и подчинялись строгим правилам, дошедшие до нас западные танцы были свободны в выборе движений и подчинялись только импровизации. Наряду с быстрыми танцами, такими как Фокстрот, Рок-н-ролл, Твист и Линда, танцевали и под медленные танцы- танго, блюз, вальс бостон и другие. Эти танцплощадки стали зародышами современных дискотек, с большой разницей в том, что они были бесплатны, скромны и обходились в большинстве случаев без драк. Посещая их в разных частях города, мы с Альбертом научились здорово танцевать. Оттачивая своё мастерство у Альберта дома, мы вносили в наши танцы всё новые и новые элементы, заимствуя их у других или придумывая самими. Уже через год мы стали одними из лучших танцоров в городе. Особенно нам удавалась Линда.

В скором времени современные танцы стали разрешать и на школьных вечерах, но обязательно только после бальных танцев. Я, как и все мои сверстники, с большим нетерпением ждал эти вечеринки, и всегда с большим удовольствием и волнением их посещал. Вечера проходили по определённым датам в фойе нашей школы, и устраивались поочерёдно женской школой №36, или нашей мужской №47. Каждая из школ приглашала другую, посылая ей приглашительные. Разрешалось также приглашать мальчишек и девчонок и из других школ. Однако, встретить приглашённых гостей было редкостью, по тем временам считалось, что наша школа находилась чуть ли не за чертой города. С трепетом мы входили в торжественно украшенный гирляндами и шарами танцевальный зал, с трудом узнавая в нём фойе нашей школы. В зале звучала чарующая музыка вальсов «Дунайские волны», «На сопках Манчжурии» и вальсов Штрауса. Играли

приглашённые музыканты оркестров духовых инструментов. Как обычно, вечера начинались с бальных танцев: мазурка, кадрили и полька. Девочкам положено было приходить на вечера в парадных школьных формах с белым фартуком. Исключение делалось только для десятиклассниц, которым разрешалось одеваться на своё усмотрение. Причём у всех девчонок были одинаковые - длинная коса с большим белым бантом висящим за спиной. У мальчиков, тем более у старшеклассников, такой проблемы не было, приходи в чём хочешь (читай в чём есть). У меня например школьной формы вообще не было

На вечерах часто выступали с номерами наши школьные таланты- чтецы, певцы и танцоры. Хорошо запомнилось чтение стихотворения Константина Симонова «Жди меня» моим одноклассником и соседом по двору Юрием Кукуем.

Юрий окончил мой ВУЗ,⁸⁵ но позже пожертвовав свою карьерой инженера-строителя, стал известным на всю страну эстрадным конферансье.

На вечеринках проводились и другие развлечения. В памяти остался блестящий номер старшеклассников с жабой. Они на наших глазах заморозили живую жабу каким-то газообразным веществом до такого состояния, что она превратилась в хрупкую кристаллообразную массу и разбилась вдребезги когда её бросили об пол. На нас это тогда произвело фантастическое впечатление.

Одним из прочих развлечений на танцевальных вечерах была популярная среди нас игра «Живая почта». Это была довольно забавная игра. Желающим в неё поиграть раздавались карточки с отпечатанными на них номерами, которые булавками прикреплялись на груди участника. Кто-либо из участников, а в основном это были девочки, выполняли роль посыльного, для этого у них на груди была табличка с надписью «Почтальон». Смысл игры заключался в написании записок любого содержания и передачи её получателю через почтальона. При этом отправитель должен был на записке написать номер получателя, а при желании мог самим остаться неизвестным.

В один из таких вечеров в компании мальчиков и девочек 10 класса учащихся обеих школ, моё внимание привлекла красивая, стройная, светловолосая девочка в голубом платье. Она мне очень понравилась, и мне захотелось подойти к ней и пригласить её на танец. Однако я заколебался боясь её публичного отказа из-за большой разницы в возрасте. Для меня восьмиклассника десятиклассники были почти небожителями. Тут мне пришла идея воспользоваться Живой почтой. Я подсмотрел на девушке её номер, это был №16, и с волнением в сердце написал ей записку следующего содержания-«Ты девушка моей мечты (тогда в кинотеатрах шёл фильм под таким названием). Я хотел бы пригласить тебя на танец.» Разволновавшись и полностью разуверившись в успехе этой затеи, я в последний момент решил не указывать свой номер, и передал записку

---

⁸⁵ Высшее Учебное Заведение

почтальону. Получив записку, девушка долго её рассматривала оглядываясь по сторонам, и пошептавшись с подружками, разорвала её. Позже я узнал, что её звали Лилей Габриелян, и что она жила недалеко от нашей школы.

С тех пор после этого случая, я больше её никогда не видел, да и не стремился этого сделать. И вся эта история осталась бы забытым эпизодом моей юности, если бы она не имела продолжения. Много лет спустя, в конце апреля 1980 года, у меня в рабочем кабинете проектного института «Совхозпроект»⁸⁶ раздался телефонный звонок. Звонила женщина.

- «Здравствуйте! Вы Юра Кочаров?»

- «Да, это я.»

- «Я вас хорошо помню по 47-й школе. Вы прекрасно танцевали в паре с Тер-Акоповым. А вот вы меня навряд ли запомнили. Я Лиля Габриелян из 36-й школы. Я, как и вы, часто бывала на наших вечеринках.»

- «Вы знаете, вы глубоко ошибаетесь. Я вас очень хорошо помню. Я тот кто вам однажды написал записку с приглашением на танец не написав свой номер.»

- «Ой, ой, что вы? Так это были вы? Я хорошо помню тот случай. А почему вы не оставили своего номер?»

- «Я тогда был очень робким, и боялся, что вы мне публично откажете.»

- «Ну, что вы! Напрасно, я никогда не была снобом. Я бы вам не отказала.»

Так ли это, теперь трудно сказать, ведь прошло 32 года. Она немножко рассказала о себе, что не закончив ВУЗ она рано вышла замуж, что у неё четверо детей, и что она практически никогда не работала. Звонила Лиля конечно не для того, чтобы предаться воспоминаниям, она попросила меня помочь устроить её младшую дочь на работу.

- «А что же вы сами не зашли?», спросил я её.

- «Ой, что вы. Я сейчас такая страшная, во мне весу около 100 кг и я еле передвигаюсь.»

Вот это да, подумал я. К сожалению мне пришлось отказать «Девушке моей мечты». Дело в том, что к тому моменту я уже написал заявление об уходе. Я ей также объяснил, что образование её дочери не соответствует профилю моей организации, и намекнул на то что климат здесь не очень подходит для людей нашей с ней национальности. Это действительно было так, и это было основной причиной моего увольнения.

К слову, во время моей учёбы в институте, я познакомился с ещё с одной, тоже очень красивой Лилей, по фамилии Тер-Микаелян. И вообще, все Лили которых мне довелось знать были красивыми девушками. Поэтому, когда пришло время выбрать имя для моей дочери, я долго не задумываясь назвал мою красавицу-дочь Лилией.

⁸⁶ Институт «Совхоз проект» занимался проектированием объектов сельского хозяйства

Однако, пора закончить этот экскурс в 80-е и вернуться в эпоху конца 40-х начала 50-х годов.

В то время в городских домах культуры и отдыха и заводских клубах, стали устраивать всевозможные молодежные мероприятия, такие как постановки пьес, эстрадные концерты и балы-маскарады. Многие запомнили с успехом прошедший фестиваль индийских фильмов с участием Радж Капура⁸⁷. Посещения на эти представления было платным или по специальным пригласительным билетам, распределяемым профсоюзами среди своих работников. Эти пригласительные были рассчитаны на вход двух персон, но не все приходили парами. Вот таких одиночек мы с Альбертом или Геней Арутюновым подкарауливали, и вместе с ними входили в клубы. Для нас, неудержимых до развлечений, не было преград. Особенно эффектными были балы-маскарады. Пышно организованные, с великолепно украшенными балльными залами, с фейерверками бенгальских огней, массовиками и неизменными буетами. Интересно было наблюдать за разнообразием и фантазией маскарадных масок и костюмов публики пришедшей на бал-маскарад. Многие приходили в масках и костюмах изготовленными своими руками. На бал-маскарад в Доме культуры моряков, что рядом с Приморским бульваром, я пошёл с Геней, оба в чёрных масках и в костюмах. Я пришёл в образе индийского раджи. Мой костюм состоял из моих повседневных белых брюк, тёмно-синего пиджака от моего костюма и парусиновых туфель. Дополняла мой костюм ослепительно белая чалма сшитая мамой из ткани найденной в запасниках бабушкиного сундука. Благодаря именно этой чалме я был замечен и выбран одним из кандидатов на получение приза за лучший оригинальный маскарадный костюм. По итогам голосования я оказался за чертой призёров, заняв пятое место. Гена пришёл облаченный во взятой напрокат форме царского офицера с эполетами на плечах. Кстати, он ему очень шёл.

Глава 31   Болезнь Деда. Вновь в Мартуни. Новое жильё. Тайна. 1948 - 1949

Ещё годом раньше дед Меликсет стал жаловаться на боли в области живота. Тогда никто не принял это всерьёз, ведь дед был крепким и здоровым мужчиной. В этом же году его болезнь резко обострилась, началась рвота, пропал аппетит и он сильно похудел. Родители отвезли его в Степанакерт на обследование, где местные врачи обнаружили у него рак желудка и метастазы в других органах. Врачи пожаловались, что мы привезли его слишком поздно. Они могли бы его прооперировать, но никакой гарантии того что он переживёт операцию они не

---

⁸⁷ Звезда Боливуда тех лет

давали. По их мнению, даже при самом её благополучном исходе он проживет максимум год, а так без операции он возможно проживёт дольше.

Это неожиданное известие застало нас всех врасплох и сильно опечалило.

Посоветовавшись, мы решили отказаться от операции, а деду сообщить что у него язва желудка, и что её лучше лечить в Баку. Сейчас через много лет вспоминая об этом большом для всех нас горе, я спрашиваю себя, как так получилось, что при наличии в семье двух лучших в районе врачей, болезнь деда не была распознана на ранней стадии?

После нашего с мамой и Ирочкой отъезда в Баку в середине августа, вслед за нами окончательно туда вернулись и бабушка с дедом и Эльмирой. Я могу только догадываться, что неприятный разговор бабушки с тётёй Аник всё же произошёл, но по тому что Эльмира вернулась с бабушкой в Баку, я заключил, что они пришли к какому-то компромиссу. Вот так закончилось наше лето в Мартуни.

Первые месяцы зимы 1949 запомнились необычными для Баку обильными снегопадами. Высота снега достигала до полуметра, а надутые ветром сугробы до двух метров и выше. Частные одноэтажные дома были буквально завалены снегом, виднелись только одни их крыши. Для общения с внешним миром горожанам приходилось откапываться перекидывая тонны снега пробивая дорожки от дома к улице. Снежная красота неузнаваемо изменила облик города. Очень кстати пришёлся мой фотоаппарат «Любитель», приобретённый недавно к Новому Году. Он только появился в продаже, и был самым дешёвым. Черный пластмассовый корпус фотоаппарата представлял собой вертикальный параллелепипед, который вешался на груди на кожаном, опоясанном вокруг шеи ремне. Заправлялся «Любитель» 36 кадровой широкоформатной плёнкой 6 x 6 см.⁸⁸ Мои первые кадры я снял в скверике у Сабунчинского вокзала, и тут же сдал плёнку в фото киоск на проявление. С большим нетерпением ждал я того дня, когда смогу держать в своих руках мои первые фотографии. К моей большой радости, снимки получились отлично, и выглядели как открытки. Хорошее начало вдохновило меня, и я надолго увлёкся фотографией. Купив бачок для проявления плёнок, копировальную рамку, ванночки и нужные химикаты, я начал самостоятельно проявлять фотоплёнки и делать фотоотпечатки. Я много фотографировал и в Баку и в моих поездках в Нагорной Карабах. С этим фотоаппаратом однако у меня связана одна неприятная история о которой я расскажу позже.

Из-за плохого состояния дедушки, в то лето мы решили не ездить к отцу в Мартуни. Однако из-за неприятностей отца на работе из-за его с руководством района мама решила, что в это тяжёлое для него время мы должны быть рядом.

Как обычно, Мартуни встретил нас жарой. За год он совсем не изменился. Те же хорошо знакомые улицы, тот же кягриз, школа где я учился и чуть поодаль от неё

---

⁸⁸ Я помню, что держал его в руках в детстве

МТС.⁸⁹ Дальше следовала мельница с дымовой трубой выпускающей на подобии мыльных пузырей кольца серого дыма, издавая при этом глухой звук – «Бум! Бум! Бум!», слышный по всему селу. Там же тепловая электростанция, снабжающая село электроэнергией. Вот в принципе и весь промышленный потенциал Мартуни тех лет. Между тем, буквально через пару дней мы все заметили, что что-то всё же изменилось, чего-то нам не хватало. Долго думать не пришлось, нам не хватало бабушкиного дома, того островка в котором мы все всегда чувствовали себя как дома.

Ещё до нашего приезда отношения между отцом и тётёй Аник сильно похолодели. Это произошло после того как она вышла замуж за местного мужчину. Мама тоже ополчилась на неё, и сказала что не хочет её больше знать. Под их влиянием и у меня сформировалось негативное отношение к тётё Аник, которое однако скоро изменилось в лучшую сторону. Я понимал как моим родителям и бабушке было не просто принять это решение тётё Аник, но они могли бы быть милосерднее к ней и понять её положение. Более трех лет тётя Аник преданно ждала дядю Манвела с войны, и все эти годы прекрасно и с уважением относилась к родителям мужа, к нам всем, и ко мне в частности. И когда эта молодая, симпатичная и умная женщина решила наконец устроить свою судьбу, мои близкие приняли это в штыки. Аргументировали они это тем, что её избранник был ей не пара. Хотя мы все прекрасно знали, что будь это кто-либо другой, реакция была бы точно такой же. Не в её пользу сыграл и факт того, что она долгое время скрывала существование Нелли.

Нового мужа тётё Аник звали Рубен. Это имя мне ничего не говорило до тех пор, пока отец не указал мне на мужчину беседующего с какой-то женщиной у аптеки. - «Это новый муж Аник. Ты его кстати знаешь.», сказал он мне.

Присмотревшись, я вспомнил его. Как-то года два назад в местном клубе я сыграл с ним пару шахматных партий, одна из которых закончилась моим поражением, а вторую я сумел свести к ничье. Это был высокого роста, приятной наружности мужчина, прилично разговаривающий по-русски. Тогда он правда мне показался несколько самолюбивым и самоуверенным. Отец сказал, что у Рубена умерла от туберкулёза жена, оставив ему сына, ровесника Эльмиры. Не знаю почему, но тогда я почти возненавидел его за то, что он увел из нашей семьи тётю Аник. Я часто с грустью смотрел на тот домик у амбулатории, где ещё недавно мы жили большой дружной семьёй. Не думали мы тогда, что вот так в одночасье близкие люди станут друг другу чужими. Тётя Армик продолжала жить одна, Рубен часто её навещал, но окончательно пока к ней не переехал. Не желая встречаться с тётёй, я перестал заглядывать в амбулаторию, хотя мне этого очень хотелось, так как там работал отец и много людей с которыми я любил общаться.

---

⁸⁹ Машинно-тракторная станция

В то лето Нелли приехала в Мартуни много позже обычного, но её отсутствие компенсировалось моим знакомством с Эдиком Дадаяном, сыном управляющего местным банком. Эдик был на два года старше меня. Он только закончил десятилетку в русской школе в Ереване, и приехал к родителям, чтобы готовиться к поступлению в медицинский институт. Эдик был необычайно вежливым и хорошо воспитанным парнем, но ... со странностями. В его голосе, манере с кокетством разговаривать, мимике было много женского. Больше того, при нём всегда были зеркальце, пудра и расчёска, которые он умело прятал. Тогда я не знал о людях с нетрадиционной ориентацией, и потому особенно не задумывался об его «странностях». Сейчас, много лет спустя, я бы точно подумал, что он голубой.⁹⁰ Но зная, что он женат и имеет троих детей, я признал, что ошибался. Эдик был хорошим собеседником, и мне было очень интересно общаться с ним. Я часто бывал у него в гостях, в квартире его родителей на верхнем этаже двухэтажного дома в центре Мартуни.

Прошло две недели с нашего приезда, когда я увидел распахнутые настежь окна в доме тёти Аник. Это могло означать только одно – приехала Нелля, только она любила это делать. Я был уверен, что она с нетерпением ждёт моего прихода. Ведь помимо меня ей было не с кем общаться. Однако, по известной причине я не торопился с «визитом», хотя ужасно хотел её видеть. Моё странное поведение не на шутку разозлило её, и однажды когда я шагал по хорошо просматриваемой из её окон дороге, и сознательно не смотрел в ту сторону, ко мне подбежали двое мальчишек с гневной запиской от неё. Игра в кошки мышки продолжалась ещё какое-то время, пока мы с Эдиком случайно не столкнулись с тётей Аник у книжного магазина, что был рядом с его домом. Увидев меня тётя подошла к нам, и как ни в чём небывало обняла и поцеловала меня. Со всей своей прямоотой она пожурила меня за то, что я не навещаю Нелли. Она ещё отчитала меня за то, что будучи ещё мальчишкой, лезу во взрослые дела, добавив, что я всё пойму когда вырасту. Она также обратилась к Эдику, семью которого она хорошо знала, и предложила ему вместе со мной навестить Нелли и принять её в нашу компанию. Я конечно прекрасно понимал кому предназначались эти слова, однако в них было решение из щекотливого положения в котором я оказался. Взяв с собой Эдика я отправился к Нелли. Теперь меня никто не сможет упрекнуть в «предательстве», ни родители с бабушкой, ни тётя Аник с Нелли.

Встреча с Неллей была теплой. С нескрываемым смущением мы поговорили о случившемся, и вспомнили хорошие времена проведённые вместе. Правда, во время нашей беседы, меня ни на минуту не покидало чувство того, что я нахожусь в гостях. Без тех дорогих мне людей, которые населяли бабушкин дом, куда я

---

⁹⁰ Гомосексуалист

всегда приходил как к себе домой, ни его дворик, в котором мы с Нелли часто играли, больше никогда не будут мне такими близкими как раньше.

Нелли немного подросла, ей уже исполнилось тринадцать, она закончила 6-й класс. В тот же день мы с ней и Эдиком, составившим нам компанию, пошли в кино. Мы стали чаще проводим время втроём, ходили в кино или просто болтали о всякой всячине. Почему-то Эдик Нелли сразу не понравился. Как-то найдя подходящий момент она упрекнула меня в том, что я всегда прихожу к ней, по её выражению, с этим самовлюблённым типом. Я тогда списал это на её детскую ревность. Эдик, явно почувствовав что-то, и стал под разными предлогами отказываться от наших встреч. Я опять оказался в щекотливом положении, но быстро нашёл приемлемый для меня выход. Я стал ходить в амбулаторию под предлогом навестить отца, а там «случайно» встречал тетю Аник, которая обычно спрашивала меня, навешал ли я Нелли.

-«Зайди к ней, ты же её ангел хранитель.», заманчиво улыбаясь сказала она.

Во второй половине августа отец уехал в командировку в Баку добиваться нового оборудования для больницы. Через три дня, получив разрешение министерства здравоохранения и оплатив покупку, он позвонил в Мартуни и велел отправить к нему больничный грузовик. Узнав об этом, я изрядно соскучившийся по городу, с большим трудом уговорил маму отпустить меня поехать к отцу на этой машине. Водитель грузовика Сурен сообщил мне, что место в кабине уже занято его тёткой с дочерью, которых он везёт в Баку на медицинское обследование, и что мне придётся ехать в кузове. Я согласился, но велел ему ничего матери об этом не говорить. Ранним утром следующего дня, я отправился к больнице, где меня должен был ждать грузовик, и с большим удивлением увидел там тётю Аник и Нелли с маленьким чемоданчиком в руках. Тетя Аник разговаривала с Суреном, прося его купить в Евлахе для Нелли билет, и посадить её на поезд Баку - Тбилиси. Я сразу обратил внимание на то, что Нелли была чем-то расстроена. Забравшись в кузов грузовика, в котором уже сидела 30-летняя племянница Сурена Зоя, и какой-то мужчина едущий в Евлах. Через пару минут мы тронулись в путь. Почти тут же, Нелли начала упрекать меня в том, что я попытался уехать не предупредив и не попрощавшись с ней. Я попытался оправдаться тем, что всё произошло так быстро, что я просто не успел это сделать, и не считал, что это было так важно. Но тщетно. Она продолжала отчитывать меня до самого Евлаха. Из её слов я узнал, что как-только она узнала о моём отъезде, она тут же уговорила мать отправить её домой той же машиной, хотя до её запланированного отъезда ещё оставалось несколько дней. Нелли знала, о том что я больше никогда не вернусь в Мартуни, и хотела попрощаться со мной. К полдню мы добрались до железнодорожной станции Евлах, и остановились на привокзальной площади. До прибытия поезда до Баку оставалось 25 минут.

Мы с Суреном побежали в кассу и успели взять Нелли билет и посадить её на поезд. Прощаясь со мной она прослезилась, и поспешно сунула мне что-то в карман рубашки. Я было потянулся туда, но она не разрешила мне этого делать, тихо произнесла - «Потом. Когда поезд тронется.»

В кармане оказалось небольшое письмо сложенное в гармошку и помещенное в маленький бумажный пакетик.

Глава 32 Арест.

Проводив Нелли мы продолжили наш путь. Трясаясь в кузове грузовика, я долго читал и перечитывал её письмо. Его содержание имело эффект ухвата ледяной воды неожиданно опрокинутого на голову. Письмо было написано корявым почерком и с пропущенными буквами, из чего я сделал вывод, что оно писалось наспех. По всей видимости, Нелли хотела передать мне его ещё в Мартуни, но получив согласие матери на отъезд, решила это сделать в последнюю минуту нашего расставания. Если в начале письма она упрекала меня в тех же грехах, то дальше было ещё круче. Я обвинялся в том, что не заметил как она повзрослела и продолжал относиться к ней как к маленькой девочке. Дальше больше, упрекнув меня в слепоте к её чувству, она призналась в любви ко мне. - «Я тебя люблю.» написала она в колонку, повторив эту строку три раза. Заканчивая своё послание она сообщила мне, что будет ждать от меня писем, и оставила адрес куда писать – Тбилиси, Авлабар до востребования и номер почтового отделения. Содержание этого письма стало для меня совершенной неожиданностью, ведь я всегда видел в Нелли одну из моих сестёр и не более того. Наверное она была права, я был слеп и бесчувственным, а скорей всего я просто ещё не дорос до таких чувств. Не зря говорят, что девочки взрослеют раньше ребят. Хотя я дружил с многими девочками, моё первое чувство любви я испытал много позже в студенческие годы к моей будущей жене Ире. Тогда я тому письму не придавал особого внимания. Мало ли что придёт в голову маленькой девочке поддавшейся эмоциям? Лишь годы спустя, я понял, как я глубоко ошибался.

Под впечатлением прочитанного я не заметил как мы проехали 12 км и остановились возле автомобильного моста через реку Кура. Остановка была вынужденной так как нам встречу по мосту шла большая отара овец и коз. Мы остановились справа от дороги в тени большого чинара. Воспользовавшись продолжительной паузой, мы стали с любопытством разглядывать окружающий нас пейзаж. Слева в метрах в 300-х от нас возвышался железнодорожный мост по которому совсем недавно проехал поезд на Тбилиси. Тот самый на котором уехала Нелли. Отара на автомобильном мосту добралась только до его середины, и у меня ещё было время снять понравившийся мне пейзаж. В объективе

фотоаппарата на переднем плане большой выкрашенный в оранжевый железнодорожный мост на фоне зелёной глади Куры и могучих чинар растущих вдоль её берегов. Я достал из сумки свой «Любитель», и уже приготовился прямо с кузова произвести несколько снимков, как вдруг, как из-под земли, появились два вооружённых солдата. Они забрались ко мне в кузов, отобрали у меня фотоаппарат, и схватив за плечи опустили меня на землю.

-«Что ты собирался снимать на камеру?»- строго спросил один из них.

Я по наивности своей хотел было сказать, что собирался сфотографировать мост, как тут неожиданно раздался голос всю дорогу молчавшей Зои.

- «Это он хотел меня сфотографировать.», храбро произнесла она.

Видимо это не очень убедило солдат, потому что они потащили меня под мост в их КПП⁹¹. Вслед за мной повели Зою и Сурена, который сидел в машине и не был в курсе происходящего. В КПП Зоя ещё раз, но уже письменно подтвердила свои показания. Сурен рассказал куда и зачем он едет в Баку, и показал свой путевой лист. Записав данные обоих, марку и номер машины, их отпустили. Поначалу, когда Сурен объяснил военным кто я такой и что я постоянно живу в Баку, меня собирались выпустить. Однако когда выяснилось, что у меня нет с собой паспорта, отношение ко мне резко изменилось. Солдаты решили меня задержать до установления моей личности. Ими был тут же составлен акт о моём задержании, примерно следующего содержания:

- «Нами 21 августа 1949 года был задержан гражданин назвавшийся Кочаровым Юрием Ашотовичем. С его слов он 1932 года рождения, и является учеником 9 класса по месту прописки в г. Баку. Документов подтверждающих личность у задержанного отсутствовали. Задержание произошло у поста № XXX во время попытки сфотографировать ж/д мост через р. Кура с кузова грузовой машины с государственным номером № XXX, управляемым водителем Улубабовым С. В. По словам задержанного, он собирался сфотографировать гражданку Григорян З. Р. Фотоаппарат задержанного был изъят до выяснения обстоятельств происшествия, и установлении личности подозреваемого.»

Закончив писать, солдаты объявили, что машина с пассажирами обладающими паспортами может продолжить свой путь, а вот мне придется задержаться. Было решено отправить меня обратно в Евлах в отделение Ж/Д милиции для разбирательства. Меня доставили в отделение, которое находилось на ж/д вокзале станции Евлах. В небольшой приёмной за столом сидел старшина-азербайджанец, плохо говоривший по-русски. Мои провожатые, а это были те же два солдата, ввели сержанта в курс моего дела, сдали меня и мой «Любитель» ему под подпись, и удалились. Оставшись со мной наедине старшина, которого звали Махмуд, попросил меня подробно рассказать о случившемся. Выслушав мой

⁹¹ Командно-пропускной пункт.

рассказ он на ужасном русском спросил -«*Ада*,⁹² ты такой маладой, а шпион? Какой гасударств ты работыш?» Тут я понял, что мои объяснения были напрасной тратой времени, сержант и впрямь принимал меня за шпиона. Правда возможно у него и были основания на это. Дело в том, что в этой провинциальной глуши мой внешний вид в легкой летней шляпе на налысо выбритой голове, в не по возрасту, отращенных мною для солидности, усах, я мог в глазах этого малограмотного сержанта при небольшом его воображении запросто сойти за шпиона. Главной уликой конечно была шляпа. В то время в СССР шляпу носил только один человек – министр иностранных дел В.М.Молотов. Тогда это считалось буржуазным аксессуаром, и хотя запрета на их ношение не было, редко кто осмеливался их носить. Позвонив своему начальнику и доложив обо мне он, как я понял, получил от него какое-то указание. Закончив разговор он тут же велел мне снять ремень, шляпу, часы, вынуть из карманов всё содержимое, и всё это положить ему на стол. Поняв, что мне сегодня грозит не ночевать в своей кровати, я совершенно неожиданно для себя, обращаясь к сержанту смело потребовал срочной встречи с начальником отделения. Больше всего меня волновало то, что Сурен без меня не уедет, и отец будет волноваться и переживать за меня. Невозмутимый Махмуд в это время спокойно напевал себе под нос *мугам*,⁹³ чем ещё больше раздражал меня. Заметив это он сказал - «Слуши ты зачем валнавал? Начальник партсобрани. Завтра буда. Иды кшетка отдахай.», и велел своему подчинённому сопроводить меня в «кутузку»⁹⁴ Спускаясь по лестнице в подвал где находилась моя камера я увидел Сурена. Я успел сказать ему, что меня сегодня не отпустят, и чтобы он ехал в Баку, так как отец находясь там в неизвестности будет переживать.

- «Поздно уже ехать, завтра с утра тронемся. Ты не переживай, я сейчас пойду на почту позвоню в Мартуни и сообщу им о случившемся.», ответил Сурен. Затем он быстро сбегал в буфет, и вернулся с бутербродом с сыром и бутылкой лимонада и передал их для меня. КПЗ в которую меня разместили было всего примерно около 8 квадратных метров, с двумя малюсенькими окошками в решётках, выходящими на платформу станции на уровне её перрона.

---

⁹² Эй ты (аз)

⁹³ Азербайджанская фольклорная музыка.

⁹⁴ Тюрьма, арестантская камера (рус).

Глава 33 «Сижу за решёткой в темнице сырой...»⁹⁵

В камере стояла невыносимая вонь исходящая из большой металлической бочки почти заполненной парашей. По обе стены камеры стояли голые деревянные лежаки, которые Махмуд называл «кшетка»⁹⁶. Единственной отдушиной были окна. Я их тут же распахнул, и уткнувшись носом в решетку дышал «свежим» перронным воздухом. Окна удобно располагались на уровне моего подбородка, и мне было нетрудно стоять у них часами наблюдая за происходящим на перроне. За время моего пребывания в КПЗ я успел понаблюдать не за одним десятком ног, за прибытием и движением проходящих поездов и формированием грузовых составов. Это помогало мне отвлечься от грустных мыслей о том, как мне опять удалось вляпаться в неприятную историю, о наверное уже переживающими за меня отце и матери и о ночующих под открытым небом в кузове грузовика моих попутчиков. Было за полночь, когда на станцию прибыл очередной пассажирский состав. Через несколько минут после его отправления, в камеру втокнули загоревшего русского парня лет 25. Из одежды на нём были одни трусы и майка. По его словам, его поймали при попытке украсть чужой чемодан. Узнав за что меня задержали, он посчитал моё обвинение смехотворным:

-«Вот тупые, война давно уже кончилась, а они до сих пор охраняют мосты.

Что с ними случится если кто-нибудь их сфотографируют?»

Заснув только под утро, я был скоро разбужен Суреном, кричавшим меня в окошко с платформы. Он пришёл сообщить, что ему удалось дозвониться до тётки Аник, и сегодня утром за мной приедут, и что он теперь может ехать дальше.

- «Ты не беспокойся, всё будет хорошо, тебя выпустят.», подбодрил меня Сурен. Я попрощался с этим хорошим и отзывчивым человеком. Больше я его никогда не видел.

Около 9 утра за мной пришёл милиционер, и повёл меня наверх. За столом вместо Махмуда сидел уже другой старшина, русский по национальности. Ничего не спрашивая, он сообщил мне, что меня поведут в городской отдел милиции к майору Ефремову, и предупредил чтобы по дороге я вёл себя смирно. Вернув мне всё, за исключением фотоаппарата, он поручил меня двум милиционерам. Один из них взял меня справа под руку, второй, что нёс мой «Любитель», попытался сделать тоже грубо схватив меня слева за ещё не зажившую руку. Жгучая боль пронзила меня, и я так же грубо оттолкнул его от себя. Через несколько минут в сопровождении двух милиционеров я топал по центральной улице города, являющейся частью автотрассы Евлах – Агдам. Причем, вели меня не по тенистому тротуару, а словно на показ прямо по центру дороги.

⁹⁵ Строка из стихотворения АС Пушкина «Узник».

⁹⁶ Имелось в виду кушетка.

«Чёрт, они действительно принимают меня за шпиона.»- подумал я. Прохожие и зеваки с любопытством наблюдали за двумя милиционерами сопровождающих улыбающегося молодого юношу в шляпе.

Отделение милиции располагалось в 2-этажном здании на улице примыкающей слева к дороге по которой меня вели. Майор Ефремов встретил меня очень вежливо, и не перебивая внимательно выслушал. Я повторил ему свою версию произошедшего, в котором главным пунктом моей защиты было утверждение, что объектом моего фотографирования была Зоя, а не мост. Я также сообщил ему, что мой паспорт должны скоро подвезти.

- «Мы проявим твою фотоплёнку и если на ней нет моста, то ты будешь отпущен. Ну, а если там все-таки будет мост, то ты брат уж пеняй на себя, потому что у тебя будут большие проблемы. А пока будут проявлять плёнку, тебе придётся подождать у нас на базе.», сказал майор, выслушав, мой рассказ.

Надо сказать, что он по-человечески отнёсся ко мне, и как мне кажется, поверил мне. На базу, которая располагалась на противоположной от отделения стороне улицы, меня повёл уже совершенно другой милиционер. Так называемая база представляла собой обыкновенный тюремный двор, по периметру которого были расположены камеры с решётками. Мой сопровождающий провёл меня через большие железные ворота во двор, и поручил охране не выпускать меня.

Я был предоставлен самому себе, мог свободно перемещаться по тюремному двору, а когда уставал, садился на стоящий у ворот табурет охранника. У меня сложилось впечатление, что охранник побаивался меня, «шпиона». Проходя мимо открытого окна кабинета в одноэтажном здании у ворот, я невольно услышал как кто-то пытался дозвониться до Мартуни - «Мартуни, Мартуни, отвечай Евлаху. Мартуни, Мартуни, отвечай Евлаху. Мартуни, Мартуни, отвечай Евлаху.» Вскоре, видимо не дозвонившись, голос умолк. Мне показалось, что это был майор пытающийся проверить мою личность в местном отделении Мартуни. Часа через два за мной вернулся тот же милиционер, и отвёл в кабинет Ефремова. По лицу майора я понял, что мои дела не плохи, и оказался прав. Он тут же сообщил, что на пленке не было кадров с мостом, и что моя личность была подтверждена 9-м отделением милиции Баку.

- «Так что парень ты свободен, забирай свой фотоаппарат и можешь идти. И будь в будущем осторожен.»- попрощался со мной майор.

Поблагодарив его, я пошёл к ж/д вокзалу, зная что именно туда за мной приедут. Не успев до него дойти, я заметил промчавшуюся было мимо меня знакомую мне машину скорой помощи, которая резко остановилась. В машине сидела мама, я уселся рядом с ней, и мы, развернувшись, помчалась в Мартуни. По пути я конечно получил от мамы свою порцию нагоняя.

Так благополучно закончился ещё один эпизод из моей жизни.

Через три дня отец вернулся с медоборудованием, а ещё через три мама, Ирочка и я уже садились в поезд Ереван - Баку на станции Горадиз. В 1951 году отец окончательно завершил свою работу в Мартуни, и вернулся в Баку. Ещё раньше туда переехала тётя Аник со своим мужем, где они жили в съёмной квартире. Рубен работал прорабом где-то на стройке, а тётя Аник устроилась на работу в поликлиники на Монтино.⁹⁷ Ещё до кончины деда Мелексета в феврале 1951 года, тётя забрала Эльмиру у бабушки, тем самым окончательно порвав все отношения с нашей семьёй. Со временем они приобрели квартиру там же на Монтино, и собрали вместе всю семью, забрав Нелли из Тбилиси и сына Рубена от первой жены Камо из Мартуни.

Глава 34 Остап Бендер Отдыхает.

Ещё накануне моего отъезда в Баку с Суреном, молодой врач Адамян Гурген, проживающий в Мартуни недалеко от нас и с которым я был в хороших отношениях, узнав о том, что я собираюсь в Баку, попросил передать письмо брату проживающему в Баку, добавив что передать надо обязательно лично в руки. Так как с доставкой письма произошла задержка из-за моей «шпионской» истории, я уже на первый день после нашего возвращения в Баку отправился по адресу брата Гургена. Сетрак, так его звали, жил в одном из пятиэтажных домов-близнецов по улице имени 28 Апреля,⁹⁸ недалеко от кинотеатра Низами. Наверное сотню раз я раньше проходил по этой улице, но никогда не обращал внимания на эти два великолепных дома стоящих на против друг друга.

Дома были ещё были дореволюционной⁹⁹ постройки и выделялись своим оригинальным архитектурным решением. Сетрак проживал на 3-м этаже дома, стоявшего по левую стороны улицы. Он принял меня хорошо, немного засуетился предлагая мне чай. Сетрак был в квартире один, и я спокойно передал ему письмо от брата. Он не стал читать его в гостиной, и пригласил меня в свой кабинет. Наблюдая за тем как изменялось выражение его лица пока он читал письмо, я понял, что он был не очень доволен прочитанным. В письме, по-видимому, было упоминание об отце и мне, потому что Сетрак повернулся ко мне и произнёс – «Так ты Енока племянник? Я ведь хорошо знаю его, мы с ним давние друзья.» Сетрак в отличие от брата был более общителен, много шутил и расспрашивал о том да сём. Из разговора с ним я понял, что он работал директором средней

⁹⁷ Рабочий посёлок в пригороде Баку

⁹⁸ Дата установления Советской власти в Азербайджане

⁹⁹ Октябрьская революция 1917 года

школы в пригородном посёлке Романы. Выполнив моё обещание Гургену, я вскоре попрощался с Сетраком и удалился.

Прошло больше года с той встречи, когда при обстоятельствах о которых я собираюсь сейчас рассказать, я вспомнил о Сетраке. Мы с Альбертом продолжали дружить, и, как и прежде предавались прежним развлечениям. Между тем скоро пришло время, конце 9-го класса, когда нам надо было подумать о наших планах на будущее. Ну а если быть точным, нам было пора выбирать ВУЗ, в который мы хотели бы поступить. Выбор ВУЗа было не самой сложной задачей, а вот получить хороший аттестат зрелости по окончании школы было задачей более на много сложнее. При поступлении в ВУЗ итоговый проходной балл включал в себя и средний балл аттестата, а он для нас был нашей Ахиллесовой пятой. Наше более серьёзное отношение к учёбе дало некоторые результаты, но мы сомневались, что они были достаточными. Поэтому мы с Альбертом решили, что нам надо срочно что-то предпринять. Мы пришли к двум вариантам решения этой проблемы: Вариант 1-й – После окончания 9 класса, мы переводимся в вечернюю школу, где как говорят легче получать хорошие оценки. Для поступления в неё нам было необходимо предоставить справки с места жительства и работы.

Вариант 2-й – После окончания 9 класса мы продолжаем учёбу в нашей школе, но подготовив липовые документы «переводимся» в вечернюю школу. Далее всё как по первому варианту.

Таким образом в случае успеха, мы будем учиться в двух школах одновременно и иметь возможность выбрать лучший аттестат для предоставления в приёмную комиссию ВУЗа. Первый вариант выглядел более предпочтительным, так как требовал изготовление только одной липовой справки, справки с места работы. Однако этот вариант имел один большой недостаток, из-за низкого уровня обучения в вечерних школах они не давали необходимых для сдачи экзаменов знаний. Взвесив все за и против, мы решили остановиться на втором варианте. Ко всему прочему, от него веяло заманчивой романтикой приключений и авантюризма. Удача в нашем предприятии сулила нам увеличением шансов на поступление в ВУЗ. Вступив на стезю Великого комбинатора товарища Бендера, мы принялись за дело. Всю криминальную работу по изготовлению нужных нам документов взял на себя Альберт, оказавшийся ювелиром по части подделки почерков, подписей и изготовления печатей и штампов. В мою же задачу входила добыча чистых бланков табеля успеваемости. Забегая вперёд скажу, что мы оба отлично с этим справились.

Ломая голову над тем где достать нужный мне бланк, я вспомнил о своей встрече с Сетраком. Я тогда хорошо запомнил, что он работал директором средней школы. Так кто же как ни он сможет мне помочь? В один прекрасный августовский день я сел на электричку и отправился в Романы, и скоро оказался в кабинете директора школы. Сетрак был страшно удивлён моему неожиданному появлению, он на

минуту подумал, что что-то случилось с его братом, но увидев моё улыбающееся лицо, успокоился и радушно меня принял. Я не стал тянуть со своим делом, и тут же откровенно выложил ему цель своего визита. Удручённый услышанным, Сетрак начал отговаривать меня от задуманного:

- «Юрик, это же настоящий подлог. Вас разоблачат и у вас будут крупные неприятности. Ты хоть знаешь, что бланки табеля являются на строгом учёте и я головой отвечаю за их сохранность?»

После таких его слов я встал и произнёс:

- «Дядя Сетрак, я извиняюсь, что осмелился вас просить об этом.», и заторопился уходить.

- «Ты куда? Ты меня не понял. Я с симпатией отношусь, к таким как ты, смелым и предприимчивым. Да и что я скажу Еноку? Что отказал ему племяннику?»

Сказав это Сетрак подошёл к сейфу и вынув из него две копии нужного мне бланка и протянул их мне:

- «Возьми Юра-джан, но помни - я тебе ничего не давал, и вообще мы не знакомы.

Ты понял?» - всё это он повторил ещё раз на армянском. Я хорошо отдавал себе отчёт, что своей просьбой я подвергаю Сетрака риску.

- «Да я понял дядя Сетрак. Будьте спокойны я вас знать не знаю, и тем более мой товарищ, за которого я полностью ручаюсь.»

Сетрак остался доволен моим ответом и мы с ним попрощались так же тепло, как и встретились. На прощание я попросил его не рассказывать дяде Еноку о моём приходе. Он пообещал и сдержал своё слово.

Серьёзно взявшись за нашу учёбу, мы с Альбертом добились значительных успехов в сдаче экзаменов за 9-й класс. Однако речи о том, чтобы отказаться от задуманного не было, это было не в наших правилах. Мы перешли свой Рубикон. Взяв за основу наши табеля успеваемости за 9-й класс, мы приступили к важной части нашего плана – выставлению отметок в липовые табеля. Но прежде чем приступить к этому, нужно было придать им устаревший вид, что бы они не вызывали сомнений своей новизной. Для этого мы слегка помяли и замарали их. Для снятия копии печати с оригинала, Альберт использовал хорошо известную технологию подделки печатей при помощи сваренных в крутую яиц. Для того чтобы печать получилась четкой, мы под предлогом записи в республиканскую библиотеку имени М. Ф. Ахундова, взяли в школе справки с места учёбы со свежими печатями. Помимо табеля для поступления в вечернюю школу требовалась ещё и справка с места работы. С этим мы справились без особых трудностей. В 188 квартале по соседству с Альбертом проживал его хороший знакомый, который работал механической мастерской на нефтепромысле «Лениннефть» помощником слесаря по ремонту редукторов. Это была идеальная для нашего с Альбертом прикрытия работа. По нашей просьбе он взял для нас справку с места работы. Отпечатав в школе такие же справки, но с нашими

именами, мы стали работниками той же мастерской, не имея даже понятия о её месторасположении.

Наступил черед Альберта показать на что он способен. С только что сваренных в крутую четырех яиц, он поочередно удалял скорлупу, и приложив тупоконечную сторону яйца к оригиналам печати, переносил их на липовые бланки. Таким образом он приложил печати на два документа для каждого из нас. Если печать получалась с небольшими помарками, то он поправлял их так, что как говорится, «комар носа не подточить».

За неделю до начала нового учебного года, с требуемыми документами на руках, набравшись смелости и наглости решились преступить к завершающей стадии нашей авантюры - подачи документов в вечернюю школу. Надо было только ещё решить в какую именно школу их подавать. Из-за боязни быть вычисленными, мы сразу же отбросили городские школы, решив что лучше выбрать школу за чертой города, в так называемой зоне «Большого Баку». Наш выбор упал на северо-восток Апшеронского полуострова, где находилось много рабочих посёлков нефтяников. Следуя принципам глубокой конспирации и для уменьшения рисков быть пойманными, мы приняли решение подавать документы в разные школы. Из многочисленных посёлков в этой зоне мы остановили свой выбор на менее отдалённых от города посёлках Степана Разина и Сабунчи. Кому в какую школу поступать мы решили определить при помощи жребия. Я вытянул посёлок Разина, Альберту соответственно достался более крупный Сабунчи. Оба посёлка располагались на расстоянии нескольких километров друг о друга по одной линии первой в СССР электрифицированной железной дороге, открытой в 1926 году, и известной в народе как Сабунчинская электричка. Сдавать документы мы отправились вместе. От Сабунчинского вокзала до станции Разина было около 15 минут, я сошёл там. Следующей была остановка Альберта. На станции Разина я неоднократно бывал раньше, приезжая на стадион «Разина», смотреть матчи первенства СССР по футболу. Школу я нашёл без труда, так как она располагалась недалеко от станции. Директор школы, проверив мои документы спросил:

- «А что вас вынудило менять школу в последний год учёбы?»
- «Из-за моего материального положения я был вынужден пойти работать. Мне удалось найти работу неподалёку от сюда в цеху управления «Лениннефть» и ваша школа меня даже очень устраивает.» - недолго думая ответил я.
- «Ну хорошо. Напишите заявление, и мы вас зачислим.»», завершил свой «допрос» директор. Я быстренько написал заявление, и в этот же день был оформлен на учёбу. Зачисление в школу у Альберта также произошло без проволочек. Мы были рады, что наш план сработал.

Наступил сентябрь 1950 года, начало нового учебного года. Я шёл в школу с волнением не столько о том, как пройдёт мой первый день в моей дневной школе,

а о том как меня примут в новой вечерней школе, куда мне нужно будет явиться в тот же день к 6 вечера.

После четырёх уроков, напомним что я учился во второй смене, я помчался домой, успел пообедать, и сказав маме, что иду к товарищу, побежал к трамвайной остановке. Мама привыкла, что я всё время убегал из дома по вечерам к друзьям или на танцы, поэтому мои вечерние отлучки в школу не стали для неё чем-то неожиданным. Через минут 30–40 я уже сидел в электричке до станции Разина и успел в класс на начало урока. На моё удивление в классе, это был урок физики, присутствовало всего человек 15, и все они были много старше меня по возрасту. В те дни когда у меня было по 5 уроков в дневной школе, я успевал в вечернюю с большим трудом. В дни же с шестью уроками я естественно опаздывал и мне приходилось выкручиваться, то сбегая с шестого урока, то пропуская первый урок в вечерней школе. Через какое-то время мы с Альбертом привыкли к нашим ежедневным поездкам, и они для нас стали рутинным. Учёба в вечерней школе только требовала затрат времени, которое я раньше тратил на вечеринки и гулянки. Школьная программа в обеих школах была одна, и я продолжал заниматься по утрам в том же ритме, как и раньше. Между тем, первая четверть подходила к концу, и мы с Альбертом подвели предварительные итоги нашего параллельного обучения. У обоих они были почти одинаковые - успеваемость в дневной школе улучшилась до в основном только четверок и нескольких пятёрок. В вечерней же школе, у нас были сплошные пятёрки. Одним словом, всё у нас шло по задуманному. В начале ноября 1950 года отец взял двухмесячный отпуск и вернулся домой. Это был его последний приезд до его окончательного возвращения в Баку в январе 1951 года.

Мне хорошо запомнилось, как в один прекрасный день, он вернулся из города с покупкой завернутой в бумагу.

- «Это тебе», сказал он и обернувшись к маме хитро подмигнув добавил - «И мне» В бумаге был завернутый рулон красивой серой ткани на два костюма.

- «Это тебе на выпускной вечер в школе.»- уточнил отец.

Вскоре в одной из лучших швейной мастерской города на улице 28 Апреля нам с отцом сшили одинаковые, демисезонные, однобортные костюма неформального стиля. Портные постарались, костюмы были отлично подогнаны под нас и сшиты великолепно.

Привычный ритм моей жизни неожиданно нарушился, когда утром 13 ноября, нам в дверь позвонил посыльный, и вручил маме какой-то документ под подпись. Толком не разобравшись, что это за документ, она расписалась в его получение. В этот день папа с утра пошёл на рынок, а я занимался в своей комнате и не отреагировал на звонок в дверь. Через пару минут мама зашла ко мне и в недоумении протянула мне листок бумаги - «Юрик, посмотри, что тут написано. Какая-то прокуратура...? Я ничего не понимаю.» Это было извещение из

прокуратуры. Прочитав его несколько раз, я был в шоке. Что бы как-то успокоить мать, я ей сказал, что это какая-то ерунда и что придёт отец и разберётся. Ниже я привожу по памяти приблизительное содержание извещения адресованное моему отцу:

-«Вам подлежит явиться в районную прокуратуру к следователю Махмудову во Вторник 14 ноября 1950 года ...по поводу поступка вашего сына Юрия. Явка обязательна.»

Тогда, успокаивая мать, я сам толком не понимал о каком моём проступке идёт речь, ведь я не совершал ничего предосудительного. Я был уверен, что это была какая-то ошибка, и с нетерпением ждал прихода отца. Узнав о новости, тот не стал драматизировать ситуацию, и велел нам всем успокоиться, мол утро вечера мудреней, завтра разберёмся. Но мать было не так-то просто успокоить, она была уверена, что я что-то натворил и не хочу в этом признаться.

- «Где ты пропадаешь каждый вечер? Признайся отцу.»

Только после этих слов, я заподозрил, что появление извещения в нашем доме было не случайным. Однако не далее как в прошлую пятницу я был в школе, и ничего не обычного там не заметил. Я решил преждевременно не раскрываться, и подождать до завтра, рассчитывая на известное «авось пронесет».

На утро мы все собрались идти в прокуратуру, но отец велел мне остаться и присмотреть за Ирочкой после её возвращения со школы. Вернулись родители перед самым моим уходом в школу. На все мои попытки узнать как прошла беседа в прокуратуре, я получал один ответ - «Придешь со школы, поговорим.» С одной стороны может это и к лучшему, пока я вернусь со школы у родителей будет время поостыть. Весь день я просидел в школе как на иголках, перебирая различные версии причины моего вызова в прокуратуру. Чем больше я думал об этом, тем больше убеждался, что это связано с вечерней школой. Я решил пока не сообщать Альберту о своих подозрениях. К моему приятному удивлению ожидаемого домашнего «шторма» не произошло. Я сел и не торопясь пообедал, понимая что мне уже некуда торопиться. Увидев моё спокойствие отец спросил -«А разве ты не опаздываешь в школу?» Я всё понял. Отпирается больше не было смысла, и я всё как на духу им выложил. Родители пожурили меня немножко, а отец назвал наш поступок донкихотством. Затем они рассказали мне о своём визите в прокуратуру. Следователь Махмудов оказался довольно дряхлым, и не по возрасту настырным старичком, устройшим моим родителям настоящий форменный допрос. Он не объяснив причины вызова, стал задавать им наводящие вопросы обо мне. Я был больше чем уверен, что отвечать пришлось в основном маме, так как отец большую часть времени отсутствовал, и не был в курсе моей школьной жизни. Он даже не знал в какой школе я учился и где она расположена. Махмудова интересовало когда я возвращаюсь со школы и чем я занимался после неё, в какое время дня я занимался, удовлетворены ли мои родители своим

материальным положением и далее в том же духе. Ответив на все его вопросы, мама раздражённо парировала:

- «К чему эти вопросы о нашем материальном положении? В чём наш сын провинился? Можно яснее выразиться. Прошу вас.»

- «Куда еще яснее? Яснее не бывает. Ваш сын совершил наказуемое преступление. Сфабриковав фальшивые документы, он умудрился учиться сразу в двух школах одновременно.»

Услышанное привело маму в шок. Ни она ни отец не могли поверить, что я на это способен. Далее следователь достал все сфабрикованные мною документы и показал их моим родителям.

- «Вот смотрите. В соответствии этой справки с места работы, ваш сын работает в механической мастерской объединения «Леннефть». Мы позвонили туда и нам ответили, что у них не работает человек с таким именем. Кто выдал вашему сыну, эту справку нам ещё предстоит выяснить. Как только я это выясню, я передам дело вашего сына в суд.»

Тут матери стало совсем плохо, и отец видя её такое состояние попросил её выйти. Оставшись наедине со следователем, он как опытный переговорщик напомнил тому, что его сын ещё несовершеннолетний и поэтому ему ничего серьезного не может грозить. Сказав это, он достал из кармана 500 рублёвую купюру и протянул следователю - «Тебе нужно уничтожить при мне все документы, и закрыть это дело.» 500 рублей в те времена были очень хорошими деньгами, и поэтому все условия отца были безоговорочно выполнены. Хочу заметить, что у следователя подлинность документов не вызывало сомнений, и он даже вернул мой липовый табель успеваемости родителям думаю, приняв его за настоящий. Это был большой реверанс мастерству Альберту. На следующий день я сообщил ему о случившемся, и осыпал его комплиментами за его мастерство. Тем не менее через неделю он забрал свои документы из вечерней школы. Мы долго разбирались в причине моего провала. Вспомнив кое-что, я пришёл к выводу, что на меня должно быть доложил знакомый мне сосед по двору, одноглазый учитель-армянин, живущий в Малом дворе, примыкающим к нашему Большому двору. Он работал по вечерам, преподавая математику в младших классах. Однажды садясь в переполненную электричку, я заметил его седую голову в толпе пассажиров. Когда он сошёл на одной со мной остановке, я решил за ним проследить. К моему удивлению он пришёл в мою школу. Так я узнал, что он преподавал математику в моей школе, и стал избегать с ним встреч. Однако, я мог и засветиться. Не имея прямых доказательств, я посчитал нужным продолжать избегать с ним встреч.

Вот так закончилась очередная история из моего детства.

Глава 35 Прощай Детство. Да Здравствует Юность.

Подошёл к концу последний год моей учёбе в школе. Пришло время выпускных экзаменов, которые я сдал более чем успешно, на четверки и пятёрки. Позади остался большой и наполненный множеством событий и впечатлений первый отрезок моей жизни, Детство. Впереди была Юность, в которую я очень торопился попасть. То лето было для меня напряжённым, за выпускными экзаменами, после небольшого перерыва последовали трудные вступительные экзамены в ВУЗ. Я долго выбирал себе будущую специальность, и ВУЗ в который мне нужно было поступать. Тогда уже, конечно не в таком количестве, как сейчас, печаталось множество справочников для поступающих, из которых можно было получить информацию обо всех ВУЗах страны. Многие из русскоговорящих абитуриентов рассматривали варианты поступления в иногородние ВУЗы. К этому их в какой-то мере подталкивали слухи о том, что преимущество в поступлении будет отдано представителям коренной национальности, или так называемым местным кадрам. И хотя это оказалось неправдой, слухи всё-таки сыграли какую-то роль в выборе определённого числа русскоговорящих абитуриентов ехать поступать в Москву и другие города Союза. Передо мной стояла та же дилемма - поступать в один из шести бакинских ВУЗов с русским сектором преподавание, или идти по стопам уезжающих. С Баку меня связывало очень многое, и я предпочитал остаться продолжить учёбу здесь. Однако, слухи сделали своё дело, и боязнь того, что в случае непоступления потерять год учёбы, а может и больше, если буду призван в армию, заставило меня отправиться в Ереване. В моих планах было подача документов в Ереванский Политехнический Институт на факультет «Гидротехнические Сооружения» - единственный факультет, где преподавание велось и на русском.

Это был мой первый выезд за пределы Азербайджана. До Еревана я добирался поездом. Маршрут Баку – Ереван проходил через живописные места, в большей его части вдоль реки Аракс. Сначала дорога шла буквально в нескольких метрах от реки, за которой уже начинались сначала Иран, а затем Турция. Интересно, что граница охранялась только с нашей стороны. Железнодорожная колея пересекла границу через узкую полосу Армении у станции Мегри, снова въехала в Азербайджан, чтобы опят, на этот раз окончательно, въехать в Армению.

Перед отъездом в Ереван бабушка с матерью, по обычаю, напекли мне в дорогу всякую вкусную всячину для передачи в качестве гостинцев, то ли бабушкиным родственникам, то ли её знакомым у которых я должен был остановиться. Это была большая семья из шести человек, которая меня очень хорошо встретила. В первый же день мы все с удовольствием пили чай с привезенной мною выпечкой.

На следующий день поутру я отправился в институт, где меня ждало большое разочарование. Как выяснилось, при издании справочника, издатели «забыли» упомянуть, что обучение на русском преподавалось только в вечернюю смену. Это меня не устраивало, и я отправился назад в Баку на следующий день дневным поездом. Надо сказать, что тогдашний Ереван, за исключением построенных в современное время площади Ленина и Оперного театра Спендиарова, мне в основном совершенно не понравился. По крайней мере из того, что я успел увидеть, он показался мне серым, угрюмым и мрачноватым. Не понравился мне и весь выполненный из бетона Политехнический институт. Город явно уступал Баку в своём городском развитии. Для этого у него правда были веские основания, в первую очередь это его дореволюционное прошлое захолустного городка с подавляющим тюркским населением, и конечно история всей страны как таковой. Баку же, будучи индустриальным и многонациональным городом, благодаря инвестициям ещё в дореволюционное время, был развит много лучше. Ни в коей мере не умаляя роли других, но только одни бакинские армяне, в лице их успешных нефтепромышленников, предпринимателей, меценатов купцов, коммерсантов, интеллигенции и мастеровых, внесли значительный вклад в развития города. Об этом говорят десятки зданий театров, банков, церквей, учебных заведений построенных по всему городу армянскими руками и на армянские деньги.

Несмотря на неудачу с моим поступлением, я всё же остался доволен своей поездкой, потому что она позволила мне увидеть и узнать много интересного о моей исторической родине. Почему я выбрал Ереван? Зов предков? Нет конечно. Я всегда хотел стать гидротехником и строить гидроэлектростанции и другие гидротехнические сооружения, такие например как тоннели. В то время это была одной из самых перспективных специальностей затребованной по всей стране. Эта специальности была овеяна патриотизмом и романтикой идеи строительства коммунизма в нашей стране, в который я по молодости верили. В стране тогда строилось множество крупных гидроэлектростанций и гидротехнических сооружений на таких реках как Волга, Днепр, Ангара и Енисей. Страна нуждалась в молодых кадрах, и я мечтал внести свой вклад в наше общее дело. Ради этого я был готов пожертвовать своею мечтой стать архитектором. Ну а Ереван, потому что он был ближе, и у нас там были родственники и знакомые.

Во вновь созданном в прошлом году в Баку Азербайджанском Политехническом Институте на базе Института Нефти и Химии, было отделение Гидротехники при Гидромелиоративном факультете. И хотя меня смущала мелиорационная часть этой специализации, я не видя альтернативы подал на него документы, и успешно сдав экзамены был зачислен на первый курс.

Наверное с этого момента наступила моя юность.

Конец напечатанных листов

Глава 36

Закончив школу, я в 1951 году поступил в Азербайджанский Политехнический институт. Годы учебы в нём были самыми счастливыми в моей жизни. Каждый год мы ездили на практику в разные города Союза, привозя с собой массу впечатлений.

В институте я впервые познал любовь, влюбившись в мою будущую супругу, однокурсницу Ирину Бабаеву, с которой неразлучен по сей день. Свадьба наша состоялась в Феврале 1956 года. 14 января 1957 года мы оба защитили диплом и стали инженерами гражданского и промышленного строительства.

А через два дня я стал отцом, 16 января Ира родила мне нашего первенца, которого я назвал Серёжей.

Получив на руки свободный диплом, я безуспешно пытался найти себе работу в Баку. К этой неприятности добавилась ещё одна - в начале марта неожиданно был арестован отец, обвиненный в получении взятки в размере 5 рублей за выдачу ложного больничного бюллетеня. Финансовое положение в семье, а мы тогда жили вместе с моими родителями, стало угрожающим. Отчаявшись, я сначала подался в город Орджоникидзе, теперь Владикавказ, в надежде устроиться там на работу, но это оказалось неудачной попыткой. По совету родственников я поехал в Степанакерт, где 8 апреля 1957 года устроился прорабом по строительству МТС. Через месяц я был назначен начальником производственно-технического отдела. Однако, все мои мысли были в Баку, с оставшимися там матерью и Ирой.

В конце августа я всё-таки уволился, и вернулся в Баку, где через месяц мне наконец удалось найти работу.

Помог мне в этом наш сосед по 5-му подъезду по фамилии Похиль.¹⁰⁰ Он мне тогда шутя сказал - «Смени фамилию на Кочар-заде и тебя сразу с раскрытыми объятиями возьмут на работу.» Он устроил меня к себе на работу в Азхлебтрест¹⁰¹, где работал начальника планового отдела. Я там проработал недолго с октября 1957 по апрель 1958.

Основная моя трудовая деятельность началась в апреле 1958 года, когда я поступил на работу в УНР¹⁰²-189 войсковой части № 64183 Бакинского Округа Противовоздушной Оборона. Это был один из самых важных по значению военных округов в системе Вооруженных Сил СССР, со штабом округа в Баку.

¹⁰⁰ Я был знаком с Яшей Похиль, сыном того кто помог отцу устроиться на работу. Это была очень тихая и незаметная семья, проживающая на 3-м этаже в 5-м подъезде, в квартире на право но третьем этаже.

¹⁰¹ Азербайджанский Хлебный Трест

¹⁰² Управление начальника работ – строительное управление

В УНР я прошел путь от мастера до начальника участка. Это была великолепная школа строительного мастерства и организаторской работы. Многому я научился и просиживая за учебными пособиями и справочниками, и никогда не стеснялся задавать вопросы и перенимать опыт у других. Ещё больше я учился на собственных ошибках и их исправлении.

В моей биографии отражена эпоха в которой я жил. Я искренне верил в большое будущее нашей страны, и гордился ее достижениями. Воспитанный на идеалах социализма, моею мотивацией в работе была не погоня за длинным рублём, а моя гражданская позиция, совесть и сознательность. Мне выпала скромная доля на протяжении более 15 лет активно участвовать в строительстве оборонных и социально-бытовых объектов вооруженных сил СССР. Работал я хорошо и с большой отдачей, всегда ответственно относясь к выполнению поставленных передо мной задач.

В августе 1960 года я вступил в ряды Коммунистической Партии Советского Союза.

Шестидесятые годы прошлого столетия были удачными для нашей семьи и моей карьеры. Мы очень хотели, чтобы у Серёжи была сестра и 19 октября 1961 года бог послал нам желанную дочь Лилю. Имена моим любимым детям я давал сознательное и адресно, в честь конкретных лиц. Если вы прочли предыдущие главы этой книги, то наверное уже догадались кто был тезкой моей дочери.

Строительный участок №2, который я возглавлял, был одним из лучших в УНР. В списке построенного нашим управлением значилось множество различных по назначению объектов.

Перечислю только лишь наиболее значимые из них:

- Причал для военных торпедных катеров на острове Наргин
- Комплекс корпусов окружного военного госпиталя ПВО в городе Баку
- Реконструкция и расширение 102-го военного авторемонтного завода
- Строительство нового цеха засекреченного завода по ремонту артиллерийских орудий и ракетных установок.
- Комплекс жилых домов для военнослужащих, и две 5-этажные гостиницы в Баку в районе Красный Восток
- Казармы ОМОН в пригородном посёлке Баладжары.
- Общежитие и жилой дом Краснознаменной Каспийской Флотилии в посёлке Зых.

С мая 1962 года по декабрь 1963 года я работал в проектно-институте Азгоспроект,¹⁰³ куда я вновь вернулся. Здесь, так же как и на производстве, я начал всё с азов, с должности инженера-конструктора, хотя большой опыт работы на производстве позволял мне рассчитывать на более высокую должность, что вскоре

---

¹⁰³ Азербайджанский Государственный Проектный Институт

и произошло - через 3 месяца я был назначен на должность старшего инженера. Из-за небывалых по тем временам темпов строительства и по-военному отведенных сжатых сроков выполнения поставленных задач, работа в военно-строительных частях была довольно напряженной. Редко кто выдерживал такой ритм работы, когда отработка 2-3-х смен подряд считалась обыденным явлением. Многие мастера и прорабы увольнялись через несколько месяцев, многие даже не дотянув до конца испытательного срока. Вспоминая то напряжённое по ритму время, я не перестаю удивляться тому, как мне удавалось найти в себе столько сил, энергии и терпения выдержать такой бешеный темп работы. Не всё всегда шло гладко, бурные дебаты, выяснения отношений с подчиненными, снабженцами, субподрядчиками и наконец с начальством, были неотъемлемой составляющей этой работы. Но при всём при этом я никогда не жалел о выборе профессии, и получал профессиональное удовлетворение видя конкретные результаты своего труда. Многие из них даже были увековечены на многие годы. На тех зданиях и объектах построенных мною, и сданных госкомиссии на отлично, как тогда было принято, были установлены мраморные памятные доски с моим именем, местом работы и занимаемой должности. В частности, они есть на корпусах окружного госпиталя, гостинице Красный Восток и на некоторых жилых домах.¹⁰⁴

Творчески относясь к работе, я внёс множество рациональных предложений, по улучшению производительности труда и экономии материалов. Ежегодно я читал курс теоретических занятий для строительных бригад.

Моя работа не осталась незамеченной. Я неоднократно был признан победителем соцсоревнований, и награжден всевозможными почетными грамотами.

Моя фотография постоянно висела на доске почёта. Мне также было присвоено звание Ударника коммунистического труда, и вручен наградной значок «Отличник военного строительства». В ноябре 1967 года указом Президиума Верховного Совета СССР я был награжден правительственной наградой орден «Знак Почета».¹⁰⁵ Любопытен факт моего награждения, оказывается я был представлен к награждению трижды, и только после третьего раза последовал указ о моём награждении. Командир в/ч 64183 полковник В. Валюта держал всё это в большой тайне от меня, желая огородить меня от лишних волнений и сделать мне неожиданный сюрприз. Как я позже узнал, полковник приложил много усилий, чтобы моё представление на награждение было утверждено в Верховном Совете СССР.

Строительные объекты нашего управления часто посещали высокопоставленные армейские чины вплоть до генералов. Строительство окружного госпиталя было

---

¹⁰⁴ Как-то проходя с друзьями по институту мимо ряда жилых домов, я случайно заметил на одном из них такую табличку и с гордостью показал её своим спутникам.

¹⁰⁵ Все перечисленные награды находятся у меня на хранении.

на личном контроле командующего Бакинского Округа ПВО. Этот важнейший пост в разное время занимали выдающиеся лица, чьи имена в период Великой Отечественной войны мелькали на страницах газет и сводках Информбюро. Я был очень рад возможности увидеть этих прославленных маршалов авиации и генералов, и серьёзно готовился к моим им докладам о ходе строительства. Командование всегда было удовлетворено ходом строительства, гордилось этим объектом, и не упускало возможности похвастаться им перед руководством республики. Когда были закончены первые два корпуса, Хирургический и Терапевтические, оснащенные новейшим медицинским оборудованием, командующий округом Генерал армии Герой Советского Союза Щеглов Афанасий Федорович пригласил тогдашнего главу республики Первого секретаря ЦК КП Азербайджана Вели Ахундова его посетить. Последний был в большом восторге от увиденного и шутливо сказал командующему глядя на меня - «Украду я его у вас.» Это признание моего труда было ценно не только тем, что оно было сказано лидером республики, но и тем, что оно исходило от человека с медицинским образованием, ранее долгое время работающим министром здравоохранения.

Как я уже заметил, наше УНР строило много жилых домов и в каждом из них вольнонаемным строителям, полагалось выделять 10% квартир. Дома строились в различных концах города, но в основном в районе Красный Восток, который тогда считался окраиной города. Через какие-нибудь 5–6 лет он потерял этот статус, уступив его другим новостройкам. Моё руководство неоднократно предоставляло мне квартиру, притом вне всякой очереди, но несмотря на то, что мы нуждались в ней, я подо всякими предлогами отказывался от них из-за их местоположения. Перестав надеяться на лучшие варианты, я записался в первый жилищный кооператив Баку, и приобрёл двухкомнатную квартиру на Северо-Советской площади.

Мои профессиональные успехи не доставались мне легко, за всё приходилось расплачиваться здоровьем. У меня стали сильно болеть ноги, и в начале 1970 года врачи посоветовали мне сменить работу. Как говорят русские - «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Честно говоря, к этому времени я уже психологически был готов к этому шагу. Дело в том, что в принятии этого решения помимо моего физического состояния, большую роль сыграли изменения произошедшие в нашем УНР. Некогда самый передовой, технически оснащённый строительной техникой и передовыми методами строительного производства, наш УНР к концу 1969 года уже явно отстал от аналогичных гражданских управлений. Да и сокращение финансирования военного строительства привело к сокращению снабжение материальными ресурсами и объемов работ. Не видя дальнейших перспектив, взвесив все за и против, я решил оставить производство, и посвятить себя проектной работе.

Глава 37 На Проектный Работе.

В начале июня 1970 года я был принят на работу на должность руководителя группы в отдел проектирования специальных сооружений проектного института СоюзВодоканалПроект. В новой должности я в основном осуществлял авторский надзор за строительством второй очереди Куринского водоканала, возводимого для улучшения водоснабжения Баку. Далее моя карьера привела меня в проектную контору Совхозпроект где я проработал в должности главного инженера проекта¹⁰⁶ и начальника архитектурного и строительного отдела. Далее судьба меня привела в Московский филиал института Гипропищепром, где я проработал в должности ГИПа вплоть до вынужденного отъезда из Баку. Моя самая плодотворная проектная работа осуществилась именно в этом институте, где мне было доверено возглавить проектирование ряда крупных и важнейших объектов аграрного и промышленного комплекса республики и страны. В основном это были заводы перерабатывающей промышленности- консервные, винодельческие и хлебозаводы. Наиболее значимые из которых были консервные заводы в городах Куба, Хачмас, Уджар, Ордубаду, Агджабеди, хлебозавод в городе Агдам и винзаводы во многих крупных совхозах районов где было развито виноградарство.

Работая над этими проектами, мне как ГИПу нередко приходилось участвовать в разных совещаниях в министерствах и ведомствах. По объектам всесоюзного значения, таких как кубинский консервный завод и реконструкция Хачмазского консервного завода, я неоднократно бывал в ЦК¹⁰⁷ партии и в Совете Министров Азербайджана. Не редко встречи состоялись непосредственно на строительных площадках. Во всех этих совещаниях мне, как главному инженеру проекта приходилось принимать активное участие в обсуждении проекта и хода его строительства, и при необходимости отстаивать интересы института. Случалось это очень часто, подрядчики то и дело стремились в присутствии высокого начальства, а здесь обычно принимали участие заведующие отделами ЦК партии республики, министр, замминистра и так далее заменить те или иные решения по принятым проектом конструкции или материалом, зачастую отстаивать свои, чиста узковедомственные интересы. Моей задачей было не поддаваться, и не дрогнуть перед этим напором. К сожалению это не всегда удавалось. По делам работы я исколесил почти всю республику и часто бывал в Москве. Общаясь с высокопоставленными чиновниками Баку или районов республики, со многими у меня сложились хорошие отношения. Мы вместе ехали в командировки, проживали в одной гостинице, иногда даже делили гостиничный номер, который

---

¹⁰⁶ Сокращённо ГИП.

¹⁰⁷ Центральный комитет.

обычно был класса люкс. Вечера мы тоже проводили вместе умеренно выпивая, или играя допоздна в бильярд, нарды и шахматы. Такие неформальные встречи безусловно помогали мне в работе. Я запросто звонил им, чтобы решить те или иные вопросы. Решения по важным вопросам на местах принимал 1-й секретарь райкома партии, хотя это была прерогатива председателя исполкома.¹⁰⁸ Поэтому, по приезду в район, свой визит я начинал с Райкома партии. Стоило мне назвать моё имя и цель моего визита секретарше, как меня тут же принимали без очереди, отложив все другие дела. Обычной о своём приезде я предупреждал звонком из Баку. Я не строил иллюзий хорошо понимая что все почести в отношении меня, на самом деле отдавались моему «мундиру». Власть на местах понимала, что от моего решения зависело многое, например будет ли консервный или винзавод у них в районе. Отсюда особенное отношение к моей персоне, но это уже другой разговор.

Как вы уже знаете, с самого детства я много путешествовал, и это мне очень нравилось. В студенческие годы, как я уже отмечал, я ездил по городам СССР на практику, и за время учёбы побывал в Кировабаде, Мимгечауре, Сталинграде и Москве. Памятуя известную цитату « Кто хорошо отдыхает-тот хорошо работает», я уже работающим человеком, вместе с семьёй выезжал летом в отпуск, если не каждый год, то через год. Бежав из знойного боку, мы проводили отпуска в разных курортных городах Союза. Мы неоднократно отдыхали в городах Кавминвод, Кисловодск, Ессентуки и Железноводск, дважды в Нальчике, в Гаграх и Гудауты, Белая Церковь. Летом 1972 году мы провели отпуск в Москве, это было то лето известных торфяных пожаров в Подмоскowie.

В 1973 году на работе я неожиданно легко приобрел автомобиль Жигули ВАЗ-2101. Это была первая модель собранная ещё итальянцами в Тольятти. Этот автомобиль и по сей день на ходу и находится неразлучно со мной. Это, если хотите, мой талисман, машина легенда. Где только не колесила она за последние 30 лет, ни разу меня не подвела. О ней будет сказано много в моей книге, она заслужила это. Я долго мечтал о своём транспорте, и даже планировал маршруты путешествий. Пробный выезд за пределы города, состоялся летом 1974 года. Отец в то лето намеревался поехать в Нагорный Карабах для встречи со своими друзьями и бывшими сослуживцами. Узнав об этом, я предложил его отвезти, и заодно испытать себя в дальней поездке по трассе. Дорогу Баку-Евлах я знал прекрасно, так как не раз ездил по ней по служебным делам. Узнав о нашей поездке, изъявила желание присоединиться к нам и моя тёща Тамара. Там в родном селе Норшен, уже находился её муж, мой тесть Ишхан Данилович. Неожиданно изъявил желание присоединиться к нам и наш зять, Ирочкин муж Амир. В то время он работал рядовым инженером в каком-то нефтяном

---

¹⁰⁸ Исполнительный Комитет.

управление. Мы с Амиром устроили себе командировки, и отправились в поездку за казённый счёт. Выехали мы в субботу рано утром, ехали хорошо, но без приключения не обошлось. За 150 км от Баку, у села Талыш я совершил наезд на большого телёнка. Мне повезло, что Амир был с нами. С его помощью мы быстро всё уладили, и продолжили наш путь. Серёжа тогда не смог с нами поехать, так как в это время сдавал вступительные экзамены в институт. Окончив десятый класс, он подал документы в Политехнический институт, и без всякой помощи и вопреки нашим некоторым опасениям, успешно сдал экзамены и был зачислен студентом первого курса. До начала занятий оставалось ещё время, и я решил оригинально отметить этот его успех поездкой на нашу историческую родину в Армению где мы никогда не были, если не считать моё там пребывание в грудном возрасте, то никто из нас там, за исключением Серёжи там не был. Ире на работе не дали отпуск, и она не смогла с нами поехать. Вместо неё с нами поехала её младшая сестра Нора. И эта поездка оказалась прекрасной и незабываемой, и в какой-то мере поучительной.

Апофеозом наших путешествий, был круиз по европейской части СССР, который мы осуществили в 1976 году. Повод для этого был. По окончании второго курса, летом этого года, Серёжа записавшись в стройотряд, вместе с его товарищами по группе, был отправлен на работу в старинный русский город Кашин Калининской области.¹⁰⁹ Кашин находился между Москвой и Ленинградом, недалеко от административной границы с Ярославской областью. У Иры было близкая школьная подруга, которая жила в Ленинград. Договорившись с ней остановиться у неё, мы отправились в путь рассчитывая по дороге заехать и навестит Серёжу. Взяв отпуска, мы втроём Ира, Лиля и я в конце июля выехали из Баку.

Первоначальный наш маршрут был намечен таким: Баку – Грозный – Пятигорск – Ростов-на-Дону – Воронеж – Москва – Ленинград-Калинин – Кашин – Калинин – Нижний Новгород – Калининград, и обратно напрямик в Баку. Август того года был очень дождливым, и город Дербент в Дагестане встретил нас проливным дождём, который сопровождал нас до самого Ростова. К слову сказать, в пути мы часто попадали под дождь. Я не любитель ночных поездок, поэтому мы ехали только в дневное время суток, проезжая по 300–500 км от одного крупного города до другого. Ночевали мы у родственников и знакомых, если таковые имелись, или если удавалось в гостиницах, кемпингах и турбазах. Однако в большинстве случаев мы ночевали в машине. Романтика! Остановившись от одного до 3 дней, в зависимости от значимости места пребывания, мы знакомились с достопримечательностями данного города, и достаточно отдохнув, снова продолжали свой путь. Больше всех мы провели время в Ленинграде, живя на Васильевском острове. В этом прекрасном городе вторым после Москвы по

---

¹⁰⁹ До революции город назывался Тверь. После развала СССР ему вернули это имя.

величине и значению города в нашей стране, мы познакомились с его богатой архитектурой и историческими местами и музеями. Побывали мы и в окрестностях Ленинграда, ознакомившись с историческими местами в городах Петродворца, Пушкин и Павловск. К сожалению время нас поджимало, и мы проведя незабываемых девять дней в Ленинграде покинули его. Под впечатлением увиденного мы решили изменить наш первоначальный план, и продлить наше удовольствие посещением республик европейской части тогдашнего СССР: Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия и Украина. Этот замысел мы успешно осуществили, с выходом на Ростов, через Харьков. Говорят аппетит приходит во время еды. В Ростове я подумал, а почему бы нам не вернуться в Баку по другому пути? Маршрут ч через Осетию, по Военно-Грузинской дороге, в Грузию, в Тбилиси, оттуда в Кировабад и далее в Баку. Сказано-сделано. После Налчика мы свернули с основной магистрали Баку - Ростов на Осетию. , через её столицу город Орджоникидзе по военно-грузинской дороге, преодолев хребты большого Кавказ, с многочисленными ущельями, перевалами и тоннелями, мы наконец спускаемся по Южному склону хребта к реке Арагви. Проехав за месяц 12000км мы 30 августа вернулись в Баку с незабываемыми впечатлениям от увиденного. С приобретением автомобиля мы стали чаще ездить на курорты Кавказских Минеральных Вод. Первая такая поездка состоялась летом 1977 года. На этот раз наш выбор пал на город Ессентуки. Ещё в Баку мы знали у каких хозяев мы остановимся. Их адрес нам дала близкая школьная подруга Лили, которая вместе с родителями отдыхала у них годом раньше. Наш приезд оказался судьбоносным для нашей семьи.

Юрий Ашотович Кочаров
Баку 19.12.1931 – 14.09.2003 Белый Уголь